

*Альманах издан при поддержке  
народного депутата Украины  
Сергея Рафаиловича Гриневецкого*

Асоціація європейської культури  
«Золота акація»

**ПІВДЕННИЙ ЗАХІД.  
ОДЕСИКА**

**ІСТОРИКО-КРАЄЗНАВЧИЙ НАУКОВИЙ  
АЛЬМАНАХ**

**ВИПУСК 16**

Одеса  
«Друкарський дім»  
2013

Ассоциация европейской культуры  
«Золотая акация»

ЮГО-ЗАПАД.  
ОДЕССИКА

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ  
АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 16

Одесса  
«Печатный дом»  
2013

УДК 930.152.066  
ББК 84(4Укр=Рус)6-5Од  
Ю 16

**Главный редактор:** Савченко В. А., кандидат исторических наук,  
доцент, писатель.

**Редакционная коллегия:**

Бажан О. Г., кандидат исторических наук (Киев);  
Гончарук Т. Г., доктор исторических наук, доцент;  
Демин О. Б., доктор исторических наук, профессор;  
Добролюбовский А. О., доктор исторических наук, профессор;  
Михайлуца Н. И., доктор исторических наук, профессор;  
Тригуб А. П., доктор исторических наук, доцент (Николаев);  
Урсу Д. П., доктор исторических наук, профессор;  
Цвиллок С. А., доктор исторических наук, профессор,  
Хмарский В. М., доктор исторических наук, профессор.

**Рецензент:** Яневский Д. Б., доктор исторических наук (Киев).

Контактный телефон редакции и секции «Одессика» одесского  
Дома ученых: 8050 - 3922731

Південний Захід. Одесика.  
Ю 16 Історико-краєзнавчий науковий альманах. - Вип. 16.  
-Одеса: Друкарський дім, 2013.

ISBN 978-966-389-291-8

На 1-й странице обложки – фото курорта Куяльник (нач. XX в.)  
На 2-й странице обложки – подробный план катакомб в районе совхоза «Авангард»: к статье К. Пронина, Е. Ощепковой.  
Подземный партизанский отряд поселка Авангард.

ISBN 978-966-389-291-8      © Савченко В. А., составитель, 2013

**СОДЕРЖАНИЕ**

**Вступне слово С. Гриневецького .....9**

**СТЕПИ ЛУКОМОРЬЯ**

**Шкрібітько О. (Донецьк) Огляд радянської історіографії з проблеми заселення Півдня України в XVI-XVIII ст....10**

**Красножон А. История исследований армянского храма Аккермана.....21**

**ОДЕССКИЕ ДРЕВНОСТИ**

**Гончарук Т. Пропозиція М. С. Воронцова 1826 р. про зняття усіх обмежень з одеського порто-франко.....37**

**Савченко В. Одесская анархистская группа «Молодая воля» (новое о «Мишке Япончике» и его юношеском окружении).....47**

**Дубовик А. (Днепропетровск) Махаевцы в Екатеринославе: «Партия борьбы с мелкой собственностью и всякой властью» (1904 г.).....76**

**Михальченко В. Военная церковь на Новосельского..87**

**Гончарук Т., Погуляев А. Что писала газета «Одесский листок» про футбол 100 лет назад.....93**

**КРАЙ В ЭПОХУ ДИКТАТУР**

<b>Верховецкая М.</b> Деятельность художественного Общества им. К. К. Костанди в Одессе 1921 – 1929 гг. и «карательная» пролетарская пресса.....	103
<b>Бажан О.</b> (Київ) Реалізація директиви НКВС № 00439 на Одещині (1937—1938).....	121
<b>Новосьолов О.</b> (Івано-Франківськ). Теорія і практика побудови «Великої Румунії» у 1940 - 1941 рр.....	128
<b>Михайлуца М.</b> Тема російської колаборації на шпальтах газет в окупованій Одесі (1942-1943 рр.).....	147
<b>Пронин К., Ощепкова Е.</b> Подземный партизанский отряд поселка Авангард.....	156
<b>Сеїтова Е.</b> (Сімферополь) Реалізація програми трудової міграції до Криму (1944–1976).....	183

**ОДЕССА НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ**

<b>Филипенко А.</b> Одесская область на рубеже XX-XXI столетий. Часть четвертая. Выборы Президента Украины 2004 г. и «оранжевая революция».....	193
---	-----

**ВТРЕЧИ С ОДЕССОЙ. ЛИЦА ЗЕМЛЯКОВ.**

<b>Урсу Д.</b> Эминеску в Одессе. Год 1885.....	203
<b>Климчук А.</b> (Рівне) «3 вражень Одеських» Мар'яна Дубецького.....	236

<b>Левченко В., Левченко Г. З історії українського театру: бенефіси Марії Заньковецької в Одесі.....</b>	<b>240</b>
<b>Верба І. (Київ). Захист докторської дисертації істориком Костем Штеппою в Одесі (1927).....</b>	<b>252</b>
<b>Музычко О. Профессор и революция: общественно-политические взгляды И. А. Линниченко в 1917-1920 гг. ....</b>	<b>266</b>
<b>Решетов С. К родословной В. Шульгина и В.Пуришкевича.....</b>	<b>281</b>

# ***ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА***

---

---

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

---

---

*Дорогі друзі!*

Щиро вітаю Вас із виходом 16-го номера історико-краєзнавчого альманаху «Одесика. Південний Захід».

У нинішньому номері немало цікавих матеріалів, присвячених ювілейним датам, зокрема 190-річчю призначення М. С. Воронцова Новоросійським генерал-губернатором та 100-річчю першого тріумфу одеського футболу. Особливе місце в альманасі посідає тема Другої світової війни і подвигу одеситів. Ця тема залишається актуальною. Тим більш, що у 2014 році ми відзначитимемо 70-річчя визволення Одеси від фашистських загарбників. Думаю, що цій події буде присвячено окремий випуск альманаху.

Приємно також відзначити, що чимало матеріалів присвячено питанням поліетнічної культури нашого регіону, представникам різних народів, які зробили внесок у розвиток Одеси.

Перегортаючи сторінки альманаху, переконуєшся в черговий раз у тому, наскільки багатою є історія нашого краю, скільки подій ще потребує висвітлення, скільки визначних осіб ще чекають на своїх біографів.

Бажаю авторам та читачам альманаху нових звершень, невтомності у пошуку, безпристрасності в оцінках!

*Народний депутат України  
Сергій Гриневецький*

# ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

---

## СТЕПИ ЛУКОМОРЬЯ

*Олена Шкрібітько (Донецьк), кандидат історичних наук, доцент, Донецький державний університет управління*

### ОГЛЯД РАДЯНСЬКОЇ ІСТОРИОГРАФІЇ З ПРОБЛЕМИ ЗАСЕЛЕННЯ ПІВДНЯ УКРАЇНИ В XVI-XVIII СТ.

У сприйнятті сучасниками історичного минулого земель південно-східної частини України виняткове значення має відтворення подій, які мали місце в XVI-XVIII ст. В цей період почалося заселення і освоєння цієї території, яке у наступні періоди набуло подальшого розвитку. Обставини цього розвитку досліджувалися в роботах радянських істориків (Д. Багалій, Н. Полонська-Василенко, А. Новосельський, В. Голобуцький, О. Дружиніна, В. Кабузан, А. Коцієвський, В. Пірко та ін). Їх роботи ґрунтуються на широкій джерельній базі, зокрема на архівних матеріалах дореволюційного періоду. Завдяки їх дослідженням у науковий обіг був введений великий фактичний матеріал з політичної, соціально-економічної і духовної історії Півдня. Водночас до сьогодні досить дискусійними залишаються питання щодо заселення цієї території, заснування тут населених пунктів та міст. Більш того, проблема з історичної площини поширилась у політичну і тому є надзвичайно актуальною. Саме знання історичного минулого цього краю дозволяє сучасним його мешканцям віднайти відповіді на нагальні питання та проблеми. Метою даної статті є критичний аналіз, систематизація та узагальнення історіографічного доробку радянських істориків у дослідженні зазначеної проблеми.

Одним із перших тему почав вивчати видатний український історик, краєзнавець і громадський діяч академік АН УРСР Д. І. Багалій. У 1918 р. ним опублікована «Історія Слобідської України». Ця робота фактично була коротким викладом його докторської дисерта-

ції, опублікованої в 1887 р. В 1990 р. праця була перевидана. Автор розглянув заселення містечок Маяки, Тор, Бахмут (Слов'янськ) і їх роль в захисті південних рубежів Росії, а також участь ченців Святогірського Успенського печерного монастиря в освоєнні Степової (Південної) України в XVI-XVIII ст. [1. 36 - 39, 42 - 47]. На сьогодні це єдина цілісна праця з історії Слобожанщини, що охоплює період з моменту її заселення до початку ХХ ст. Робота написана на широкому архівному матеріалі, що дозволяє відтворити цілісну картину походження та еволюції крупного землеволодіння, феодално-кріпосницьких відносин в межах даного регіону. В дослідженні висвітлюються різнопланові питання з географії регіону, його освоєння і економічного розвитку, побуту і релігійного життя населення. Зокрема, історик ототожнює світських та духовних феодалів, зазначаючи, що у них були аналогічні шляхи нагромадження земельної власності і в більшості були схожі податкові системи по відношенню до підданого населення.

У 1920 р. Д. Багалій перевидав українською мовою працю, опубліковану ще в 1889 р. Робота переважно — оглядова, побудована на значному архівному матеріалі. Автор характеризує природу степового регіону, визначає види, форми, розміри і темпи колонізації, роль у ній держави і народу. Головною дійовою силою, що виступила на історичній арені задовго до російського уряду, вчений вважав Запорозьку Січ. В цьому нарисі вперше історія Запорозьких Вольностей нерозривно пов'язується з подальшою історією південного краю. Вирішальну роль в заселенні краю дослідник відводив народній колонізації (українській і російській). Вчений акцентував увагу на тому, що весь південь Росії, в тому числі і Новоросійський край, заселявся переважно за рахунок втікачів, козаків і селян, яки були головним колонізаційним елементом на цих землях. Роль держави він вбачав в охороні кордонів, будівництві міст тощо [2. 63, 69].

У 1922-1923 рр. М. Слабченко видає працю у п'яти частинах «Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны». Її друга частина була присвячена господарству Запорож-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

жя XVII-XVIII ст. Робота побудована здебільшого на працях попередників, опублікованому документальному матеріалі. Невеликий за обсягом неопублікований матеріал був зібраний автором у Харківському, Київському і Одеському архівах. Перевага в колонізації південних степів віддається українцям, росіянам та іноземцям [3.1 - 2]. В додатках міститься карта торгівельних шляхів України XVII-XVIII ст.

Наприкінці 20-х рр. до вивчення історії колонізації Південної України 30-80-х рр. XVIII ст. залучаються представники нового покоління дослідників. Вагомий внесок у вивчення теми зробила Н. Д. Полонська-Василенко. Опираючись на архівні матеріали, опубліковані законодавчі акти російського уряду, дослідниця визначила основні етапи заселення території, зміни у чисельності населення, його соціальний та етнічний склад. Розглядається урядова та народна колонізація. Проаналізовано заходи царського уряду щодо реалізації планів заселення Новоросії та Слов'яносербії. Розглянуто причини переходу військових поселенців на територію Запорозьких Вольностей [4. 110 -138].

Ще одна її робота присвячена аналізу даних Атласу Катеринославського намісництва 1787 р. та картографічних матеріалів 1775-1780 рр. Основні кількісні показники про роздачу земель під заселення та дані про її залюдненість дослідниця звела в таблиці і порівняла з аналогічними відомостями за 1786-1789 рр., визначивши ймовірні похибки [5. 90 - 169]. Варто зазначити, що в жовтні 1941 р. в Інституті історії СРСР у Москві Н. Полонська-Василенко захистила докторську дисертацію на тему «Очерки по истории заселения Южной Украины в середине XVIII в. (1735-1775)».

У 40-х рр. радянськими істориками активно вивчалася проблема класової боротьби, в тому числі і на території регіону. Вперше в літературі у статті Є. Черкаської описано виступ бахмутських і торських солеварів у 1765 р. проти адміністрації соляних промислів. Подається коротка історія промислів, починаючи з кінця XVI ст. [6. 109 - 111].

Дослідження К. Стецюк містить матеріал про вплив селян-

ських рухів другої половини XVII ст. на заселення Слобідської України, Лівобережжя та Правобережжя. На багатому архівному матеріалі описано землеволодіння (орні землі та промислові угіддя) Святогірського монастиря XVII ст. Зазначено, що вказана власність формувалась завдяки державним дотаціям Москви за надання інформації про кількість і напрямки пересування татар на південному прикордонні. Автор також характеризує процес заселення царським урядом земель за Белгородською лінією протягом XVII ст. [7. 306].

У другій половині 40-х рр. виходить ряд праць з історії російсько-турецьких і російсько-кримських відносин. Чільне місце серед них займає ґрунтовна монографія О. Новосельського. Обраний вченим період (перша половина XVII ст.) належить до найменш вивчених в історіографії того часу. В основу дослідження покладено переважно дипломатичні документи Посольського приказу. Розглядаються питання будівництва урядом оборонних ліній, організації сторожової та станичної служби, під прикриттям якої населення освоювало нові території, включаючи землі Середнього Подонців'я. В додатках містяться карти татарських набігів 30-40-х рр. XVII ст. [8. 159 - 166, 293 - 307, 402 - 415].

В зазначений період видаються роботи, присвячені сільсько-господарській діяльності населення регіону у XVIII ст. Дослідник П. Лященко звертає увагу на процес переміщення основних хліборобських центрів в південну причорноморську смугу. Зазначається, що на освоєних землях були розповсюджені старі типи орних знарядь праці: дерев'яне рало та плуг. Це свідчило про освоєння території переважно українським населенням [9. 97 - 127]. В іншому дослідженні розглядаються питання щодо заселення і господарського освоєння південних степів, проникнення населення на Дон, до Азовського та Чорного морів. Аналізується економічна основа осілости козаків у XVI-XVII ст. [10. 313 - 315, 342 - 345, 532 - 537].

Визначне місце в радянській історіографії 50-х рр. належить В.О. Голобуцькому, який розглянув роль запорозького козацтва в освоєнні краю. У монографії «Запорожское казачество», незважа-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

---

ючи на класовий підхід та вплив офіційної ідеології на виклад матеріалу, ним висвітлені питання колонізації південних степів у XVI-XVIII ст., акцентується увага на ролі українського козацтва в колонізації земель нижнього Подніпров'я. Автор порушує проблему ставлення запорожців до релігії, наводить документи про суперечки за землю між козацтвом і духовенством, описує деякі аспекти взаємин запорожців з Самарським і Нефороцанським козацькими монастирями та характеризує стан підданого населення другої половини XVIII ст. [11. 125, 360]. Монографія містить карти Г. Бошлана, географічні карти островів тощо. У 1994 р. ця робота була перевидана українською мовою і суттєво доповнена новими фактами.

У 1961 р. вийшла ще одна монографія В. Голобуцького, яка переважно побудована на матеріалах архіву Коша Нової Запорозької Січі. Поруч з питаннями заселення, автор зосереджує увагу на проблемі господарського освоєння краю, чимало місця відводить торговельним зв'язкам Запорожжя з Кримом та турецькими провінціями. Аналізується колоніальна політика царського уряду в Причорномор'ї і наголошується на негативному її впливі на становище населення Південної України [12. 66 - 69]. Автором звернуто увагу на проблему формування вотчини Самарського монастиря і взаємовідносин ченців з підлеглим населенням [13. 363].

Дослідниця О. Дружиніна в своїй монографії розглянула процес входження до складу Росії земель між річками Бердою і Дністром (1791). Ці землі у 1796 р. разом із землями колишньої Запорозької Січі склали Новоросійську губернію. Зупиняється автор і на Чорноморській проблемі напередодні російсько-турецької війни 1768-1774 рр. [14. 33 - 35].

В іншій монографії вона характеризує особливості колонізації та господарського освоєння земель Південної України в останній чверті XVIII ст. Дослідниця акцентує увагу не тільки на розмірах освоюваної території, а й на методах форсованого її заселення через влаштування військово-землеробських поселень [15. 4 - 5, 9, 58 - 62].

Для вивчення проблеми автор використала не тільки доробок

вітчизняної та зарубіжної історіографії, але й різний документальний матеріал. Вперше у великому обсязі введено до наукового обігу картографічні матеріали кінця XVIII ст. Аналізуючи хід заселення та господарського освоєння краю, дослідниця зупиняється на особливостях формування населених пунктів, розвитку промисловості й торгівлі. В роботі є дані про динаміку заселення земель Запорозжя в останній чверті XVIII ст., кількісний, соціальний і національний склад населення Новоросійської губернії [16, 50, 54, 69]. В цілому праця пройнята ідеєю цивілізаторської місії Російської імперії у Північному Причорномор'ї.

Серед досліджень 70-х рр. на особливу увагу заслуговує монографія В. Кабузана, присвячена процесу заселення півдня України протягом XVIII – першої половини XIX ст. (1719 – 1858 рр.). Хронологічні межі дослідження визначили матеріали ревізьких казок. Автором застосовано комплекс російського законодавства щодо адміністративно-територіального устрою Південної України за 1703-1775 рр. На підставі архівних документів дослідник простежує хід заселення краю, наводить відомості про кількість населення, його етнічний і соціальний склад на різних етапах, звертає увагу на фактори, що впливали на освоєння регіону. Певні документи було порівняно з картографічними та статистичними джерелами, що дозволило авторові встановити приріст населення, показати значення народних міграцій та заходів царського уряду в заселенні краю тощо. Враховуючи те, що ревізький облік охоплює не всі верстви населення, то зрозуміло, що проведені дослідником за його даними підрахунки чисельності населення вимагають відповідних уточнень. Найбільший сумнів викликають відомості про заселення запорозьких земель на час ліквідації Січі [179,119-120]. Незважаючи на певні недоліки, праця В. М. Кабузана єдине дослідження в радянській історіографії, де комплексно і в динаміці проаналізовано особливості заселення і освоєння регіону в зазначений період.

У загальних рисах хід заселення й освоєння Північного Причорномор'я в другій половині XVIII ст. відтворює В. Тимофієнко. Географічні кордони роботи охоплюють південь України.

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Для дослідження питання автор використав картографічний матеріал, насамперед плани міст. Це дозволило йому простежити за особливостями забудови міст відповідно до їх функціонального призначення. Цінними є відомості про будівництво фортець та укріплених ліній, які відіграли важливу роль в заселенні краю. Автор аналізує чисельність, соціальну структуру, національний склад міського населення. При цьому він наголошує на заселенні краю в переважній більшості саме українським населенням [18. 33]. Фактично, це перша спроба в радянській історіографії комплексного вивчення кола питань, пов'язаних з містами Північного Причорномор'я другої половини XVIII ст.

Відомості про поселення в Причорномор'ї вихідців з інших країн, перш за все молдован, волохів та інших представників романської мовної групи наявні в монографії В. Шишмарьова. Дослідження побудоване на великому фактичному матеріалі, зібраному переважно в довоєнні роки в обласних (Дніпропетровському, Одеському) архівах. Значна частина цих матеріалів була втрачена у воєнні роки. Тому наведені в книзі факти про поселення на півдні іноземних вихідців мають велике значення для дослідження питання формування поліетнічного складу населення регіону. Автор зосередив увагу саме на сільській, а не місцевій романській імміграції. При цьому багато цікавого матеріалу присвячено переселенню молдован та вихідців з Балканського півострова у Південну Україну. Процес простежено з початку XVI ст., більш детально розглянуто заселення у XVII-XVIII ст. Виявлено причини іноземної колонізації, проаналізовано спільні і відмінні риси в заселенні іноземних та слобідських поселень [19. 38]. Однак дослідником недостатньо подаються відомості про чисельність сербів і волохів під час переселення в Південну Україну. Зокрема, потребують уточнень підрахунки чисельності романського елемента в полках української ландміліції, Новосербських, Слов'яносербських полках. Автором відмічається, що важко встановити і національний склад для того, щоб виявити роль волохів у поповненні військових частин [20. 30, 38, 50].

Слід зазначити, що у 60-70-х рр. точилися дискусії з проблеми колонізаційних процесів на землях Південної України. Змістовна доповідь авторського колективу на чолі з С. Боровим дала змогу узагальнити суттєві особливості освоєння півдня України і порівняти їх з історією землеробського освоєння всього південного степу (Південна Бессарабія, Дон). Селянська колонізація авторами була означена як стихійна, майже безконтрольна з боку російського уряду. В доповіді відмічено і господарську спеціалізацію південного регіону. Важливими факторами колонізації Південної України названо розповсюдження тут поміщицького землеволодіння та багатоземелля, але землі поміщиків були заселені менше у порівнянні з державними [21. 8,14].

О. С. Коцієвський у своїй статті розглядає основні причини і напрямки селянської колонізації. Важливе значення мають відомості про соціальний і національний склад селян Новоросії, які оселилися на півдні в кінці XVIII ст. Зазначається, що, під час четвертого перепису (1782) населення причорноморських губерній переписали лише старожили, які мали заможне господарство. Це, у переважній більшості були колишні запорожці-зимовчани [22. 226 - 227].

Деякі нові факти з історії урядової колонізації південно-східної частини України вводить у науковий обіг робота В. П. Загоровського. Автор навів цікаві факти про організацію пограничної (сторожової і станичної служби), яка захищала південні землі від татарських набігів і сприяла колонізаційним процесам на землях Подонців'я. Згадується про Святогірську сторожу, що стояла на лівому березі Сіверського Дінця напроти Святих гір (Святогірського печерного монастиря) [23. 46].

Певне значення в дослідженні проблеми мають праці, які несуть інформацію про перехід населення на південь з інших регіонів. В роботах А.Г. Слюсарського наявні відомості про перехід населення зі Слобожанщини. В історичному нарисі автор згадує Святогірський монастир і відносить його заснування до середини XIII ст. (до монголо-татарської навали), коли місцеве населення побудувало тут оборонний пункт для захисту від набігів кочівників

[24. 6]. Окремо розглянуто питання щодо зведення Української укріпленої лінії. Ця інформація заслуговує на увагу, хоча автор несподівано розташував фортеці лінії. У своїй монографії А. Слюсарський, використавши архівні матеріали Києва і Харкова, фактично вперше навів короткий узагальнюючий нарис розвитку Торських та Бахмутських соляних промислів протягом XVII-XVIII ст. В роботі є інформація про господарський розвиток Святогірського монастиря. Зокрема, автор вважає, що саме святогірські ченці першими почали добувати сіль на Торських озерах [25. 313].

Значний вклад у дослідження питань залюднення і загосподарювання Північного Приазов'я в XVI-XVIII ст. зробив донецький історик В. О. Пірко. Його дослідження дозволяють скласти цілісне уявлення про хід спорудження Української, Торської і Дніпровської укріплених ліній, їх роль в організації оборони і освоєнні краю. Більшість використаних автором архівних матеріалів введено до наукового обігу вперше. Свідчення про заселення і освоєння зазначеної території можна почерпнути з відомостей дослідника про перше стаціонарне поселення на території Донбасу – Святогірський печерний монастир, заснування якого автор пов'язує з відхідницькою діяльністю української людності та організацією сторожової і служби на півдні Московської держави на рубежі XV-XVI ст. [26. 73; 27.109]. В. Пірко і А. Слюсарський вважали, що саме святогірські ченці були одними з перших солеварів Середнього Подонців'я [28. 10].

Підсумовуючи матеріал статті, слід зазначити, що в радянській історіографії 20-30-х рр. спеціальні дослідження із зазначеної проблеми відсутні. Лише з середини 50-х рр. з'являються перші роботи, автори яких торкалися певних питань теми. З середини 80-х рр. поживавився інтерес до регіональної історії, розширилась проблематика досліджень. Загалом радянська історіографія нагромадила значний фактичний матеріал з історії заселення Південної України на протязі XVIII ст. Що стосується більш раннього часу, то відомі факти мають як тематичні, так і хронологічні обмеження. Перспективним завданням дослідження є докладний аналіз сучасної української історіографії із зазначеної проблеми.

### Література:

1. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. — Харків, 1990.
2. Багалій Д. І. Заселення Південної України (Запоріжжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку. — Харків, 1920.
3. Слабченко М.Е. Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны: В 5 ч. — Одесса, 1922-1923. — Т.1.
4. Полонська-Василенко Н. Історія України: У 2-х т. — К., 1995. — Т.2.
5. Полонська-Василенко Н. Запоріжжя XVIII століття та його спадщина. — Мюнхен, 1965. — Т.2.
6. Черкаская Е. Стачка рабочих Бахмутских и Торских соляных заводов в 1765 г. // Историк-марксист. — 1940. - №11.
7. Стецюк К. І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50-70-х роках XVII ст. — К., 1976.
8. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. — М. - Л., 1948.
9. Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке // Исторические записки. — М., 1945. - №15.
10. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. — М., 1959. — Т.1.
11. Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. — К., 1957.
12. Голобуцкий В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734-1775). — К., 1961.
13. Там само.
14. Дружинина Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года. — М., 1955.
15. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. — М., 1959.
16. Там же.
17. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX в. (1719-1858 гг.). — М., 1976.
18. Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. — К., 1984.
19. Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России. — Л., 1975.
20. Там же.

21. Боровой С. Я., Анцулов И. А., Коциевский А. С., Пронштейн А. П., Чекменев С. А. О некоторых закономерностях развития аграрных отношений в южных колонизируемых окраинах европейской России (вт. пол. XVIII – пер. пол. XIX вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Л., 1972.

22. Коциевский А. С. Крестьянское движение в Южной Украине в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1962.

23. Загоровский В. П. Изюмская черта. – Воронеж, 1980.

24. Слюсарський А. Г. Слобідська Україна: Історичний нарис XVII-XVIII ст. – Харків, 1954.

25. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII-XVIII вв. – Харьков, 1964.

26. Пирко В.О. Географія збуту донецької солі у XVII-XVIII ст. // Історико-географічне вивчення природних та соціально-економічних процесів на Україні. – К., 1988.

27. Пирко В. А. Донецкие сторожи // Донбас. – 1988. - №6.

28. Пирко В. А. Северное Приазовье в XVI-XVIII вв.: Учеб. пособие. – К., 1988.

*Андрей Красножон,*

*кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных дисциплин ОГУВС*

*ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ  
АРМЯНСКОГО ХРАМА АККЕРМАНА  
(БЕЛГОРОДА-ДНЕСТРОВСКОГО)*



Армянский храм Успения св. Богородицы, сохранившийся в г. Белгороде-Днестровском, представляет собой прямоугольное в плане сооружение, размером: длина — 26,7 м (по внешнему контуру, без учета западного портика), ширина — 8,4 м. По сторонам от алтарной части — два прямоугольных в плане придела. Апсида: шириной 4,35 м и глубиной 3,6 м. Над южным входом сооружен притвор размером: 6,4-6,4 м. Над западным входом находится портик на четырех колоннах. Дата строительства храма в работах разных исследователей варьируется от XIV—середины XV вв. до 1830-х гг.

«Армянская церковь в Белгороде появилась уже в 1384 г.», утверждал румынский историк Дж. Сируни, опираясь на сведения документального источника, который указывает, что католикос Теодорос (1389-1392 гг.) своим кондаком утвердил предводителем армян Львова архиепископа Ованеса, подчинив его власти также общины Луцка и Манкермана [1. 279; 2. 87].

Дж. Сируни связывает упомянутый Манкерман с Аккерманом/Белгородом. Но это сопоставление ошибочно [3. 65-74; 2. 87].

Поэтому первым косвенным историческим свидетельством в пользу существования в Белгороде армянской общины, следует признать грамоту Александра Доброго от 30 июля 1401 г., в которой молдавский господарь позволяет основать в Молдавии армянскую епископию. Особо оговаривается, что главный армянский храм воеводства будет располагаться в престольной крепости Сучавы [4. 21-22]. Об армянах Белгорода источник умалчивает.

Тот же Александр Добрый в 1418 г. расселяет 3000 армянских семей по семи молдавским городам. Правда, в источнике не сообщаются их названия и неясно: мог ли входить в этот перечень Белгород [3. 65-74; 5. 26-27].

Однако уже через три года община белгородских армян ясно упоминается в «Записках» Гильбер де Ланнуа 1421 г. Фламандский рыцарь, побывавший в городе с дипломатической миссией, ставит в своем перечислении общину армян на третье место после генуэзцев и влахов [6: 440]. Это первое прямое документальное сообщение о существовании в Белгороде общины армян и первое косвенное указание на вероятность функционирования в городе армянской церкви.

По справедливому замечанию А. Х. Тораманяна, еще одно такое не прямое указание содержится в источнике 1460 г. [7. 279]. Речь идет о мемориале, который хранится в Центральной армянской библиотеке Бухареста. Составитель, епископ Николай (Nicoghos), в преамбуле сообщает, что данная книга была начата им в Яссах, а закончена в «городе Аккерман в году 909 (=1460 г.)» [3. 65-74]. Обращает внимание использование церковником в период подчинения города Молдавскому воеводству, именно татарского названия Белгорода (Аккерман/Акчакермен). Теоретически можно предположить, что коль скоро армянский епископ работал в Аккермане над церковной книгой, то он мог делать это только при храме. Но прямых доказательств тому нет.

В историографии прочно закрепилось мнение, что первое прямое, недвусмысленное указание на появление в Белгороде нынешней армянской церкви содержится в сообщении армянского хрониста Гр. Даранагского [7. 279]. В 1634 г. он присутство-

вал на судебном процессе в Константинополе. Представитель турецкого суда, обратившись к армянам-служителям церкви Аккермана, спросил: «Не вы ли последователи тех армян, которых султан Мехмед привез в Константинополь в ссылку из Аккермана? Церковь, которой вы владеете, (султан Мехмед) взял у греков и подарил ее вам» [8. 18-19].

Несмотря на предельную ясность данного сообщения, А. Торамаян почему-то трактует его как «упоминание о греческом происхождении нынешней армянской церкви» в Аккермане [7. 279]. Но из текста следует, что Мехмед III (1595-1603 гг.) подарил церковь армянам, живущим в Константинополе, а не в Аккермане. Поэтому первым прямым документальным указанием на существование в городе на Днестре армянской церкви, следует признать свидетельство руководителя миссии католического ордена театинцев, Луиджи Мария Пиду де Сент-Олона. В 1664 г., через 34 года после создания Львовского армяно-католического архидиоцеза, миссия прибыла во Львов для пропагандистской работы среди украинских армян. В своих отчетах миссионеры рассказывают об «исправлении» ими армянских церковных книг, не отвечавших догмам католицизма, о контроле за изданием новых книг и т. д. Луи Мария Пиду в 1669 г. буквально сообщает о том, что в Молдавии организованы различные религиозные армянские участки, в каждом из которых находится по одной церкви. Среди прочих «участков», он упоминает и Аккерман как центр религиозного округа [9. 6-7].

На протяжении всего XVIII в. история армянского храма Успения св. Богородицы никак не отражается в письменных источниках. Зато сохранилось несколько планов города второй половины века, на которых отражена планировка храма. К началу XIX в. относится новый блок документальных источников об армянском храме в Аккермане. Первым из них является подробный отчет о путешествии по Украине и Молдавии, авторства Минаса Бжшкянца, монаха из венецианской армяно-католической Конгрегации Мхитаристов, изданный (на армянском языке) в Венеции в 1820-х гг.: «Путешествие в Польшу и другие

страны, где проживают армяне, происходящие от жителей древнего города Ани» [10. 25].

Согласно переводу Гр. Авакяна, оставленное М. Бжшкянцем сообщение по поводу армянской церкви, выглядит следующим образом: «Вновь обновленная опись сокровищницы записана в 1747 г. (от Р.Х — Гр. Авакян.) в приморском городе Аккерман, в притворах храмов трех святых: Успения св. Богородицы, св. Авксентия и св. Иоанна Богослова» [11. 24; 7. 279].

В начале января 1829 г. епископом армянской епархии Нерсесом было подано прошение Бессарабскому гражданскому губернатору Е. Н. Голубцову «о достройке армянской церкви в Аккермане». В тексте этого важного документа Нерсес признает, что «неизвестно когда построена армянского исповедания церковь, но судя по преданиям, она издревле существует, полагают, что даже около 300 лет» [1. 190-191]. В 1843 г. церковь посетил Юзеф Крашевский, оставив ее описание, которое отражает современный облик храма [13. 250-251].

Другим источниковедческим блоком, который традиционно привлекается исследователями к анализу в ходе попыток датировать храм, является свод лапидарных памятников, происходящих из его стен и прилегающих территорий.

По мнению румынского историка Гр. Гойлава, из Белгорода происходит самая старая памятная армянская плита Пруто-Днепровского междуречья. Текст плиты гласит: «Этот крест вырезан в 416 г.» (=967 г.) [14. 3]. Обстоятельства находки неизвестны. Румынский исследователь истории армян, Дж. Сируни, полагает что дата этой плиты «к сожалению, сомнительна» (Siruni 1944: 4). Действительно, согласно документальным и археологическим сведениям, появление средневекового Белгорода относится лишь ко второй половине — к концу XIII в. [15; 16].

Этой плиты не видел на стенах церкви или прилегающей территории другой румынский исследователь, Гр. Авакян [17. 2-16], а также современник Гр. Гойлава, Л. М. Меликсет-Беков, специально изучавший памятные армянские плиты Белгорода [18]. Нет этой плиты и в «Своде армянских надписей Украины и

Молдовы» [19. 383-384]. Гр. Авакян, например, прямо утверждает, что опубликованная Гойлавом датировка — результат ошибочной расшифровки [17. 75-80].

Тем не менее информацию этой плиты в своей статье использует А. Х. Тораманян: «Есть свидетели более раннего периода» существования культуры армян Белгорода, «в частности, X-XII вв.» Историк архитектуры сознательно дистанцируется от разбора вопроса армянской истории в Белгороде X в., ссылаясь на отсутствие среди исследователей единого мнения по данному вопросу [7. 278].

Но уже в следующей, более поздней публикации, автор более категоричен в отношении этой плиты [20. 6-31]. Не давая никаких прямых ссылок на первоисточник и не объясняя, почему эта информация не прозвучала в его ранних работах на ту же тему, автор уже вполне уверенно сообщает, что «самая ранняя плита церкви относится к 967 г.». А. Х. Тораманян утверждает, что «эта плита беломраморная вмурована в северную стену церкви. Судя по тексту описания, сам А. Х. Тораманян этот хачкар на стене храма не видел [20. 16-17]. По всей вероятности, в тексте монографии без ссылки передано более раннее сообщение о данной плите, авторства Гр. Гойлава. При этом нет уверенности в том, что и сам Гр. Гойлав видел эту плиту в храме или же вообще правильно ее датировал [14. 12-13].

К началу XX в. в армянском храме Аккермана, а также на примыкающей территории и в здании церковно-приходской школы насчитывалось около сорока плит с армянскими надписями. Из них лишь одна уверенно определяется как закладная строительная. Остальные являются памятными посвятельными, или надгробными.

А. Х. Тораманян прямо указал на важность данных этих плит в деле решения вопроса о количестве церквей в средневековом Белгороде (Аккермане), времени их функционирования и появления [7. 278, 280]. Л. М. Меликсет-Беков в начале XX в. насчитывает в церкви Успения св. Богородицы и на прилегающей территории (в периметре ограды храма), 38 армянских плит [18. 16].

Сегодня в храме в общей сложности насчитывается 16 плит.

Еще 17 плит исследователь насчитал в каменной ограде храма (их заметил еще и Ю. Крашевский) и 8 — в здании церковно-приходской школы, располагавшейся на прилегающей к церкви территории. Из всего числа лапидарных памятников исследователь дает подробный анализ и перевод текста лишь некоторых, представляющих, по его мнению, наибольший интерес. Он обращает внимание, что надписи полны ошибок, как стилистических, так и допущенных при переносе слов. Язык представляет собой смесь книжного с местным диалектом. Содержание могильных надписей шаблонно [18. 18].

Особое место среди эпиграфических памятников занимает плита 1699 г., поскольку она единственная, которая относится к типу закладных строительных плит с текстом об окончании строительства церкви св. Авксентия. Именно это обстоятельство и позволило мне в свое время высказать предположение, что нынешняя церковь в Белгороде носила имя данного святого и может быть датирована концом XVII в. [21. 43]. Сегодня этот тезис следует признать ошибочным.

В своем обзоре армянских лапидарных памятников Аккермана румынский исследователь Гр. Авакян отмечает, что из 38 исследованных надписей [9. 3] 3 датируются XV в., 5 — относятся к XVII в. (ко второй его половине), 28 — к XVIII в. и 1 — к началу XIX в. При этом не зафиксировано ни одной плиты, которая относилась бы к XVI в. Он объясняет это тем, что городская торговля была внезапно нарушена турецким вторжением 1484 г. и на протяжении последующего XVI в. этот уже провинциальный османский город подвергался регулярным нападениям казаков и поляков, оставаясь весьма беспокойным местом. Но уже в самом начале XVII в. начинается период войн в самой Армении, вызвавший новый поток эмигрантов, который коснулся преимущественно причерноморских городов. В том числе и Аккермана [11. 15].

Из всего количества плит XVIII в. максимальное число приходится на 1710-е и 1760-е гг. (по 6 плит). На третьем месте по

численности находятся 1740-е гг. Нет ни одной плиты 1770-х и 1780-х гг.

Анализируя эпитафии могильных плит XVIII в. из Аккермана и окрестностей, Гр. Авакян делает важное наблюдение: большинство эмигрантов происходят из деревень Эриванской губернии, главным образом из села Танакерт. Это свидетельствует о некоторой традиции среди армянских переселенцев в выборе мест поселения [11. 18].

Несмотря на столь представительный свод эпиграфических материалов, происходящих из храма, в середине XX в. известный румынский исследователь Х. Дж. Сируни вынужден был констатировать, что «ктиторы армянской церкви в Белгороде, остаются неизвестными» [5. 62].

Поэтому больше внимания исследователи уделили анализу сообщения «вновь обновленной в 1747 г. описи сокровищницы» о притворах храмов трех святых: Успения св. Богородицы, св. Авксентия и св. Иоанна Богослова» [11. 24; 7. 279]. Все рассуждения сводятся к поиску ответа на вопрос: упомянутые названия относятся к трем разным храмам или трем пристройкам одного храма?

В позитивистском духе интерпретировал текст описи Л. М. Меликсет-Беков, настаивая на том, что таковой является прямым свидетельством существования в Аккермане трех разных храмов. Исследователь указывает на соответствие информации учетной книги с текстами двух плит (1699 и 1703 гг.), установленных в приделах храма и в которых действительно упоминаются церкви св. Авксентия и св. Иоанна. Сопоставив текст плиты 1699 г. с записью Минаса Бжшкянца, Л. М. Меликсет-Беков приходит к выводу, что церкви Св. Авксентия в Белгороде более не существует, она была упразднена до начала XIX в. (время появления архимандрита в городе, иначе он бы о ней упомянул). Зато ныне существующая церковь Успения св. Богородицы уже точно существовала в 1747 г. [18. 8-9].

Ему возражает Гр. Авакян, справедливо замечая, что если бы помимо существующей, в городе были некогда еще и другие церкви, то от них сохранились бы хоть какие-то следы, чего не наблюдается. В под-

тверждение своего мнения он обращается к свидетельству Мария Луиджи Пиду, который в 1669 г. говорит лишь об одной армянской церкви в Аккермане [11. 24; 9. 6-7]. Несколькими годами раньше В. Курдиновский попытался объяснить отсутствие материальных следов двух храмов эрозией береговых склонов, на которых они, возможно, стояли [22]. Аргумент весьма умозрительный.

Гр. Авакян полагает, что в тексте описи идет речь все-таки о строительстве придела, а не церкви. Исследователь полагает, что нет репительно никаких сведений, указывающих на существование в Аккермане трех армянских церквей. В подтверждение он ссылается на слова Луиджи Мария Пиду (1669 г.) о присутствии в Аккермане лишь одной армянской церкви [9; 7. 279]. Таким образом, Авакян датирует один из строительных периодов в церкви — возведение южного придела, — 1699 г.

А. Х. Торамаян, указывая, что приделы, как полукультовые сооружения в армянской церковной архитектуре не носили имен храмов, в тексте плиты 1699 г., видит указание на строительство церкви [7. 283].

При этом он полагает, что в тексте данной плиты речь идет вовсе не об аккерманской церкви, а о храме Св. Авксентия в Сучаве, выстроенном в первой половине XVII в. (1) [7. 281]. Это предположение далеко не бесспорно. Время строительства Сучавской церкви не совпадает с датой, указанной на плите. И почему «торговцы и прихожане из Аккермана» построили церковь в Сучаве, а плиту, вырезанную в честь этого события, установили совсем в другой церкви, за много сотен километров?

Но в другой части этой же статьи исследователь предполагает, что плита могла быть установлена по окончании реконструкции все-таки аккерманской церкви (строительство алтаря и притворов) [7. 291]. То есть в тексте описи имеются в виду не притворы трех церквей, а малые приалтарные ризницы ныне существующего храма [7. 285].

Существование в городе, во всяком случае, в османский период лишь одного армянского храма предполагает и современная молдавская исследовательница М. Шлапак, высказывая мысль, что нынешний храм носил имя Св. Авксентия, а позже получил

еще два престола: в честь св. Иоанна и в честь Успения Св. Богородицы [23. 74].

Такие исследователи истории армянского храма в Белгороде, как Ф. Кирика, В. Курдиновский [22], также настаивают на существовании здесь трех храмов. Два из них (Св. Авксентия и Св. Иоанна) могли быть упразднены в связи с переселением большинства армян в Григориополь в 1792. В частности, Ф. Кирика предположил, что после их упразднения престолы церквей Св. Иоанна и Св. Авксентия были перенесены в нынешнюю церковь, где для них были выделены отдельные алтари. По мнению этого исследователя, с данного момента церковь стала трехпрестольной (а значит, подверглась существенной реконструкции). Перенос престолов мог состояться где-то в конце XVIII в., но не позже 1820-х гг. То есть в период между составлением описи сокровищницы и визитом М. Бжшкянца в Аккерман [22].

Историк архитектуры А. Тораманян переселение армян в Григориополь считал весьма сомнительным поводом для упразднения двух церквей. Датируя 1699 г. реконструкцию алтарного блока нынешней церкви, более раннюю часть сооружения он выделял в неф (XV в.) [7. 285].

На факте некогда проведенной реконструкции восточной части храма настаивал и В. Курдиновский. Но только не всей одновременно, а лишь больших боковых приделов. Его мнение основывалось на чисто планировочных особенностях этих двух боковых построек: коль скоро они выведены от апсиды в стороны, находятся вне ее пределов, то и созданы они позже нее [7. 286].

В непосредственной связи с переселением армян из Григориополя в Аккерман в первой трети XIX в. ставил факт основания храма и П. Батюшков. Он полагал, что церковь могла появиться после 1831 г., поскольку армяне должны были «вслед за переселением соорудить и церковь» [24. 82].

Действительно, в 1831 г. армянская община открыла в Аккермане начальную школу, которая располагалась на прилегающей к нынешней церкви территории [24. 159]. Но о строительстве хра-

ма в этот момент говорить не приходится. Это не согласуется с более ранними сообщениями Нерсеса [12. 190-191] и М. Бжшкянца [7. 279-280].

Опираясь на свидетельство последнего, П. Батюшков также пришел к выводу об изначальном существовании в городе сразу трех церквей, две из которых не сохранились. Впервые Батюшков публикует фотографию южного фасада церкви. Историк одним из первых вводит в научный оборот переводы текстов мраморных плит XV в. (и ошибается на год при датировании обеих) [24. прим. 29].

Весьма осторожно выразился по поводу времени появления в Аккермане нынешней армянской церкви и А. Кочубинский. Специально храмом он никогда не занимался, но назвал постройку «свидетельницей турецкой эпохи» [25. 21]. Как известно, «турецкая эпоха в Белгороде (Аккермане) продолжалась с 1484 по 1806 гг.

Скудость источниковедческой базы, по мнению Л. Меликсет-Бекова, не может позволить решить вопрос о времени основания нынешнего армянского храма. Само сооружение он не находит привлекательным «своим наружным видом». Что касается времени основания церкви, автор не говорит об этом ничего определенного, ссылаясь на «отсутствие документов и вещественных памятников» [18. 13].

Но при этом он подчеркивает, что некое культовое сооружение в Белгороде должно было существовать уже в XV в. (не обязательно данный храм), поскольку надгробные плиты (каковыми их считает исследователь) 1446 и 1474 годов дают ясное указание на присутствие в Белгороде армянской общины в этот период [18. 5].

Это перекликается с мнением А. Дж. Сируни, который теоретически относил возможность появления первой церкви армянской общины в Белгороде едва ли не к 1384 г., когда Теодорос назначил архиепископом армян Львова, подчинив ему также армян Аккермана. Но румынский историк настаивает на том, что та церковь могла сохраниться до наших дней [26. 68-73].

По поводу неопределенности в поисках даты основания нынешней церкви высказался также и Гр. Авакян, заметив, что неизвестно, не только когда она была выстроена, но и кем. Довольно неожиданным является его утверждение о том, что «в архитектуре местной армянской церкви нет и тени влияния армянского духа» [11. 27-30]. Основываясь скорее на интуиции, чем на фактических доказательствах, исследователь все-таки выдвигает свою версию датировки церкви: «Ее положение ниже поверхности земли, солидная толщина стен, общий вид, напоминая форму корабля, свидетельствуют, с одной стороны, об основании ее в эпоху, предшествующую появлению в Аккермане генуэзцев, примерно в эпоху татарского владычества в Аккермане», т.е. в XIV в. [11. 27; 19. 72]. Добавляя при этом с определенной степенью уверенности, что, во всяком случае, в первой половине XV в. храм уже точно существовал, поскольку на его стенах зафиксированы плиты с соответствующими датами (1446 и 1474 гг.). Оговорившись, что неизвестно, как скоро после основания церкви они были вмонтированы в ее стены.

Появление армян в средневековом Белгороде румынский исследователь рассматривает в тесной связи с львовской армянской общиной. Тесные торговые отношения Белгорода и Львова хорошо отражены в письменных источниках и давно известны. Армяне Львова уже в 1344 г. получают от Казимира III право на владение национальными судами. А появляются они в этом городе, видимо, уже в XIII в. На этом основании Гр. Авакян допускает, что армянская община могла появиться в синхронный период и в Белгороде [27. 72]. Косвенным подтверждением тому, по мнению исследователя, являются нумизматические находки в Аккермане. Речь идет о бронзовых монетах из столицы Киликийской Армении, города Сис, выпущенных армянским царем Хетумом I, которые были найдены на берегу лимана, в районе цитадели. Этот царь правил Киликийской Арменией в течение 45 лет (1226 - 1270). Гр. Авакян делает вывод, что подобные находки свидетельствуют о высокой роли армян как торговцев в этом регионе уже во второй половине XIII в. [27. 72].

Несколько увереннее по поводу времени основания храма Успения св. Богородицы высказывается А. Тораманян. Он акцентирует внимание на том, что существенным свидетельством в деле определения даты появления нынешнего храма является свидетельство хрониста XVII в. Гр. Даранагского, следуя в этом за А. Дж. Сируни. Он высказывает версию о перестройке предполагаемого старого греческого храма после передачи его армянам во времена султана Мехмеда III [7. 279].

При этом удивительно, что, будучи архитектором по специальности, основные выводы по строительной периодизации храма А. Тораманян строит на основании анализа преимущественно документальных исторических сведений. В качестве единственного архитектурного аргумента в пользу существования в основе плана нынешней церкви раннего греческого храма приводится факт ее полуподземного расположения. Появление же раннего, греческого храма, исследователь теоретически относит к 80-90-м гг. XV в. Ведь только после захвата города турками, как считает автор, представители христианских общин могли строить полузаглубленные церкви (символ доминирования исламской власти) [7. 280]. Подводя итоги, исследователь делает несколько неожиданный вывод: «Сравнительный архитектурный анализ памятников позволили проследить путь развития архитектуры церкви от первоначального типично молдавского планировочного решения церкви XV-XVIII вв. до армянского, с особо развитым алтарным блоком» [7. 292].

В результате остается непонятной позиция автора: какая именно церковь рассматривается им в качестве предшественника нынешней армянской в Белгороде-Днестровском: греческая или молдавская?

В более поздней работе автор уже четко датирует время строительства нынешнего храма концом XV – серединой XVI вв., опираясь на более позднее (1634 г.) сообщение Гр. Даранагского [20. 10].

Разные мнения по поводу даты строительства памятника высказывались, начиная с последних десятилетий XIX в. Но все накопленные за столетие аргументы не показали убедительными

коллективу авторов «синоптического» историко-архитектурного издания: «Памятники градостроительства и архитектуры УССР», где по поводу армянского храма Белгорода значилось: «Точная дата постройки не установлена».

Одним из последних исследователей, который снова затронул вопрос строительной периодизации армянского храма Белгорода, является молдавский историк архитектуры Т. Нестерова [28].

Обследовав храм, она нашла его очень простым в плане, но с явными признаками перестроек алтарной части и удлинения объема на запад. Т. Нестерова выделяет контур прямоугольного, первоначального храма. Его «простые» пропорции исследователь считает «типичными» для местной молдавской культовой архитектуры XV-XVIII вв., ссылаясь на работу А. Тораманяна. Учитывая широкий диапазон датировки т.н. «молдавского» храма, Т. Нестерова обозначает «единственный критерий» его более точного датирования — факт заглубленного расположения храма. Именно это позволяет автору видеть в сооружении постройку второй половины XIV — первой половины XV вв. [28].

По итогам обзора письменных и эпиграфических источников можно сделать следующие выводы. Армянская община в средневековом Белгороде могла появиться в городе уже в 1380-х гг., но точно там существовала в 20-х годах XV в. Вероятно, некий армянский храм был в городе уже в 1446 г., но вряд ли в тех стенах, которые существуют сегодня.

По всей видимости, после завоевания города турками, армянская община Белгорода резко сокращается и приходит в упадок. Это общая региональная тенденция, характерная и для армянских общин Крыма [29. 42]. Поэтому отсутствие армянских лапидарных памятников данного столетия и в Белгороде не является отражением сугубо местных исторических событий.

На протяжении всего XVI в. армянской общины в Белгороде, скорее всего, не существует. Ни о каком строительстве храма в данный период говорить не приходится. В отношении нынешнего здания точно можно говорить о том, что оно существовало уже в

1650-х гг. В 1770 г. храм представляет собой удлиненное с востока на запад сооружение с примыкающим в западной части к южной стене притвором.

Наконец, на последнем этапе армянский храм претерпевает последнюю существенную реконструкцию: во втором десятилетии XIX в. церковь расширяется на запад. Во дворе, к югу, в 1831 г. появляется церковно-приходская школа.

### Литература:

1. Тораманян А. Х. К вопросу об армяно-молдавских архитектурных связях (XIV-XIX вв.) // Историко-филологический журнал. - Ереван, 1972, № 2. — С. 193 - 212.
2. Григорян Гр. Армянские надписи Киевского собора святой Софии // Историко-филологический журнал. - Ереван, 1979, № 4. — С. 85-93.
3. Siruni H. Dj. Cronica armenilor din Țările Române. °Partea II. (sec. X-XIII). In: ANI. Revista cultură armeană, anul I, vol. II, aprilie. - București, 1936. — P. 65-74.
4. Documenta Romaniae Historica (DRH). A. Moldova (1384—1448), Volum intocmit de C. Cihodaru, I. - București, 1975.
5. Siruni H. Dj. Armenii în viața economică a Țărilor Române. - București, 1944.
6. Брун Ф. К. Путешествия и посольства господина Гильберга де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399—1450 гг. (Текст и археографическое вступление). ЗООИД. — Т. 3, - Одесса. 1853. — С. 433—465.
7. Тораманян А. Х. О некоторых армянских архитектурных памятниках Белгород-Днестровска // Историко-филологический журнал. - Ереван, 1970, № 2. — С. 278-292.
8. Siruni H. Dj. Armenii în România (cu prilejul unui centenar). - București, 1940.
9. Avakian Gr. Inscriptiile armenesti din Cetatea-Albă // Revista Istorică, anul IX, Nr. 7-9. - București, 1923. — P. 2-16.
10. Саргсян Т. Из истории армян Сирета // Анив. — М., 2012. — С. 23-29.
11. Авакян Гр. Кратическая история аккерманских армян (до XIX в.). - Аккерман, 1922.

12. Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений (сборник статей и материалов) . - Ереван, 2012.

13. Kraszewski I. I. Călători poloni în Țările Române 1930: Călători poloni în Țările Române. - București, 1930.

14. Goilav Gr. Bisericile Armene de prin Țările române. - București, 1912. – P. 3.

15. Руссев Н. Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII-XIV вв. - Кишинев, 1999. – 240 с.

16. Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.). – К., 1986.

17. Avakian Gr. Rectificări și adăogiri: Cetatea Albă. In: ANI. Revistă de cultură armeană, anul I, vol. III, iulie. - București, 1936. – p. 76-80.

18. Меликсет-Беков Л. М. Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии) . - Тифлис, 1911.

19. Григорян Г. Свод армянских надписей (на армян. яз.). – Праг. VII. – Украина, Молдова / состав. Гр. Григорян. – Ереван, 1996.

20. Тораманян А. Х. Из истории строительной деятельности армян в Молдавии. – М., 1991.

21. Красножон А.В. Крепость Белгород (Аkkerман) на Днестре: история строительства. - Кишинев, 2012.

22. Кирика Ф. Древнейшие типичные православные церкви Бессарабии // Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества. - Вып. 10. 1918.

23. Шлапак М. Е. Белгород-Днестровская крепость (исследование средневекового оборонного зодчества) . - Кишинев, 2001.

24. Батюшков П. Н. Бессарабия (историческое описание). - СПб. 1892. – 96 с.

25. Кочубинский А. А. Тира-Белгород-Аkkerман (и его новая лапидарная надпись от 1454 г.). ЗООИД. – Т. 23. - Одесса, 1901. – С. 79 - 178.

26. Siruni H. Dj. Cronica armenilor din Țările Române. Partea I. (sec. X-XIII). In: ANI. Revista cultură armeană, anul I, vol. I, decembrie. - București, 1935. – P. 68-73.

27. Avakian Gr. Cetatea Albă (zece ani dela realipire) 9 aprilie 1918

## ***ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА***

---

---

- 9 aprilie 1928. Edit: Fundatia cultural principele Carol Căminul cultural Chetatea Albă. — București. — 1928. — 192 p.

28. Nesterova T. Arhitectura ecclziastică din chilia și Chetatea Albă. Revaluări de datare și interpretare. - Chișinău, 2010. — P. 22-33.

29. Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым: монастырь Сурб-Хач. - Симферополь, 2008.

**Тарас Гончарук,**

*доктор історичних наук, професор кафедри історії  
України Одеського національного університету ім. І. І.  
Мечникова, доцент.*

*ПРОПОЗИЦІЯ М. С. ВОРОНЦОВА 1826 Р.  
ПРО ЗНЯТТЯ УСІХ ОБМЕЖЕНЬ З  
ОДЕСЬКОГО ПОРТО-ФРАНКО*

Цього року виповнюється 190 років від початку дії другого кордону одеського порто-франко, що обмежив територію «вільного порту» лише центром міста й завдав чималих незручностей його мешканцям. Водночас, виповнюється 190 років й від іншої важливої для мешканців Одеси та усього півдня України дати — початку перебування на посаді новоросійського та бессарабського генерал-губернатора Михайла Семеновича Воронцова. Цій постаті присвячено забагато наукових, науково-популярних та досить далеких від науки публікацій (найбільш ґрунтовною серед публікацій, присвячених діяльності М. Воронцова, як генерал-губернатора, на нашу думку, є стаття В. Шандри [1]). Проте у надзвичайно активній та багатогранній діяльності М. Воронцова залишається чимало невивчених аспектів, серед яких боротьба Михайла Семеновича, як переконаного «фритредера» (прихильника «вільної торгівлі»), за права порто-франко та одеської торгівлі загалом [2].

Від початку свого перебування на новій посаді М. Воронцов розпочав діяльність, спрямовану на розширення кордонів одеського порто-франко та скасування обмежень цього режиму, здійснених за часів його попередника О. Ланжерона. Це викликало гострі дискусії М. Воронцова з противником порто-франко міністром фінансів імперії Є. Канкрінім [3] та зачепило приватні інтереси чималої кількості одеситів (що може бути предметом окремої наукової публікації).

В процесі обговорення перенесення кордону порто-франко (останній розширений кордон порто-франко, встановлений указом від 17 березня 1826 р., запрацював з 1 липня 1827 р. [4], а в пам'ять про вельми незручний для мешканців Одеси кордон 1823-1827 рр. залишилася назва вулиці Старопортофранківська) та інших пов'язаних з ним питань М. Воронцов влітку 1826 р. наважився спробувати повернути одеському «вільному порту» всі права, надані маніфестом від 16 квітня 1817 р. й пізніше втрачені. Для підкріплення своєї пропозиції достатньою кількістю аргументів генерал-губернатор використав доповідну записку «Про відновлення в місті Одесі порто-франко без сплати 5-ї частини мита», складену «паном Шостаком». Зазначений «пан Шостак» – вочевидь, відомий одеський підприємець у будівельній сфері, громадський діяч та досить освічена людина (автор відомого листа з викладом історії Одеси) Антон Ілліч Шостак [5], хоча достеменно цього стверджувати неможна, враховуючи значну численність одеського роду Шостаків.

Отримавши клопотання М. Воронцова, Микола I доручив «внести ці обставини на розгляд комітету панів міністрів» вищезгаданому супротивнику порто-франко міністру Є. Канкріну. Останній, в свою чергу, склав 23 червня 1827 р. записку з обґрунтуванням шкідливості (в першу чергу для державної скарбниці та російської промисловості) пропозицій М. Воронцова й пропозицією скасувати одеське порто-франко взагалі [6]. Перебуваючи у С.-Петербурзі, Михайло Семенович намагався створити для захисту прав одеського порто-франко своєрідне «лобі» з членів уряду та Державної ради. Так, за повідомленням сучасних дослідників Р. Феденьова та О. Якубовського, 13 липня 1826 р. М. Воронцов надіслав записку М. Сперанському з проханням підтримати ідею відновлення колишніх прав одеського порто-франко. Записка колишньому реформатору, вочевидь, була складена у ліберальному дусі. «У цьому листі до Сперанського, – відзначають Р. Феденьов та О. Якубовський, – він [М. Воронцов] висловив своє кредо: «У Росії чим простіше паркани, тим менше зловживань» [7]. Між іншим, М. Воронцов просив про допомогу і іншого члена Державної ради Д. Лобанова-

Ростовського. Останній, хоч і повідомив, що «вельми готовий підтримати» пропозиції М. Воронцова «стосовно порто-франко в Одесі», проте зауважив: «Через те, що Державна рада має багато членів, моя точка зору навряд чи може мати у цій справі перевагу» [8]. Д. Лобанов-Ростовський мав рацію, під тиском аргументів Є. Канкріна положенням кабінету міністрів, яке було затверджене царем 1 лютого 1827 р., пропозиція М. Воронцова не була прийнята й вирішено «одеське порто-франко залишити у теперішньому стані» [9].

Нижче приведені тексти записки «пана Шостака» та чернетки записки М. Воронцова «Про відновлення порто-франко в Одесі». Записку Шостака подано у скороченому варіанті, бо через складність почерку та своєрідний стиль деякі її положення важко зрозуміти. М. Воронцов у своїй записці твердив, що «порто-франко Одеське було так змінено, що зберегло лише своє колишнє ім'я, втративши усі найголовніші вигоди свої, як для держави, так і для приватних інтересів купецтва». Генерал-губернатор згадував не лише втрати комерції через обмеження порто-франко (на цьому здебільшого наголошував у своїй записці Шостак), але й посилення небезпеки завезення до Одеси разом із контрабандою чуми або холери. Показово, що спочатку М. Воронцов в своєму бажанні зняти усі обмеження з торгівлі пішов навіть далі Шостака і пропонував скасувати в Одесі, нехай навіть і на шкоду міській скарбниці, «винний» (тобто горілчаний) відкуп й дозволити вільне привезення морем будь-яких міцних напоїв. Однак в остаточному варіанті клопотання цей пункт було замінено.

Зазначений документ зайвий раз свідчить про М. Воронцова як палкого прихильника ідей «вільної торгівлі» та захисника місцевих економічних інтересів (навіть тоді, коли це суперечило інтересам метрополії).

1. Записка «пана Шостака» про відновлення прав одеського порто-франко подана генерал-губернатору М. Воронцову (у скороченому варіанті) 1826 р.

(ДАОО. – Ф.1. – Оп. 190 (1826 р.). – Спр. 28. – Арк. 10 – 14)

«Многие кричат о выгодах и невыгодах порто-франко о нарушении его привилегии, и часто после долговременных споров, иные спрашивают: что такое порто-франко? В Одессе понимают многие сущность его, но иные, чувствуя вблизи непосредственно стеснение от него и не понимая выгод, действующих, посредственно ропщут, многие же, яко то краснорядцы и таможня, по личным выгодам, порто-франко противоречат.

По мнению моему, существенно и важно порто-франко нарушено только одною статьею, без всякой нужды затеянною и поддержанною таможенными чиновниками, именно: взятием пятой части пошлины в пользу города при впуске товаров в город, а не при вывозе их за черту одного, под предлогом дабы потреблять пошлины на консомации собственно города, что по своей незначительности не может сравниться... с несправедливостью не устоять в слове пред целым светом, и вредом коммерции причиненным, ибо кроме того что пятая часть сей пошлины составляет около шести процентов на сто, а с иных товаров и 20 процентов (что будучи один раз взято, хотя бы даже и возвращено было при вывозе обратно, не вознаградит понесенных невыгод), но и формы таможенные ужасают торговлю.

Купец, находившись в Марселе, например, с товаром на миллион, мыслит: «Зачем мне переписываться и вверять свои товары комиссионерам. На дорогие товары фрахт не дорог, порто-франко Одесское обеспечивает меня в безвызысканной и беспошлинной выгрузке в город, и таковом же возврате, буде не продам товара». Он приезжает в город, и из десяти таковых на удачу без риска приехавших, едва ли десятый не найдет себе дела, и не выедет обратно; прочие же остаются, в дела завязавшись, и доставляют собою и граждан, и новые капиталы, что опыт показывает во всех новых колониях...

Хозяева без крайней нужды не посылают в Одессу больших своих капиталов комиссионерам, а от сего нет в ней постоянной коммерции, и бывают непомерные перемены в цене нашим продуктам; ибо комиссионеры не смеют и не могут много покупать на спекуляцию, и класть в магазины как делается в Риге и Петербур-

ге<sup>1</sup>, где живут большие капиталисты, что и в Одессе сделалось бы через тридцать лет свободы, более, может быть, нежели в сказанных городах.

В первые три года истинного порто-франко выстроилось домов в Одессе на большую сумму, нежели во все предыдущие годы: ибо иллюзия приводит руки и капиталы в движение, что производит вещи, а вещи уже не иллюзия, и кто построил дорогие строения в каком месте, тот поневоле делается его жителем; а множество таких совокупленных невольно в одном месте уничтожают уже неволю: ибо где много капиталистов соединятся, там без сомнения родится коммерция; даже на местах, менее благоприятствующих коммерции, нежели Одесса; а где люди богатые и коммерция, там будут все способы и приятности жизни, что привлечет и другие состояния. Вышесказанною иллюзией истинного порто-франко Россия приобрела бы в 30 лет на месте Одессы, чрез малое пожертвование, величайший с капитальными строениями город, выстроенный большею частью на чужие капиталы; приобрела бы множество богатых ежели не именем, то существом подданных<sup>2</sup>: ибо опыт показывает, что редкие купцы не остаются там вечными жителями, где они раз выгодными делами завязались; а где в Европе выгоднее для денежной прибыли капиталисту поселиться, как в Одессе? Соединение же разных состояния людей вместе доставит нам выше сказано приятности жизни, что уже в Одессе и имеет успехи; и город коммерческий и капитальный возбудит трудолюбие; следовательно доставит и богатства Южному краю, что и опыт уже сильно показал. — За что уже нужды останавливать сие полезное начало мелочными проформами доставляющими мелочные выгоды. Настоящие, на счет великих будущих и весьма близких?

Поелику цель Одесского порто-франко состоит в том, чтобы привлечь капиталистов и на счет их выстроить город; а главное возбудить трудолюбие в Южном крае их индустрию и капиталами, и сим умножить богатство России, то и следует по примеру других таких вольных городов дать внутри Одессы полную свободу приезжать в нее, продавать, покупать все и всякому что кто

хочет<sup>3</sup>, не запрещать и не приневоливать строиться (как сие заведено в Одессе по некоторым обстоятельствам частным), записываться в гильдии, проходить разные мытарства, коих здесь по кратости не можно исчислить, словом, въезжать в город и в городе предоставлять полную коммерческую свободу, а при выезде требовать соблюдения всех проформ постановленных законами — достигь сего весьма легко и неубыточно; а последствия будут весьма важные, как по коммерческим выгодам, так и по примирению с целым сословием Европейского купечества.

Город предложил брать  $\frac{1}{5}$  пошрины для своей выгоды; таможенныя настояли брать ее при входе, а не при выходе для своей выгоды; но как теперь сию пользу отнимают у города, то и самой думе выгодна полная свобода, нежели малая выгода хотя бы ее и предоставляли.

Какая разница для пользы денежной, брать полную пошрину при выходе товаров из города и отделить  $\frac{1}{5}$  в пользу города и брать ее при входе, как теперь берут?

Ежели малая выгода только на малой части консомации городской, то сие сожаления достойно!»

### ПРИМІТКИ:

1. Примітка Шостака: «В Одессе, когда потребность пшеницы слишком настоятельна, то комиссионеры умышленно возвышают ее цену, дабы им пользоваться на счет верителей, а когда требование мало или совсем нет, то они не соглашаются на малые свои капиталы покупать ее ни по чему; в первом случае обижают своих верителей, а в последнем нас; и сим обескураживают своих верителей и нам расстраивают вконец коммерцію».

2. Примітка Шостака: «Кто дает доход государству, тот также полезен как и подданные!».

3. Примітка Шостака: «Малые исключения касательно откупа, оставляя сие попечению откупщиков, не сделают много препятствий...».

2. Записка М. Воронцова «Про відновлення  
порто-франко в Одесі»

Подана 31 травня 1826 р.

У Царському селі

(ДАОО. – Ф.1. – Оп. 190 (1826 р.). – Спр. 28. – Арк. 16 – 17)

«Для удобнейшего сбыта произведений Новороссийского края и смежных с ним губерний, для привлечения в Одессу большего числа торговцев на жительство; и особенно для удаления причин, побуждающих к тайному вывозу товаров мимо карантинной стражи, и следовательно к внесению в пределы России моровой язвы, блаженной памяти Государю Императору Алексею Павловичу угодно было, вняв мнению Государственного совета Высочайшим манифестом 16 апреля 1817 года объявить в Одессе порто-франко. Бесчисленны были выгоды, которых ожидала Россия от учреждения столь благодетельного; но ожидания таковые остались тщетными потому, что открытие порто-франко требовало разных построений на которые употреблено около двух лет; по окончании же оных беспокойства случившиеся в Оттоманских владениях еще не дали времени дождаться благотворных последствий свободной торговли, как вдруг Высочайшим указом 9 июня 1822 года порто-франко Одесское так изменено, что сохранило только прежнее имя, потеряв все главнейшие выгоды свои как для государства, так и для частных выгод купечества.

Правда, что товары приходящие в Одессу и остающиеся в оной без вывоза внутри России до ныне платят только  $\frac{1}{5}$  часть пошлины; но снисхождение сие не достаточно для замены тех затруднений, штрафов, акциденций и разных взысканий, которым хозяева товаров и шкипера ныне подвергаются в Одессе, подобных всем прочим российским портам, за упущение форм, таможенным уставом предписанных. Быв прежде избавлены от всякой в сем отношении ответственности и от всяких ограничений, они не могли иметь никакой выгоды ввозить контрабанду в Одессу и избе-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

гати надзора карантинного. Ныне тайный ввоз товаров представляет те же выгоды в Одесском порте, как и в других; следовательно, один из главных и самых полезных видов правительства в учреждении порто-франко, а именно отвращение поводов к внесению заразы, уже более не существует, и никакой надзор в свете заменить его не в состоянии: ибо малейшая вещь, сокрытая от досмотрщика только для избегания таможенных форм, может распространить язву между тысячами людей.

Сверх того в первоначальном учреждении Одесского порто-франко не было никаких запрещений<sup>1</sup>; ныне же оные существуют, и, следовательно, Одесса уже не есть настоящее порто-франко, и иностранцы, в нее приходящие, не могут быть уверены, что все их товары будут впущены. Отсюда рождается сомнение, недоверие и неизбежное уменьшение торговли.

Все сии причины побуждают меня подвергнуть их Высочайшему воззрению Вашего Императорского Величества и всеподданнейше просить о восстановлении Одесского порто-франко в том виде, который был оному предназначен манифестом 1817 года, без всяких запрещений на ввоз в порто-франко и на торговлю в нем<sup>2</sup>. Вывоз же из оного внутрь Империи останется в настоящем виде, и, следовательно, при оном все таможенные учреждения могут быть не только соблюдаемы, но даже усилены.

Выгоды от такового восстановления для всего государства будут весьма важны: ибо в 1-х увеличится торговля и усилится сбыт наших произведений, которые от недостатка покупателей ныне в великом числе гниют и пропадают без всякой пользы, во 2-х уничтожатся все поползновения к внесению заразы. В противоположность двум столь важным пользам потери для казны никакой быть не может; ибо сбор  $\frac{1}{5}$  части таможенных пошлин, ныне взимаемый за товары в Одессе потребляемые, поступает не в Государственную казну, но в доход Городской, а город охотно готов пожертвовать оным для получения многих выгод, неразрывных с свободною торговлею. Пожертвование сие хотя и уменьшит значительно доходы Одессы, но не истощит источников оных: ибо  $\frac{1}{5}$  часть пошлины с товаров, за черту порто-франко внутрь Империи

отправляемых, будет по-прежнему поступать из таможи в пользу города на основании Высочайшей воли покойного Государя Императора, даровавшего Одессе сию статью дохода навсегда<sup>3</sup>.

### ПРИМІТКИ:

1. У чернетці примітка М. Воронцова, яка була закреслена і до оригіналу документу не потрапила: «Исключение для хлебного вина, водки и подобных крепких напитков было тогда сделано только до окончания срока откупа, для сохранения условия прежде заключенного с откупщиком на 4 года. Ныне сие исключение можно предупредить: ибо откупа винные возобновляются с началом 1827 года, и торги на них еще не произведены».

2. Примітка М. Воронцова (вміщена внаслідок того, що було викреслено попередню): «Торговля внутри порто-франко должна быть подвергнута только одному исключению относительно крепких напитков, откуп которых составляет главнейший доход города. Посему следует постановить, чтобы ром и водка ввозимые в Одессу, дабы мелочною продажею не вредили питейному откупу, были складываемы в магазины под присмотром откупщика до продажи их оптом или до выпуска за черту порто-франко. В городе же сих продуктов никому не продавать бутылками, штофами и ведрами иначе как с позволения откупщика».

3. В чернетці закреслено «навсегда» і написано «бессрочно».

### Література:

1. Шандра В. Новоросійський та бессарабський генерал-губернатор М.С. Воронцов // Український історичний журнал. – 2002. – № 1. – С. 67–79; № 3. – С. 125–139.

2. Гончарук Т.Г. До питання про захист генерал-губернатором М. С. Воронцовим прав одеської торгівлі у полеміці зі столичним керівництвом у 20-ті рр. XIX ст. // Записки історичного факультету. – Одеса, 2004. – Вип. 15. – С. 113 – 123.

3. Гончарук Т.Г. Генерал-губернатор М.С. Воронцов та реорганізація одеського порто-франко середини 1820-х рр.// Науковий вісник / Одеський державний економічний університет. – Науки: економі-

## *ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА*

---

---

ка, політологія, історія. — Одеса, 2012. — № 22. — С. 230 — 238.

4. Внутренние известия. Одесса // Одесский вестник. — 1827. — 2 июля.

5. Гончарук Т.Г. Антон Ілліч Шостак — захисник торговельних інтересів Одеси в першій чверті XIX ст. // Українське козацтво у вітчизняній та загальноукраїнській історії. Міжнародна наукова конференція: тези доповідей. — Одеса, 2005. — С. 35 — 36; Гончарук Т.Г. Шостак Антон Ілліч // Одеські історики. Т.1. — Одеса, 2009. — С. 443 — 444.

6. Феденьов Р. К., Якубовський О. П. Перші градоначальники Одеси: історичний досвід управління містом. — Одеса, 2002. — С. 107 — 108.

7. ДАОО. — Ф.1. — Оп. 190 (1826 р.). — Спр. 28. — Арк. 19 — 12.

8. ДАОО. — Ф.1. — Оп.190 (1825 р.). — Спр. 47. — Арк.182.

9. Медзыховский К.Ю. О свободных гаванях. — СПб., 1910. — С.52.

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

---

*Виктор Савченко,*

*профессор кафедры философии и социальных  
дисциплин ОГУВД,*

*кандидат исторических наук, доцент*

*ОДЕССКАЯ АНАРХИСТСКАЯ ГРУППА  
«МОЛОДАЯ ВОЛЯ»  
(НОВОЕ О МИШКЕ ЯПОНЧИКЕ  
И ЕГО ЮНОШЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ)*

За исключением Мишки Япончика, пожалуй, в Одессе нет другого реального исторического персонажа, который так легко превратился не только в литературного героя (Беня Крик из произведений И. Бабеля), но и в противоречивый и своеобразный одесский бренд, в котором отрицательные свойства личности традиционно, по-бабелевски, представляются достоинствами. Политические мифы и литературный вымысел, народная молва и старания дилетантов, создавали образ некоего одесского Робин Гуда - Мишки Япончика, да и сам Мойше — Яков Винницкий, в ранней юности считая себя анархистом, разделял революционную идею «ликвидации частной собственности».

Экраны стран СНГ «загрузила» одна скучнейшая и фальшивая поделка — сериал «Жизнь и приключения Мишки Япончика, или Однажды в Одессе» (реж. С. Гинзбург, сценар. М. Белозор), сюжет которой ничего общего со старой Одессой и с действительной биографией анонсируемого исторического персонажа не имеет. Снова зрители столкнулись с псевдо-Одессой, с тем, чего не было, да и быть не могло.

О Мойше — Якове Винницком — Мишке Япончике я уже писал в книгах «Авантюристы гражданской войны»; «Анархисты-террористы в Одессе 1903-1913», «Мишка Япончик и атаман Адский», но архивные находки вновь заставляют вернуться к этой теме. В ходе изысканий появляются все новые и

новые еще неизвестные факты. Известно, что Мойше — Яков Винницкий родился 30 октября 1891 г., в Одессе, на Молдаванке, на улице Госпитальной №23, в семье еврейского мещанина, фургонщика Меера - Вольфа Мордковича Винницкого и его жены Добы (Доры) Зельмановны. Всего в семье было пятеро сыновей и дочь. Семья жила бедно, и Мойше - Яков в пятнадцать лет становится учеником в матрасной мастерской Фарбера, а в шестнадцать — уже работал электриком на одесском авиазаводе «Анатра» [1. 10]. Скорее всего, что бы стать электриком нужно было пройти обучающий курс, а в Одесской электротехнической школе, где в 1906-1907 гг. существовал кружок анархистов-коммунистов, в октябре 1907 г. ученик электротехнической школы шимнадцатилетний Лев Коман член «Молодой воли» был задержан за вымогательство денег в мебельном магазине. В электротехнической школе М. Винницкий мог пройти свои первые анархистские «университеты» [2].

Еврейский погром 18-20 октября 1905 г., во время которого было убито, по разным данным, от 200 до 500 евреев, всколыхнул одесское предместье — Молдаванку. Еврейская самооборона, дружины, состоящие из социал-демократов, эсеров, максималистов и анархистов, пытались остановить погром. Анархисты (осенью 1905 г. среди одесских анархистов 70% составляли евреи) ответили на погром террором. Анархисты бросили бомбы в полицию, солдат и «толпу черносотенцев». Погром заставил новое поколение еврейских юношей взяться за револьверы.

Отряды самообороны, собравшиеся в бедных еврейских кварталах Одессы, получив оружие от революционных и еврейских организаций, не желали самораспускаться, думая стать «теневогой» властью на Молдаванке. Сотни жителей Одессы в 1905-1908 гг. оказались под воздействием радикальных анархистских идей. Анархизм утвердился в мегаполисе в трех своих проявлениях: анархизме-коммунизме, анархизме-синдикализме и анархизме-индивидуализме. Особенно преуспели анархисты-синдикалисты, которым удалось влиять на моряков торгового флота, рабочих судоремонтных и судостроительных заводов и порта, ряда пред-

приятый Одессы. Анархисты-коммунисты развязали террористическую борьбу с режимом, сделав имя «анархиста» устрашающим для местных предпринимателей и администраторов. Они пытались бомбами «разбудить» рабочий класс, показать пример бескомпромиссной борьбы против капиталистической системы.

В начале века в революционную «моду» входил иллегализм (направление в анархизме-индивидуализме), рассматривающий уголовные действия как естественный образ жизни анархиста. Еще в 1887 г. в Париже был осужден К. Дюваль, который часть награбленного его группой передавал анархистам и каскам рабочей помощи. В 1890-х гг. французские анархисты Ф. М. Равашоль и А. Вальян перешли к индивидуальным террористическим действиям, а Э. Анри заявив, что «невинных буржуев не бывает», бросил бомбу в обычное кафе. Речь на суде иллегалиста Э. Анри стала своеобразным «канон» для анархистов-«безмотивников» Одессы. Она была переведена на русский язык и издана женевской группой анархистов в 1898 г. [З. 2].

В 1900-1903 гг. еще один француз М. Жакоб, рассматривая буржуазию как «социальных паразитов», организовал группу под названием «Рабочие ночи», которая грабила богатых, передавая деньги бастующим рабочим и на анархистские инициативы. На свое вооружение иллегализм взял идею «индивидуального возмещения» - право каждого на кражу и индивидуальный террор против носителей власти и богатств, право на индивидуальную войну личности против всего общественного устройства, когда отдельное убийство или грабеж трактовался не как криминальное преступление, а как удар по системе. Позаимствовав теоретическую базу у теории эгоизма Макса Штирнера, иллегализм, отбросив мораль как форму «классовой эксплуатации», трактовал преступления как вызов обществу. Индивидуальные акции иллегалистив были опасны для власти, так как не поддавалась прогнозированию, контролю, не были подвержены провокаторству. В то же время для части населения Российской империи в 1905-1907 гг.

революционный террор стал преступлением только юридически, избавившись от морального общественного осуждения. В глазах радикалов (часть интеллигенции, студенчество, рабочий класс) террор рассматривался как революционный героизм [4].

В 1903-1904 гг. анархисты Белостока открыли иллегалистскую войну в Российской империи: экспроприации продовольствия и денег у торговцев, взрывы и саботаж на производстве, убийство представителей буржуазии. В 1905-1908 гг. в Одессе акты анархистского террора стали частью тогдашней жизни, воспринимаясь радикалами как «революционная пропаганда действием». В 1906 г. в своей речи на суде, перед казнью, анархист — «безмотивник» Моисей Мец, один из участников метания бомб в посетителей кафе Либмана в Одессе (декабрь 1905), заявит, что «каждый эксплуататор достоин смерти» и призовет пролетариев убивать всех тех, кто позволяет себе «развлекаться» за счет угнетенных [5. 13].

Одесские анархисты в 1905 г. поставили на «террористическую войну на уничтожение», их тактикой стали «прямые действия» - террор и грабежи государственных и частных касс, банков, магазинов, складов, акты вымогательства - так называемые «мандатные письма», в которых, под страхом смерти, у представителей бизнеса вымогались деньги «на революцию». Наиболее колоритно иллегализм проявился в Одессе в деятельности анархистских групп: «Молодая воля», «Черный ворон», «Белый ворон», «Черная маска», «Черные соколы», «Анархисты - вымогатели», «Красная сотня» и др. Такие анархистские организации как «Черное знамя» и «Молодая воля», вымогали деньги преимущественно у еврейских предпринимателей, обещая за деньги, «сданные на самооборону», охранять их магазины, предприятия и жилища от погромщиков.

В отличие от анархистов-синдикалистов и анархистов-коммунистов, которые на «вырученные» деньги печатали анархистскую литературу, поддерживали анархистские центры, организовывали стачки и помогали рабочим-забастовщикам,

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

иллегалисты, проводя «революционно-мотивированные экспроприации», деньги преимущественно, употребляли на приобретение оружия и обеспечение самих анархистов («деньги проедались»). Иллегалисты были свободны от партийной дисциплины и идеологической работы в «народной гуще».

Из группы анархистов - коммунистов «Молодая воля» вышел иллегалист революции 1905-1907 гг., «воровской ко-роль» и командир революционного полка гражданской войны Моисей Винницкий — Мишка Япончик, а бандитская группировка «Черный ворон», что наводила ужас на жителей украинских городов времен НЭПа, хвасталась своим подражанием одесскому «Черному ворону» времен первой русской революции. Возможно предположить, что «воровские законы», сложившиеся в 1920-х гг. в СССР, были наследием илларализма начала XX в.

Считается, что на рубеже 1906 и 1907 гг. Моисей Винницкий вступил в боевую группу «Молодая воля». В исторической литературе хотя и упоминается эта загадочная организация как анархистская группа, но ее создание, деятельность и ликвидация покрыты мраком. На некоторые вопросы о создании этой организации может ответить документ, недавно мной найденный в Государственном архиве Одесской области.

*«Совершенно секретно.*

*Господину начальнику жандармского управления гор. Одессы.*

*13 февраля 1908 г. Одесса.*

*Возвращая отношение от 19-го декабря 1907 года за №14088 (данный документ не найден—Авт.), честь имею сообщить о том, что собранными по смыслу оному сведениями обнаружено следующее: в конце 1905 года среди рабочих завода Гена, на Пересыпи, а ровно и рабочих других соседних фабрик и заводов возникла мысль образовать милицию для наблюдения за спокойствием и порядком и главным образом преследования воров, грабителей и т. п. преступных лиц преимущественно на Пересыпи.*

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

*С течением времени эта произвольная милиция стала постепенно расходиться, и спустя приблизительно год после своего основания она окончательно прекратила свое существование. В числе самозванных милиционеров нагодился и кузнец завода Гена Кирпичников, впоследствии административно высланный из Одессы. Кирпичников, ввиду распада милиции, преследующий все-таки цели хорошие, решил образовать вместо нея род милиции или дружины для противодействия членам Союза Русского народа с направлением... (затертое слово-Авт. ), чем подозрительным.*

*Среди геновских рабочих он увлек в эту дружину человек 13 и десятка два рабочих других заводов. Все это происходило в конце мая месяца 1907 года. Тогда Кирпичников в один день собрал членов сформированной им дружины на сходку в каменоломнях за водочным заводом по Куяльницкой дороге, где собравшиеся решили назвать дружину «Молодая воля», поставивши себе целью противодействие Союзу Русского народа и защиты евреев.*

*После этого к «Молодой воле» стали примыкать преимущественно молодые евреи, бывшие рабочие, ремесленники и оставшиеся без всяких занятий, одновременно с этим к ним престаали члены различных партий, как то: анархисты, коммунисты, члены «Черного знамени»\*, члены разных летучих отрядов.*

*К июню месяцу 1907 года число молодцовцев пребиралось до 180 человек. Управлял «Молодой волей» еврей, сапожник Лева Мичман, впоследствии высланный из Одессы (Циркуляр Министерства Внутренних дел от 15 сентября 1907 г. об административной высылке — от автора).*

*Из числа десятников известны: некто Витька Рабочий — маляр Добровольческого флота, Яшка Фукс — налетчик, бежал за границу, Бейдеров и Даревский и некий Волька (сейчас на каторге). Бейдеров и Даревский арестованы. Вооружение «Молодой воли» состояло из 8-ми браунингов, 2-х револьверов «Смитта и Вессона» и одного «Ле фаше».*

*Защищая евреев, молодцовцы, представляющие собою всякий сброд и отрепье, стали заниматься вооруженными налетами и вымогательством среди жителей, особенно евреев, так, меж-*

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

---

*ду прочим они совершили набег на гастрономический магазин Трояна на углу Базарной и Канатной улиц, домовладельца Балинчевского по Раскидайловской улице №43, склада Варшавского по Александровской улице и др.*

*Набеги эти, как теперь выяснилось, совершены под руководством Мочмана. Кроме того, молодцовольцы участвовали еще в перестрелке на углу Госпитальной и Мясоедовской улиц.*

*Под конец прошлого 1907 года «Молодая воля» стала распадаться, многие ее члены отошли обратно к своим партиям, и она в настоящее время почти прекратила свое существование.*

*Помощник полицмейстера, заведующий сыскным отделением (подпись)» [6. 83 - 84].*

Из сказанного в рапорте помощника полицмейстера следует, что после еврейского погрома в Одессе (октябрь 1905), в городе сложилась дружина рабочей самообороны, имевшая целью защиту еврейских кварталов предместий Одессы от погромов. Весной 1907 г. она превратилась в дружину анархистов-коммунистов «Молодая воля», в основе ее был небольшой отряд еврейской самообороны одесских районов Слободка и Пересыпь. Поначалу в «Молодой воле» были представлены в основном рабочие одесских заводов, но к августу 1907 г. основной массой «молодцовольцев» стали юноши с Молдаванки 15-19 лет (всего ок. 200 чел.), а также отдельные представители анархистских групп—«Черного знамени», анархистов-синдикалистов и анархистов-коммунистов (последние в тексте рапорта заявлены как «коммунисты»). Под представителями «летучих отрядов», возможно, скрываются члены эсеровских летучих отрядов или отряда «Черный ворон». В дальнейшем «молодцовольцы» сотрудничали с одесской группой анархистов-коммунистов и группой анархистов на Юге, планировали с ней совместные акции и фактически стали ее «молодежным филиалом».

Анархистский иллегалистский отряд «Черный ворон» стал претечей «Молодой воли». Он был создан осенью 1905 г. из четырнадцати юношей 16-19 лет, в 1906 г. в нем было ок. 40 бое-

виков. «Атаманом» отряда был рабочий, бывший социал-демократ, ставший анархистом-индивидуалистом. Этот отряд стал обкладывать «выплатами денег на революцию под страхом смерти» мелкий и средний бизнес Одессы. Вскоре к подобной тактике пришли и боевики разнообразных иллегалистских групп и группы «Черное знамя».

«Молодая воля» с первых дней своего существования перешла на практику иллегализма: налеты на магазины, склады, частные квартиры, перестрелки с полицией (убийства городских и надзирателей), метание бомб в «союзников» — членов «Союза Русского народа»\*. Боевики «Молодой воли» обложили подобной «данью» бизнес богатых представителей Молдаванки и Слободки, выдавая «чеки с печатью» от имени своей группы об уплате «налогов на революцию», «на безработных» или «на самооборону». Предъявитель подобного чека мог надеяться, что у него больше не будут выматывать деньги ни «молодовольцы», ни другие «летучие отряды» — от анархистов до эсеров. Но случалось, что подобные «чеки» не защищали потенциальных жертв от повторных налетов и вымогательств своей «крыши» или других анархистских групп. Так, газета «Русское слово» сообщала: «Сегодня в Одессе произошло столкновение между двумя группами анархистов, именующих себя: одни — «Черное знамя», а другие — просто «анархисты». Место встречи - контора мельницы Когана, куда первая группа явилась с требованием денег. Одновременно явились и представители другой группы анархистов. Первые бросились бежать. Вторые, преследуя их, тоже скрылись» [7].

Еще в ноябре 1906 г. боевая группа «Союза русского народа» -«союзники» *«...совершила возмутительное организованное нападение на студентов. Вооруженные револьверами, резинами и железными палками черносотенцы устроили засаду в темных переулках, прилегающих к обширному зданию медицинского факультета ...стали избивать их (студентов и студенток-Авт.) палками, стегать резинами. «Бей их, стреляй!» — раздалась команда ...в результате оказалось тяжело и легко избитыми двадцать два студента и несколько девушек. Город взволнован нападением,*

---

---

*остающимся безнаказанным. Сегодня утром занятия в университете прекращены» - сообщила столичная газета. Через несколько дней «...после похорон убитого помощника пристава Лашкевича, толпа, возвращаясь с кладбища, пыталась начать еврейский погром. На Толкучем рынке разбито и ограблено несколько мелочных лавчонок...» [8].*

Лидеры «союзников» пытались использовать недовольства части населения революционным хаосом и террором и натравить славянское население Одессы на евреев, обвинив последних в организации и спонсировании революции. Как сообщала газета: «Союз русского народа» наградил золотыми часами двух солдат, застреливших во время столкновения с полицией трех молодых людей, скрывавшихся от преследования после убийства помощника пристава. На часах надпись: «За убийство анархистов-евреев» [9].

17 января 1907 г. в Одессе снова фиксировались «погромные настроения». Газеты писали: «Утром в районе Молдаванки неизвестными был подстрелен городской... арестовано 15 человек, как думают, анархистов. Вследствие событий последних дней настроение в городе тревожное... Боевая дружина союзников, возвращаясь вечером с похорон убитого капитана «Русского общества» (РОПИТ-Авт.) Синькевича, в центре города начала избиение прохожих, преимущественно евреев и учащихся. Не щадили женщин. Были пущены в ход ножи, резины и кастеты. Пострадавших до 20-ти человек. Среди тяжело раненых — два студента и ученик» [10]. Необходимо отметить, что капитана М. Сенкевича (в газете назван Синкевичем) действительно убили анархисты, члены Боевого отряда анархистов-синдикалистов, но в составе этого «отряда» не было евреев.

Одна из газет, освещая одесские события, писала: «С отъездом градоначальника Григорьева возобновились насилия «союзников». В последние дни они приняли возмутительный характер. Газеты печатают громадный перечень избитых, раненых, изувеченных за вчерашний день...

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

*Вчера вечером громадная местность в районе университета в течение нескольких часов была терроризирована черносотенцами. Дружинники, рассыпавшись на небольшие группы, ловили и избивали студентов. Некоторые спасались бегством. Вслед им посылались выстрелы. Два студента легко ранены» [11].*

В январе 1907 г. «союзники» напали на портовых рабочих и моряков торгового флота (преимущественно словянского происхождения), таким образом «наказывая» их за продолжение забастовки. В феврале одесситов будоражили слухи о подготовке «союзниками» еврейского погрома на Молдаванке. Предверием их посчитали уличные беспорядки, которыми сопровождалась юбилейная манифестация «Союза русского народа». А. И. Коновичин\* - руководитель Союза Русского Народа в Одессе открыто подстрекал дружину «союзников» расправиться с бастующими моряками в одесском порту и революционерами-евреями одесских предместий.

В начале февраля 1907 г. дружина «созников», которая «несла охрану порта», устроила кровопролитное избиение бастующих портовых рабочих и перестрелку в порту, «союзники» обстреляли и ранили нескольких прохожих на Молдаванке, а через два месяца в новом конфликте с «союзниками» у входа в порт погибло два анархиста и пять было ранено [12].

Это было время, когда «союзники» уверовали в свою безнаказанность после победы на выборах в Городскую думу, куда одесские «правые» провели три четверти гласных, а либералы отказались от совместной с «правыми» работы в Городской Думе, когда градоначальник и генерал-губернатор и командующий военным округом не скрывали свое покровительство деятельности «союзников». Первого мая 1907 г. (когда рабочие праздновали день трудящихся), на окраинах произошло несколько столкновений между «союзниками» и рабочими с применением оружия, в больницу было доставлено несколько раненых...

Газеты сообщали: *«Союзники снова свирепствуют и бесчинствуют. В последние два дня в городе и на окраинах, особенно в местах гуляний, было много случаев избиений пресловутыми ре-*

зинками. Бьют преимущественно учащихся, студентов, евреев, нападают и на рабочих» [13].

Утром 7 мая «...в центральной части города вблизи здания полиции, на глазах многочисленных прохожих взрывом бомб тяжело ранены пристав Панасюк, помощник пристава Полянкевич, околоточный надзиратель Серакевич и городовые Шур и Величко. Доставленные в больницу Панасюк и Серакевич, не придя в сознание, скончались. Бомбометатель бросился бежать. За ним погнались городовые. Сообщники его, находившиеся на противоположном тротуаре, открыли пальбу из револьверов. Городовые, отстреливаясь, ранили бомбометателя и задержали его и его товарища. Бомбометатель назвался крестьянином Василием Черковым...» [14]. Взрыв анархистской бомбы привел к очередной вспышке погромных настроений: «В связи с сегодняшним событием возобновились усиленные избиения на улицах. Тотчас после взрыва хулиганы стали толпами ходить по улицам и избивать молодежь, главным образом евреев» [14].

В тот же день атаманы (командиры «союзников») собрались на совещание, а присутствовавший на совещании полицейский агент рапортовал, что они решили: «...после похорон, приписывая данное убийство еврейским революционным партиям и организациям, действующим через подставных молодых русских, отомстить евреям за это, для чего произвести сейчас же после похорон еврейский погром». Полицейские сообщали о том, что члены «Союза русского народа» «...ведут себя крайне вызывающе по отношению к еврейскому населению города, почти ежедневно устраивая избиения евреев и тех лиц, которых они считают революционерами» [15. 156].

Полицейские сводки лета - осени 1907 г. напоминают «фронтовые» — на окраинах города шла «городская партизанская война» — 1 июня газеты сообщали: «...Торжественное шествие «союзников» по городу закончилось избиениями. «Союзники» большими группами раскинулись по городу и дачам и пустили в ход пресловутые резинки. Число избитых велико. Есть женщины и старики» [16].

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Боевики «Молодой воли» активизировали вымогательство денег у еврейских предпринимателей, мотивируя это тем, что для обороны еврейских кварталов от погромщиков и для вооружения самообороны нужны большие суммы. «Молодовольцы» провели вооруженное нападение на казармы 70-го казачьего полка, стремясь захватить оружие. Слухи о новом погроме привели к «мобилизационным настроениям» местных жителей, и не только евреев, около одной трети «молодовольцев» составляли украинские и русские анархисты: С. Донцов, А. Баранов, А. Портненко, М. Мартынчик и др. Хотя полицейские сводки упорно асоциировали «молодовольцев» только с «молодыми евреями» [17. 58].

2 июня 1907 г. 9 вооруженных «молодовольцев» нападали на крупный гастроном Трояна, при преследовании кинули бомбу в полицейских (за нападение на магазин Трояна некий Товий Гурштейн был осужден к смертной казни, замененной каторгой). 8 июня произошел взрыв бомбы на Старопортоофранковской, на Молдаванке анархист открыл стрельбу в городского, но полицейскому удалось застрелить нападавшего. 20 июня произошла драка «союзников» и «молодовольцев». Стрельба в городских из окон домов привела к полицейской облаве на Молдаванке [18. 265 - 268].

14 июля драка «союзников» и «молодовольцев» переросла в перестрелку, анархистами был убит городской, прибывший на место происшествия. Газеты сообщали, что 16 июля *«...на Молдаванке, населенной преимущественно еврейской беднотой, произошло вооруженное столкновение «союзников» с еврейской молодежью (очевидно «молодовольцами»-Авт.), продолжавшееся около двух часов времени и перебрасывающееся с одной улицы на другую»* [19].

6 августа девять «союзников» открыли стрельбу из револьверов на Болгарской, ранив пешеходов — местных жителей. Вскоре стрелявших арестовала полиция, изолировав их на три месяца. [10. 304-307]. 13 августа «союзники» избивали прохожих на Николаевском бульваре. В это время в газете «Русское

слово» было опубликовано письмо одесского извозчика (еврейского происхождения) Грана, в котором автор заявлял о том, что «...преследования евреев избиения и погромы являются результатом справедливого негодования русских людей на наглые действия евреев-революционеров и анархистов». Это письмо в тысячах оттисков распространялось в Одессе, для того, с целью вызвать «погромные настроения» [20].

18 августа анархисты убили трех городских. Полиция сообщила: «в городе воцарилось возбужденное настроение», в разных частях города происходили перестрелки и столкновения анархистов с «союзниками». 19 августа «возбужденные настроения» продолжались — в перестрелке на ул. Госпитальной, которая возникла во время драки «союзников» и членов «Молодой воли», был убит один человек, ранено — 12 (один из них позже скончался), 17 человек получили колотые раны или сильные ушибы. 20 августа — на улицах, найдены двое с огнестрельными ранениями и 9 избитых или поколотых ножами. 19 августа в город были введены 2 роты пехоты и 2 сотни казаков для патрулирования улиц рабочих окраин, прежде всего Молдаванки. Полиция сообщила, что ее силами был предотвращен погром — задержано 22 «союзника» — боевика, приостановлен выпуск «черносотенных» газет «За Царя и Родину», «Новое обозрение» за «тревожащие население статьи» [18. 304-346].

Газета «Новое время» так описывала «беспорядки» 19-21 августа в Одессе: *«Вечером в разных частях города на окраинах вновь возникли серьезные уличные беспорядки, к подавлению которых немедленно приняты полицией чрезвычайные меры. В помощь полицейским для прекращения беспорядков и рассеивания скопищ вызываются войска»* [21]. Газета «Русское слово» добавляла: *«В течение двух дней... можно было (конечно, не без риска быть избитым) наблюдать безобразный разгул черной сотни, сопровождавшийся убийствами, возмутительными насилиями и ужасными избиениями евреев, интеллигентов, учащихся, но преимущественно первых, принявшими массовый характер»* [22].

Жители Молдаванки в письме одесскому генерал-губернатору и градоначальнику, генерал-лейтенанту В. Д. Новицкому писали, что «мирное население Одессы терроризировано со всех сторон», и требовали прекратить террор анархистов и «союзников» [23. 196].

Подобная жалоба пришла генерал-губернатору от жителей улицы Мещанской, в которой они просили провести облаву и аресты анархистов с их улицы: *«Анархисты, вооруженные дружинники не боятся присутствия городских, которые с ними в лучших отношениях... за одно». В письме сообщалось, что на ул. Мещанской толпы подростков под угрозами смерти обирают лавочников, требуя от 100 до 500 руб. 30 августа полицией была проведена первая облава на ул. Мещанской, 2 сентября — при облаве было задержано 44 чел., 4 сентября — во время новой облавы было задержано 24 чел., из них 17 опознаны как «молодовольцы» [23. 156-156 об.]*.

В сентябре 1907 г. на имя одесского градоначальника и вр. генерал-губернатора пришло еще оно письмо подписанное семью одесскими обывателями Молдаванки, в котором жители высказывали недовольство местной полицией и обличали «союзников», требуя разоружить их: «...союзники убивают на улицах... полиция потворствует им... городские публично кланяются и секретничают с грабителями и убийцами, как с «союзниками», так и налетчиками... полиция, при обысках мирного населения грабит и бьет до смерти» [18. 23].

В сентябре из Одессы было выслано 17 «молодовольцев» (Голик, Гатинский, Ритенберг и др.) [24. 84]. Вскоре был арестован ученик Коммерческого училища Мирон Цесарский стрелявший из браунинга в «союзника» и еще 14 анархистов [23. 15].

В начале сентября 1907 г., после убийства околоточного надзирателя Харченко на ул. Большой Арнаутской, начался новый этап эскалации конфликта между «союзниками» и «молодовольцами». Газета «Новое время» сообщала из Одессы: «Вчера вечером на Мещанской улице убит полицейский надзи-

ратель; стрелявшие скрылись... Вчера вечером около аудитории ранен агент сыскальной полиции» [25]. В этом убийстве обвинили членов «Молодой воли», которая «активно выступает против чинов администрации». Во время переноса тела околоточного надзирателя из морга произошел обстрел «молодовольцами» похоронной процессии у Еврейской больницы на Молдаванке [23. 2, 43 об., 156 - 156 об.].

1 сентября 1907 г. премьер и министр внутренних дел П. А. Столыпин телеграфировал в Одессу генерал-губернатору В. Новицкому\* требуя «...не допустить самовольных действий со стороны каких бы то ни было посторонних организаций. Если кто-нибудь распоряжается на улице помимо полиции, значит полиция слаба» [26. 1].

3 сентября сообщалось: «...несмотря на принятые администрацией меры, похороны убитого полицейского надзирателя сопровождались беспорядками, в результате которых при перестрелке убит старик-еврей, смертельно ранена девочка восьми лет и несколько евреев и христиан получили повреждения. Многие избиты». В этот день слышались призывы к погрому... 6 сентября, так отразилось в газетах: «Вечером на Молдаванке вновь происходили военные действия. Группа «союзников» появилась на Малороссийской улице. Они сделали несколько выстрелов по направлению к трактиру, в котором собираются самооборонщики. Последние отвечали. Пальба продолжалась в течение десяти минут, пока не прибыли конные стражники». Через несколько дней та же газета добавляла: «В последние два дня в Одессе ранены трое: околоточный надзиратель, задержавший на днях двух экспроприаторов и награжденный градоначальником 200 руб., агент охранного отделения и рабочий... За это же время на Молдаванке произошло несколько перестрелок между «союзниками» и самообороной» [27].

8 сентября фиксировалась новая перестрелка между «союзниками» и самообороной на ул. Болгарской. В тот же день полицейские нашли труп своего осведомителя Яшки Тверского. Выяснилось, что его убил «молодовольец» Янкель Кофман—

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Яшка Николаевский — рабочий фабрики Вальтуха и участник нападения на артельщика завода Гена. В сентябре 1907 г. «молодовольцы» стреляли в еще одного полицейского осведомителя Р. Верника [23. 200].

За 10 сентября известия из Одессы продолжали быть тревожными: *«...В последние два дня в Одессе ранены трое: околотоčný надзиратель, задержавший на днях двух «экспроприаторов и награжденный градоначальником 200 руб., агент охранного отделения и рабочий... Во всех случаях убийцы скрылись. За это же время на Молдаванке произошло несколько перестрелок между «союзниками» и самообороной»*. 11 сентября бомба брошена в бондарную мастерскую Терехова, который активно помогал «союзникам», а полиция арестовала Янкеля Гофмана - члена «Молодой воли», подозреваемого в убийстве надзирателя Харченко. 12 сентября происходила перестрелка между «союзниками» и «самообороной», в ходе которой два человека были ранены. Одесская полиция определяла количество членов «Молодой воли» — «до 500 человек», но это была несколько преувеличенная цифра [23. 234].

Газетная сводка за 13 сентября сообщала: *«Сегодня после полудня смертельно ранен на Молдаванке крупный виноторговец, домовладелец Абрамович... Несколько дней тому назад к нему явились два вымогателя. Назвавшись представителями партии анархистов-коммунистов, они потребовали от него тысячу руб. Абрамович категорически отказал, заявив, что уже дважды платил, в удостоверение чего предоставил квитанции. Пригрозив ему смертью, вымогатели удалились. Сегодня, когда Абрамович выходил из своего склада, к нему приблизился молодой человек. Одновременно подошли сзади еще два субъекта. Выхватив револьверы, они сделали по одному выстрелу и бросились бежать», «...совершенно еще семь вооруженных нападения на квартиры и торговые учреждения. Обыватели, напуганные двумя последними убийствами лиц, отказавших вымогателям в исполнении их требований, в большинстве под страхом смерти платят грабителям дань без сопротивления, и*

*последние множатся с невероятной быстротой и нагледят с каждым днем» [28]. 13 сентября в фруктовый магазин Я. Зусовича на ул. Ново-Рыбной ворвались трое вооруженных юношей с мандатом от «Молодой воли», в котором требовалось выдать им 200 руб. «для борьбы с союзниками». После отказа в выдаче денег «молодовольцы» произвели три выстрела в хозяина, но не попали [30. 1 - 3].*

14 сентября «союзники» на ул. Мясоедовской устроили драку с «местными», стреляли в толпу местных жителей и по окнам домов. В тот же день на ул. Госпитальной на С. Попова напала толпа «молодовольцев», приняв его за агента полиции, и угрожая пистолетом, требовала агентурные карточки. 16 сентября на ул. Балковской произошла новая перестрелка между «союзниками» и анархистами, вследствие чего появились раненые. Полиция вмешалась и арестовала нескольких стрелявших, в том числе раненого анархиста К. Косовского. В тот же день на ул. Малороссийской «союзники» проводили самостоятельные обыски прохожих [23. 188, 210].

18 сентября на 14 версте у ст. Гниляково 20 анархистов из группы П. Кулешова и «малодовольцев» напали на пассажирский поезд. Ограбление поезда сопровождалось сожжением двух вагонов, что загорелись от брошенной бомбы, убийством жандарм. Во время перестрелки случайно были убиты несколько пассажиров [23. 219]. Один из участников нападения Мартын Мартынчик через несколько дней был арестован полицией [6. 311].

Вечером 20 сентября 1907 г. полиция задумала провести масштабную облаву в частном доме на ул. Картамышевской №7, с целью задержать всю сходку руководства «Молодой воли» (по полицейским данным, на ней присутствовало более 100 чел., сходку собрал некий «Иван Иванович», он же «еврей Имас»). На сходке проходила раздача денег нуждающимся «молодовольцам» (по 30-40 руб. на боевика), руководители делали отчет о нападениях (в том числе о нападении на поезд у ст. Гниляково, которое «молодовольцы» совершили совместно с «Рабочей группой анар-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

хистов на Юге»\*), о удачных вымогательствах. Собравшиеся обсудили планы и подготовку взрывов полицейских участков и одесской тюрьмы. Бомбы для этого «готовил специально приехавший из Петербурга анархист» [23. 240].

Днем 20 сентября, во время общего представления чинов корпуса жандармов и полиции градоначальнику и вр. генерал-губернатору, из сыска сообщили о необходимости арестовать сходку социал-демократов на Молдаванке (это была ошибочная информация, от социал-демократов полиция не ожидала вооруженного сопротивления, поэтому рассчитывала на повести задержания без стрельбы). Проведение арестов было поручено помощнику пристава П. Дельфинскому\* [26. 68].

Тридцать полицейских окружили дом, в котором, в действительности, проходила сходка «Молодой воли», но они были заблаговременно замечены наблюдателями, которых анархисты выставили на крышах флигелей и соседних домов. В момент, когда полицейские появились на Картамышевской, наблюдатели свистом оповестили анархистов о начале облавы... во дворе дома полицейских встретил залп из десяти пистолетов и брошенные в их сторону бомбы. Итог облавы был провален для полиции... убит помощник пристава Дельфинский, два полицейских тяжело ранены, во время перестрелки с полицией была убита девушка-анархистка. Все бывшие на сходке анархисты скрылись. Только через несколько часов была проведена облава в этом районе, в ходе которой арестованы 49 подозрительных, из них двое ранены. На следующий день были задержаны И.-Х. Довельман и рабочий Я. Пружанский, подозреваемые в убийстве помощника пристава Дельфинского [23. 252 - 252 об.].

Об убийстве помощника пристава стало известно в столице, сам премьер и министр внутренних дел П. А. Столыпин 22 сентября телеграфировал в Одессу генерал-губернатору В. Новицкому: «Объявите мою благодарность всем чинам полиции, участвующим в обыске на Картамышевской улице за их доблесть и отвагу. Телеграфируйте, оставил ли семью павший смертью храброго Дельфинский. Похороны его примите за счет казны.

Необходима я сумма на этот предмет и на пособие семье по получению вашего представления будет немедленно Вам переведена». 23 сентября в телеграмме от В. Новицкого П. Столыпину сообщалось, что похороны пройдут за счет казны, а у П. Дельфинского осталась «жена без средств», которой было выплачено пособие в 600 руб. [26. 4-5].

«Союзники» (члены Союза русского народа и дружины Михаила Архангела) на своем собрании (по данным одесской полиции, на сходке черносотенцев присутствовало 100 чел.) решили отомстить за гибель Дельфинского и объявили поход на ул. Мясоедовскую (Молдаванка) для того, чтобы перестрелять всех «молодовольцев». Война на Молдаванке продолжалась... [23. 253].

23 сентября в Одессе, во время похорон П. Дельфинского, ожидался еврейский погром, как месть за его убийство. После прощания с телом убитого на вокзале собралось толпа в 300-500 чел. Часть из них двинулась по ул. Преображенской к центру города, где избивала встретившихся евреев... «Активисты» из толпы открыли стрельбу на ул. Тираспольской, опрокинули киоск, в чайном трактире Клеймана выстрелами ранили двух евреев, а около трактира ранили ножом одного еврея, в разных частях города «подрезали» еще 4-х евреев, побили стекла в домах на улицах: Тираспольской, Преображенской, Нежинской, в Лютеранском пер., в Еврейской больнице... [26. 11 об.].

25 сентября был ранен агент сыска, городской привез его в Еврейскую больницу, «...около которой еврейские мальчишки 13-14 лет еще раз выстрелом ранили его в спину». 26 сентября три анархиста напали на пекарню Георгила, во время их преследования полицией в перестрелке ранен и задержан семнадцатилетний Фроим Ройтман. В тот же день трое анархистов ворвались в квартиру содержателя дома терпимости на Болгарской, требуя деньги. На свою беду, нападавших пытался задержать дворник, который был застрелен анархистами» [26. 18, 25, 35].

30 сентября полиция сообщала, что на двух «союзников» напала «толпа евреев», оборвав у них банты национальных цветов. 1 октября произошел обстрел городских на ул. Госпитальной и

неудачная для анархистов экспроприация. Часть «молодовольцев» была арестована во время новых облав на Молдаванке. 14 октября на ул. Преображенской «союзники», «открыв стрельбу, убили одного еврея и пырнули ножом другого» [29. 2-об., 7, 48, 49-об. 18, 25, 35].

А что же Моисей Винницкий — Япончик, какова его роль в «Молодой воле». Возможно, он также присутствовал на сходке, на которой речь могла идти и о его недавнем «подвиге»... 28 августа 1907 г. он принял участие в вооруженном налете на мучную лавку С. Ланцберга на Балтской дороге на Пересыпи (вместе с «молодовольцами» с М. Л. Шубой и М. И. Котляром) [1. 14]. Почти за год до этого в Екатеринославской губернии, семнадцатилетний крестьянский анархист Нестор Махно участвовал в налете на дом торговца Брука (экспроприация 151 руб.), на дом владельца завода Кернеру (экспроприация 400 руб.).

28 октября 1907 г. М. Винницкий участвует в налете в компании с тремя вооруженными боевиками «Молодой воли» на квартиру столярного мастера Хаскеля Ландера по Базарному переулку, захватив у него значительные ценности: 1200 руб. наличными и драгоценности на сумму до 1 тыс. руб. Интересно, что привел мальчишек из «Молодой воли» на богатую квартиру рабочий столярной мастерской Берко Гедалис 64 лет от роду. При аресте Б. Гедалиса у него были обнаружены захваченные ценности на 250 руб. [1. 15].

12 декабря 1907 г. были арестованы (за вооруженный налет на мастерскую Ландера) полицейскими Михайловского участка и направлены в сыскное отделение Моисей Винницкий (при аресте назвался братом Абрамом 14 лет), Нахим (Нахман) Стратиевский (16 лет) и Мотель Мативецкий (17 лет). Они были арестованы в публичном доме на Молдаванке. На очной ставке жертва налета признала всех троих парней. Юнцов из «Молодой воли» полицейские не первый раз ловили в публичном доме. Так, Герш Вайнберг и Иосель Шаргородский еще в сентябре 1907 г. были арестованы полицией в публичном доме на ул. Екатерининской [29. 100 об., 32. 104].

Генерал-губернатору Одессы и командующему Одесским военным округом матерями мальчишек-разбойников (в том числе матерью М. Винницкого) были написаны просьбы о помиловании [1. 16]. 2 апреля 1908 г. Одесским окружным судом М. Винницкий и Н. Стратиевский были приговорены к 12 годам каторжных работ (Моисей на процессе проходил под именем своего младшего брата Абрама Винницкого). 25 сентября 1908 г. по приговору Одесского военно-окружного суда он был приговорен к 10 годам тюрьмы, смягчение приговора было возможно как не достигшему 17-тилетнего возраста. Б. Гаделис и М. Мативецкий были приговорены к повешению. Однако командующий Одесским военным округом генерал Кульбарс смягчил приговор и заменил повешение бессрочной каторгой [1. 13].

12 февраля 1908 г. на Московской улице задержан мещанин подольской губернии Мойше-Ицек Гершев Котляр, обвиненный в нападении летом 1907 г. на лавку Ландцберга на Пересыпи [31. 272]. После оглашения этого приговора, за нападение на мебельщика Ландера (пекарню Георгела, ранен во время нападения) был арестован еще один анархист «Куня»—Фроим Ройтман [6. 98-101].

9 марта 1908 г. от заведующего сыском на имя одесского полицмейстера пришло письмо-ходатайство о выплате провокатору Шикю Пресману вознаграждения в сумме 4 рубля за сведения о эксистах В. Винницком, М. Митивецком и Н. Струтиевском и их «деле» в нападении на квартиру Ландера [6. 579 об.].

Подельник Винницкого — Япончика был хорошо известный одесской полиции Нахман Струтиевский кличка Шапиро (брат содержателя трактира). Кроме акций «Молодой воли» он участвовал в терактах в группе Порфирия Сулимовского\*, который был схвачен полицией и по приговору суда повешен в Чумном квартале 10 января 1908 г.

В ноябре 1907 г. арестованный анархист Л. Коман показал околоточному надзирателю и помощнику пристава о деяниях анархистов «Молодой воли». Он уверял, что убийство П. Дельфинского было совершено Давидом Пружанским (к этому времени в

одесской тюрьме), убийство надзирателя Харченко—Юрием Крыжановским, Нахманом Струтиевским и рабочим фабрики Яковом Кофманом (уже в одесской тюрьме), покушение на надзирателя Любинского и городских на ул. Базарной, а также нападение на магазин «Трояна» — Н. Струтиевским и неким "Берци", покушение на сысского агента Верника — Н. Струтиевским и Абрамом Левиным (выслан из Одессы), убийство провокатора Тверского—Н. Струтиевским и Я. Кофманом [6. 98-101].

20 ноября похороны убитого «молодовольцами» «союзника» переросли в беспорядки, для предотвращения которых властями была направлена сотня казаков охранять похоронную процессию и еще 9 сотен охранять город и формировать резерв при околотках [29.105].

30 ноября на конспиративной квартире на ул. Конной был задержан один из лидеров «Молодой воли» Пинхус Иосеф-Лейзер Имас (в момент задержания пытался стрелять в полицию) и крестьянка, народная учительница из с. Погребнице Матрена Присяжнюк [32. 3 - 4]. Позже, весной 1908 г., М. Присяжнюк возглавила крестьянскую анархистско-коммунистическую группу и была арестована за участие в ограблении сахарного завода в Погребнице и убийство пристава при аресте. В июле 1908 г. была приговорена судом к смертной казни, после суда покончила с собой.

В декабре 1907 г. перестрелка между полицией и боевиками «Молодой воли» на улице Мясоедовской стала началом конца группы. В ходе перестрелки трое анархистов были убиты. Л. Мичман скончался от полученных ран, Я. Фукс бежал в Западную Европу, еще один лидер «Молодой воли» — Зильберберг был убит при загадочных обстоятельствах, возможно, самими же анархистами [23. 253].

В начале 1908 г. влияние «Молодой воли» в Одессе очень скоро сошло на нет. Прекратились многочисленные, ежедневные «набеги» на торговые точки окраин, мандатные вымогательства. «Исчезновение» «Молодой воли» имело ряд причин: как разработанная сеть полицейских провокаторов и шпионов, которая смогла выявить около сотни «молодовольцев» и арестами и облавами

«выбить» «молодовольцев», так и разрешение для «благонадежных лиц» иметь и применять против преступников оружие, что привело к тому, что каждое второе вымогательство заканчивалось арестом или ранением вымогателей. Заклятые враги «Молодой воли» — «союзники» ограничили свое вооруженное присутствие на окраинах, что делало ненужной «самооборону».

В начале 1909 г. Ф. Славинский объединил остатки группы, проживавшие в Слободке — Романовке. Вскоре около 20 боевиков во главе с Ф. Славинским напали на собрание черносотенцев и ранили трех человек. После этого, нуждаясь в средствах для активизации деятельности, группа отправила мандат на 500 руб. купцу Гельфангу, но при попытке получить деньги Ф. Славинский попал в полицейскую засаду и был убит в перестрелке. В марте 1909 г. полиция арестовала 17 членов группы. 13 марта 1910 г. произошел арест вымогателей из новой возрожденной «Молодой воли» (А. Максимова, Ф. Ткаченко, Ф. Качика, Флорина) [33. 2 - 11].

Сформировавшись как отряды «самообороны» одесская «Молодая воля» пыталась влиять на жителей одесских предместий путем не только анархистской революционной «агитации террором», но и созданием имиджа «защитников от черносотенцев». «Молодой воле» удалось собрать большие суммы денег, купить вооружение и удержать значительную часть боевиков. На пике деятельности «Молодой воли» (1907 г.) можно говорить о 150-200 боевиках, при общей численности организации в 300-400 чел., что делает «Молодую волю» одной из самых массовых анархистских иллегалистских формирований Российской империи. Значительное число «Молодой воли» (до 50%) составляли подростки 14 - 18 лет. Боевики «Молодой воли» в 1906 - 1908 гг. противостояли дружинам черносотенных организаций и полиции. Но когда дружины «союзников» были распущены и разоружены необходимость в отрядах «самообороны» так же отпала. В середине 1908 г. «молодовольцы» потеряли свое влияние в предместьях Одессы не только по причине успешных операций одесской полиции.

М. Винницкий прошел школу иллегализма в 1907 г. в «Молодой воле», и этот опыт помог ему в создании своей одесской «илле-

галистской империи» зимой с 1918 на 1919 г. (в послереволюционные годы М. Винницкий — Япончик возобновил практику революционного «рэкета» в отношении мелких и средних предпринимателей Одессы, которая была распространена в 1906-1907 гг.). Утверждая свой контроль над одесскими окраинами М. Винницкий — Япончик опирался не только на свои анархистские революционные заслуги и статус «жертвы царского режима», но и на «ветеранов» «Молодой воли» прошедших тюрьмы и ссылки и к 1918 г. достигших возраста 27-30 лет.

### Примечания.

\*Группа анархистов-коммунистов «Черное знамя» создана в 1905 г. анархистом Иудой Гроссманом — Ропциным, как межрегиональная федерация анархистских групп Российской империи. Она соперничала с группой анархистов-коммунистов «Хлеб и воля» и анархистами-синдикалистами, выступая за массовый антибуржуазный террор-«постоянные партизанские выступления пролетарских масс», отстаивала возможность индивидуальных и массовых экспроприаций у частных лиц и организации безработных для экспроприации продуктов. В 1906-1907 гг. считалась самой опасной анархистской террористической группой, на ее счету сотни терактов и тысячи экспроприаций по всей империи. Наиболее активные группы «ЧЗ» действовали на Сев. Кавказе, в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Симферополе, Белостоке, Варшаве и др. городах. В рядах группы группы были ремесленники и рабочие, безработные, большей частью молодежь 16-20 лет.

\*«Союзники» (черносотенцы) — название членов «Союза русского народа» — правой монархической организации, возникшей в конце 1905 г. во многих городах Российской империи. Отряды «С» — «дружины» в Одессе формировались председателем местного отдела «С» А. Коновницким, а вр. генерал-губернатор их вооружал оружием из армейских арсеналов. Одесская дружина — «Белая гвардия» насчитывавшая до 300 чел. (6 сотен). Дружинники — «С» не допускали демонстраций, охраняли штрей-

кбрехеров на бастующих предприятиях, срывали забастовки, разгоняли сходки в университетах, участвовали в поимке революционеров, провоцировали погромы, убивали политических противников, обыскивали и задерживали «подозрительных», избивали прохожих на улицах. Низкая дисциплина и отсутствие полицейского опыта делали малоэффективными их действия, которые часто проходили без уведомления полиции, что вызывало недовольство властей. В 1907 г. австрийский поверенный в делах и итальянский посол обратились с нотой протеста против бесчинств «союзников». Градоначальник Одессы А. Григорьев рекомендовал директору Департамента полиции выслать А. Коновницына из города, а в августе 1907 г. обратиться к Николаю П., пытаясь раскрыть ему глаза на бесчинства «союзников». Однако командующий Одес. военным округом генерал А. Каульбарс и вр. одес. генерал-губернатор П. Глаголев поддерживали «союзников», военная администрация вступила в конфликт с МВД. Министр ВД 22 января 1907 г. телеграфировал вр. одес. генерал-губернатору о принятии решительных мер для немедленного прекращения насилий, угрожая административными взысканиями. П. Столыпин распорядился ликвидировать дружину одесских «союзников», но генералы проигнорировали это распоряжение. Дружина только формально была расформирована, но на деле продолжала свои действия. Председатель Совета Министров 5 апреля сообщил вр. генерал-губернатору, что дружины «союзников» не могут быть терпимы «ибо для поддержания порядка существуют полиция и войска». Ввиду поступавших сведений, о том что дружина продолжала существовать, председатель Совета Министров 19 апреля запросил вр. генерал-губернатора, почему, несмотря на требования, дружина не уничтожается и «союзники» не разоружены. А. Глаголев 23 апреля доносил, что «дружины» не существует, а имеется только организация по сотням, для поддержания дисциплины среди 23 тыс. одесских «союзников». 28 апреля П. Столыпин телеграфировал А. Каульбарсу: «Ввиду очевидного нежелания временного одесского генерал-губернатора исполнять мои указания... прошу ваше

высокопревосходительство категорически понудить генерал-майора Глаголева безотлагательно распорядиться разоружением и расформированием дружины». Но этого не было сделано. П. Столыпин потребовал от нового градоначальника Одессы генерала В. Новицкого немедленно прекратить «безобразия» «союзников». Но А. Новицкий не смог или не хотел выполнять поручение...

Новый градоначальник Одессы генерал И. Толмачев получил в январе 1908 г. приказание министра ВД распустить дружину. В 1907 г. в руководстве «Союза» начался конфликт, приведший к тому, что В. Пуришкевич со своими сторонниками, покинул «Союз», создав в 1908 г. «Русский народный союз имени Михаила Архангела», куда вошла часть одесских «союзников». П. Столыпин продолжал давление на одесскую власть... В сентябре 1908 г. градоначальник И. Толмачев пригласил в Одессу В. Пуришкевича. «Вместе с В. М. Пуришкевичем, — сообщал И. Толмачев Департаменту полиции, — мною выработан план реорганизации одесского отдела, причем предполагено устранить от его руководства г-на Пеликана». Эти действия привели к тому, что в 1909 г. дружина была ликвидирована и разоружена. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. - М., 1993; Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. - М., 2008; ГАРФ. - Ф. 102. Д-7. Д. 8 ч. 66 т. 2. - лл. 131-135.

\*Коновницын Алексей Иванович (1855-1919), граф, организатор и руководитель Союза русского народа (СРН) в Одессе. Младший брат почетного председателя СРН Э. И. Коновницына. Служил секретарем директора РОПИТ. В 1905 г. создал в Одессе отдел СРН совместно с педагогом Н. Родзевичем и присяжным поверенным Б. Пеликаном. Дружину СРН использовало руководство РОПИТ. А. Коновницын предлагал разоружить отряды самообороны и легализовать русские дружины «союзников».

А. Коновницын разослал всем отделам СРН письмо, в котором обвинил И. Толмачева и П. Столыпина в травле СРН и себя лично. Он обратился к «союзникам», по поводу возможного на себя покушения с такими словами: «...Завещаю всему Русскому Народу тотчас же после моей смерти беспощадно уничтожать со-

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

---

---

тнями и даже тысячами революционеров, которые пока почти безнаказанно наводят страх и ужас на все малодушное мирное русское население». 24 августа 1907 г. в газете «За Царя и Родину» он опубликовал воззвание к евреям, в котором призвал их принести публичное покаяние русскому народу, предать проклятию виновников революции. Местные власти приостановили издание газеты за «распространение национальной вражды». 13 мая 1917 г. А. Коновницын был арестован, а в 1918 г. расстрелян чекистами // Граф Петр Петрович Коновницын. (Биогр.). - Одесса, 1912.

\*Новицкий Василий Дементьевич (1837 - 1907) - с 22 августа по 14 ноября 1907 года одесский градоначальник и вр. генерал-губернатор. Более 20 лет был начальником Киевского губернского жандармского управления, описал свою карьеру в книге «Из воспоминаний жандарма».

\*Рабочая группа анархистов на Юге действовала в Одессе в июле 1907 – апреле 1908 г., объединив анархистов-синдикалистов и анархистов-коммунистов (рук. П. Кулешов, В. Козловский, Ю. Крыжановский). Группа организовала убийство начальника одесской тюрьмы, готовила покушение на одесского полицмейстера, осуществила взрыв дома В. Пуришкевича в Аккермане, провела ограбление курьерского поезда и парохода.

\*Дельфинский Павел Алексеевич (1868-1907) — с 1898 г. служил в одесской полиции околоточным надзирателем, с 1906 г. — помощником пристава Александровского участка, с апреля 1907 г. — прикомандирован к одесскому сыскному отделению.

\*Салимовский Порфирий Кириллович (1886-1908) — лидер анархистов - синдикалистов в Одессе. Сын флотского офицера, из казаков Полтавщины. Закончил мореходное училище, плавал на судах РОПИТ, матрос-штурман. С нач. 1905 г. стал социал-демократом, потом эсером-боевиком, с лета 1906 г.—анархистом-синдикалистом, одним из руководителей стачечного комитета моряков-забастовщиков «Регистрация», руководителем боевого отряда. Участвовал в десятках террористических актов и экспроприаций в Одессе, Екатеринославе, Кривом Рогу, Ростове, во взрывах кораблей РОПИТ.

### Литература:

1. Кравец А., Капчинский О. Мипка Япончик — король Молдаванки. - М., 2007.
2. Центральный государственный исторический архив Украины (далее ЦГИАУ). - Ф. 419. - Оп. 1. - Ед. хр. 5082. лл. 1-2; Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). — Ф. 2. — Оп. 4. - Ед. хр. 8269 в. - л. 7.
3. Речь Э. Анри перед судом // Вольная воля. - Женева, - 1903. - №2.
4. Могильнер М. Мифология «подпольного» человека. - М., 1999.
5. Речь Моисея Меца на суде // Буревестник. - Париж, 1905. — №5
6. ГАОО. - Ф. 314. - Оп. 2. - Ед. хр. 146.
7. Русское слово. - М., - 1907. 21 сентября.
8. Петербургская газета. - Спб., 1906. - 10 ноября; Московские вести. - М., 1906. - 11 ноября.
9. Речь. - Спб., - 1906. - 12 ноября.
10. Голос Москвы. - М., - 1907. - 18 января.
11. Там же. — 1907. - 25 января.
12. Новое время. - СПб. - 1907. - 6 апреля.
13. Русское слово. - М., - 1907. - 3 мая.
14. Русское слово. - 1907. - 8 мая.
15. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. - М., 1993.
16. Русское слово. - М., - 1907. - 2 июня.
17. ЦГИАУ. - Ф. 347. - Оп. 1. - Ед. хр. 1104.
18. ГАОО. - Ф. 2. - Оп. 4. - Ед. хр. 8269.
19. Русское слово. - М., - 1907. - 20 июля.
20. Русское слово. - М., - 1907. - 5 августа.
21. Новое время. - СПб., - 1907. - 19 августа
22. Русское слово. - М., - 1907. - 24 августа.
23. ГАОО. - Ф. 2. - Оп. 4. - Ед. хр. 8269 - а.
24. ЦГИАУ. - Ф. 335. - Оп. 1. - Ед. хр. 131.
25. Новое время. - СПб., - 1907. - 3 сентября.
26. ГАОО. - Ф. 2. - Оп. 4. - Ед. хр. 8269 - б.
27. Русское слово. - М., - 1907. - 7 сентября - 11 сентября.

## **ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА**

---

28. Русское слово. - М., - 1907. - 14 сентября; 15 сентября.
29. ГАОО. - Ф. 2. - Оп. 4. - Ед. хр. 8289 - в.
30. ЦГИАУ. - Ф. 419. - Оп. 1. - Ед. хр. 5654.
31. ГАОО. - Ф. 2. - Оп. 4. - Ед. хр. 8415.
32. ГАОО. - Ф. 2. - Оп. 4. - Ед. хр. 8289 - д.
33. ЦГИАУ. - Ф. 419. - Оп. 1. - Ед. хр. 6274

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

*Анатолій Дубовик (Дніпропетровськ),  
куратор научно-дослідницької програми  
«Російські соціалісти і анархісти після жовтня  
1917 г.»*

### *МАХАЄВЦІ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ: ПАРТІЯ БОРЬБИ С МЕЛКОЇ СОБСТВЕННОСТЮ И ВСЯКОЇ ВЛАСТЮ» (1904 Г.)*

Начало XX века в Российской империи — время массового распространения революционно-социалистических идей, марксизма, эсеровского неонародничества, анархизма, а также ряда менее влиятельных учений, история которых нередко плохо известна даже специалистам. Эти «маргинальные» идеологии и движения в свое время оказывали влияние на события, взаимодействовали со своими более успешными конкурентами. Одним из малоизвестных движений была т. н. «махаевщина», идеология которой разрабатывалась польско-русским революционером Я. В. Махайским и его учениками в конце 1890-х гг.

Враждебное отношение к институтам государства и капитализма сближало махаевщину с анархизмом, но, в отличие от анархистов, главным врагом «рабочего дела» махаевцы считали интеллигенцию, а «выдуманный ею социализм» и борьбу за политические свободы рассматривали как попытку одурачить трудящихся, чтобы стать «новым господствующим классом». Ориентируясь на борьбу за «непосредственные конкретные экономические интересы» рабочих, лидеры махаевцев ограничивались призывами к уравниванию заработной платы и установлению «всеобщего образовательного равенства», считая средствами достижения этих целей стачку, саботаж, антибуржуазный террор. Центральное место в теоретических построениях махаевцев отводилось изучению роли интеллигенции и анализу последствий ее возможного прихода к государственной власти, со-

здания строя «государственного социализма». В свете событий, происшедших на территории бывшей Российской империи после 1917 г., именно эта сторона махаевской идеологии привлекает внимание исследователей: за последние десятилетия вышли несколько работ, посвященных махаевщине [1], были переизданы опроизведения самого Я. В. Махайского и его последователя Е. И. Лозинского [2].

Намного хуже известна практическая сторона деятельности махаевцев: помимо биографий главных идеологов [3], на сегодня доступны лишь сведения о начальном периоде существования махаевских формирований в С.-Петербурге и Одессе, тексты отдельных листовок, распространявшихся махаевцами в Сибири и С.-Петербурге в 1902 и 1906 гг. [4]. Настоящая статья посвящена истории группы махаевцев в Екатеринославе (Днепропетровске) в 1904 г. и основана на материалах дела Екатеринославского охранного отделения (ЕОО) «Донесения и переписка с Департаментом полиции о деятельности членов анархистской группы махаевцев по Екатеринославской губернии» [5].

В конце мая 1904 г. в Екатеринослав прибыли несколько человек, уже успевших получить известность в революционной среде. 26-летний приказчик Нохим Пейсахович Брумер и молодой рабочий Абрам-Берг Менделевич Раковский. Годом ранее они участвовали в организации знаменитой Белостокской группы анархистов-коммунистов; оба разыскивались полицией по подозрению в причастности к доставке через границу социал-демократической литературы, предназначенной для местной организации Бунда, членами которого они были до своего перехода под анархистские знамена. Еще один бывший социал-демократ, 28-летний Копель Моисевич Эрделевский, в начале 1904 г. входил в число лидеров одесской махаевской группы «Союз непримиримых», при ее ликвидации в апреле 1904 г. был арестован, но вскоре бежал из тюрьмы и вместе с женой, Хасей Элевной Эрделевской (также связанной с одесской группой), оказался в Екатеринославе. По сведениям ЕОО, в начале года все четверо успели побывать за границей (Брумер — в Лондоне, Раковский — в Париже, Эрделевские — в

Женева, где к этому времени проживал Махайский), а в Екатеринославе намеревались развернуть активную революционную деятельность среди рабочих.

Судя по всему, сборный пункт для К. Эрделевского и его товарищей был выбран не случайно. Екатеринослав и Одесса были крупнейшими промышленными центрами южно-российских (украинских) губерний, насчитывавшими десятки тысяч рабочих. Пропаганда революционных идей велась здесь уже давно и с успехом членами социал-демократических и эсеровских групп. Вопреки официально провозглашавшимся программно-тактическим установкам социалистических партий, екатеринославские рабочие нередко прибегали к стихийным бунтам, сопровождавшимся погромами «буржуазного имущества» и разрушением производственного оборудования, что, с точки зрения махаевцев, было несомненным достоинством. В декабре 1903 г., накануне появления в городе махаевцев, на Днепровском заводе в окрестностях Екатеринослава была объявлена стачка, переросшая в массовый неорганизованный бунт. Забросав камнями полицейский отряд, пытавшийся разогнать общезаводской митинг, трехтысячная толпа рабочих разгромила и сожгла главную заводскую контору и квартиры администрации предприятия, разграбила заводские продуктовые и потребительские лавки [6]. Свою роль в выборе Екатеринослава как места деятельности махаевцев сыграла и относительная близость к Одессе, где, несмотря на крупный провал весной 1904 г., на свободе оставалась часть членов «Союза непримиримых». Екатеринославцы рассчитывали на техническую помощь со стороны своих одесских единомышленников.

Оказавшись в Екатеринославе, Эрделевские, Брумер и Раковский образовали группу, принявшую название «Партия борьбы с мелкой собственностью и всякой властью» [5. 1]. Если отрицание «всякой власти» со стороны сторонников анархизма выглядит вполне естественно, то акцент на борьбе с «мелкой собственностью» вызывает некоторое недоумение: неужели екатеринославские махаевцы не имели никаких претензий к собственности крупной? Мы видим единственное объяснение этой странности: название

«партии» известно только по одному из донесений начальника ЕОО в Департамент полиции и, возможно, зафиксировано в этом донесении с ошибкой. Вполне вероятно, что в действительности «партия» называлась несколько иначе, например, «Партия борьбы с частной собственностью и всякой властью». Во всех других материалах дела «партия» фигурирует как «Екатеринославская группа махаевцев».

С момента образования «партия» приступила к активной деятельности по распространению своих взглядов, проводя собрания («массовки») с сочувствующими рабочими. Традиционно местом таких собраний в Екатеринославе в летнее время была степь за рабочими поселками Амур и Нижнеднепровск, фабрично-заводскими окраинами города, а число их участников варьировалось от нескольких десятков до нескольких сотен человек. На «массовках» читалась и распространялась революционная литература, выступали пропагандисты, если же на «массовку» собирались сторонники разных партий, собрания принимали форму дискуссий между ними. Доступ на такие собрания был открыт едва ли не для любого желающего, и, разумеется, Охранное отделение пользовалось этим, внимательно отслеживая процессы, происходящие в революционной среде. Неудивительно, что власти быстро узнали о появлении новой группы.

7 июля 1904 г. начальник ЕОО сообщал в С.-Петербург о том, что «...в город Екатеринослав прибыли четыре неизвестных лица, [которые] называют себя махаевцами... Упомянутые неизвестные будто бы уже завязали сношения с заводскими рабочими и сумели вызвать со стороны последних полное сочувствие к себе и предложенной ими новой программе действий... В настоящее время Махаевцы уже пользуются среди рабочих большой популярностью, по два раза в неделю под их председательством происходят собрания, где они ведут удачную пропаганду» [5. 1].

В том же донесении излагались взгляды членов «Партии борьбы»: махаевцы на собраниях проводят мысль о бесполезности не только в России, но и вообще на всем земном шаре интеллигенции, капитала, какой бы то ни было власти и собственности,

призывая рабочих с оружием в руках добиваться уничтожения давящих их оков капитала и власти и лишь такой прием борьбы, по их мнению, может освободить рабочих. Ближайшим путем к достижению свободы махаевцы видят в устройстве на заводах забастовок с предъявлением администрации требований, заведомо невыполнимых, когда же администрация официально объявит, что требования рабочих не будут выполнены, то рабочие должны приступить к уничтожению завода и затем продолжать громить собственников, интеллигенцию и власть и доставить себе все необходимое для жизни с оружием в руках... Действуя изложенным образом, рабочие, по словам махаевцев, терроризируют капиталистов, мелких собственников и интеллигенцию и, пользуясь таковым их положением, легко произведут государственный переворот в самом скором будущем. При этом махаевцы призывают рабочих и крестьян не участвовать в местных социал-демократических и революционных организациях, убеждая, что образ действий этих организаций слишком медленно приближает пролетариат к политической свободе» [5. 1 - 2].

Комментируя эту программу, начальник ЕОО добавлял, что «оружие и даже бомбы и другие взрывчатые предметам махаевцыберутся доставить забастовщикам заранее», используя свои связи с европейской эмиграцией и одесским «Союзом непримиримых», а также выражал «сильные опасения по поводу возможности каких-либо неожиданных серьезных преступлений с их стороны» [5. 2].

Тревожные настроения местных властей становятся еще понятнее, если учитывать обстановку в Российской империи в 1904 г. В стране, находившейся на пороге революционного взрыва, росло число стачек и аграрных беспорядков, учащались случаи террора против представителей высшей правительственной администрации, а ликвидации целых революционных групп, по-видимому, не давали ощутимых результатов, поскольку место арестованных политических преступников занимали новые противники существующего режима. В апреле 1904 г. руководство Департамента полиции разослало на места циркулярную теле-

грамму, в которой требовало от начальников всех охранных отделений уделить особое внимание изучению состояния «различных противоправительственных партий», поставив «анархистов-коммунистов», «непримиримых» и «махаевцев» на второе место по степени опасности, сразу за «Партией социалистов-революционеров с боевыми дружинами» [7]. Такая телеграмма была получена и в Екатеринославе, — и почти сразу здесь обнаружили те самые махаевцы, да еще и тесно связанные с только что напумевшим делом одесских «непримиримых»...

Как сообщалось в следующем донесении ЕОО, разработка махаевской группы и ее «преступной и, по-видимому, чрезвычайно опасной деятельности», встретила серьезное препятствие: махаевцы не принадлежат ни к одной из ныне существующих в Екатеринославе революционных организаций, ввиду чего агентуры среди них нет, а сведения получаются лишь от рабочих, пропагандируемых ими» [5. 4]. Тем не менее к концу июля 1904 г. полиции удалось установить личности и место жительства супругов К. М. и Х. Э. Эрделевских и Н. П. Брумера, затем в течение августа — работавших на екатеринославских заводах А.-Б. М. Раковского, крестьянина Проскуровского уезда Михаила Тимофеевича Дзисько и 19-летней черкасской мещанки Бени Янкелевны Шапиро. Несколько человек были известны только под их революционными псевдонимами (заводской рабочий Абрам, портной Алтер, а также неизвестные, проживавшие по заграничным паспортам на имя Нухима Ольберта и Натальи Стефанович), еще четверо членов «партии борьбы» были известны лишь по описанию их внешности [5. 5 - 9]. Большинство из не менее чем 14 членов махаевской группы остались не установленными полицией, хотя мы можем высказать предположения о личности некоторых из них. Так, псевдоним Абрам мог принадлежать известному одесскому анархисту Александру Григорьевичу (Овсею-Мееру Гершевичу) Таратуте (1879-1937). К описываемому времени А. Таратута имел 9-летний революционный стаж, успел побывать членом Елизаветградского и Нижегородских комитетов

РСДРП, сотрудничал с лидерами меньшевистской фракции, но в середине 1903 г. вышел из РСДРП и к началу 1904 г. уже входил в организацию одесских «непримиримых». Летом того же года А. Таратута работал на Брянском заводе в Екатеринославе, участвуя в революционной деятельности [8]. Поскольку никаких других анархических формирований в городе в 1904 г. не имелось, А. Таратута мог быть членом лишь «партии борьбы». По сведениям историка В. Савченко, в создании и деятельности группы екатеринославских махаевцев участвовала В. Д. Гулари [9], — если это верно, то в полицейских документах она могла упоминаться под именем «немолодой женщины» Натальи Стефанович. Вера Давыдовна Гулари (по мужу Бучульская) (1865 — не ранее 1918) присоединилась к революционному движению еще в середине 1880-х гг., играла видную роль в последних народовольческих кружках, затем руководила с.-петербургской социал-демократической «Группой самоосвобождения рабочего класса», по делу которой была арестована в 1898 г. Отбывая ссылку в Восточной Сибири, В. Гулари стала последовательницей и женой Я. В. Махайского, а после освобождения в конце 1903 г. принимала участие в создании махаевских организаций в Европейской России. Вполне вероятно, что с екатеринославской группой был связан еще один непосредственный ученик Я. В. Махайского, Антон Чупрына. Весной 1904 г. он бежал из одесской тюрьмы и с этого времени жил на нелегальном положении, поддерживая связи между одесскими «непримиримыми» и их иногородними единомышленниками. Екатеринославские махаевцы наверняка контактировали также с анархистами из Белостока, к которым ранее принадлежали Н. Брумер и А.-Б. Раковский.

В середине июля 1904 г. Боевая организация ПСР совершила убийство министра внутренних дел В. Плеве. Это покушение заставило правительство активизировать борьбу с подозревавшимися в терроризме революционными группами. Попытка ликвидации была предпринята и в отношении екатеринославской «партии борьбы», но, очевидно, для ее полного разгрома у ЕОО не хватало

информации. В ночь на 7 августа 1904 г. полиция арестовала К. Эрделевского и Н. Брумера, но обыск в их квартирах оказался безрезультатным, никаких улик обнаружить не удалось [5. 11]. Разыскивавшемуся А.-Б. Раковскому удалось скрыться из Екатеринослава, но уже 25 августа он был задержан в Белостоке [5. 16]. Другие махаевцы, место жительства и даже имена которых все еще оставались неизвестны ЕОО, оставались на свободе. 24 августа 1904 г. начальник ЕОО с удовлетворением информировал директора Департамента полиции о том, что «с арестом... Нахима Брумера и Копеля Эрделевского, бывших руководителями группы махаевцев в Екатеринославе, деятельность названной группы как бы приостановилась». Уцелевшие махаевцы во главе с Х. Эрделевской и Н. Стефанович прекратили проведение собраний и «массовок» в ожидании помощи людьми, деньгами и литературой от одесских «непримиримых» [5. 8], однако одесская организация, лишь недавно восстановившаяся после весенних арестов, сама испытывала серьезные трудности и ничем не могла помочь. В начале сентября 1904 г. группа «исчезла» — большинство членов «партии борьбы» были вынуждены покинуть Екатеринослав,

Трое арестованных по махаевскому делу с августа 1904 г. содержались в Петропавловской крепости в С.-Петербурге. Первоначально предполагалось, что их будут судить вместе с членами «Союза непримиримых», но от этих планов пришлось отказаться: как был вынужден признать начальник ЕОО, «...никаких фактических данных, могущих быть проверенными путем формального дознания, о преступной деятельности Брумера, Раковского и Эрделевского, в моем распоряжении не имеется» [5. 19]. В конце 1904 г. за неимением улик А.-Б. Раковский и К. Эрделевский были освобождены (Н. Брумер умер в тюрьме).

К. Эрделевский после освобождения вернулся в Елизаветград, где организовал группу анархистов-коммунистов, затем руководил боевой деятельностью одесских анархистов, а с 1906 г. редактировал женевский анархический журнал «Бунтарь». Он еще дважды подвергался арестам, но совершал побеги. 8 декабря 1908 г. К. Эрделевский был выслежен полицией в Виннице и после 13-ча-

совой перестрелки покончил с собой. А. Таратута был арестован в январе 1905 г. и сослан в Сибирь, откуда бежал в конце 1906 г. Он возглавлял анархические организации в Одессе, Киеве и Москве, пока не был вновь арестован весной 1907 г. После трех лет каторги он бежал из ссылки за границу. В 1917-1922 гг. принимал участие в деятельности анархо-синдикалистов Петрограда и Москвы. К моменту ареста в 1934 г. работал в хозяйственных организациях, расстрелян в 1937 г. В. Гурари после недолго пребывания в Швейцарии организовала махаевскую группу «Рабочего заговора» в С. Петербурге и руководила ею в 1905-1907 гг., затем вернулась за границу, жила с мужем Я. В. Махайским в разных странах Европы.

Исследователям истории российского анархизма хорошо известно, что основателями многих анархических организаций 1900-х гг. были бывшие сторонники махаевщины, перешедшие от идей своего учителя Махайского к «чистому» анархо-коммунизму. Обратный переход — от анархистов к махаевцам — явление редкое, исчерпывающееся примером Н. Брумера и А.-Б. Раковского. Это обстоятельство отмечено еще в материалах ЕОО 1904 г., где дана и попытка объяснения такой странности: «прибывшие [в Екатеринослав Брумер, Раковский и Эрделевские], по словам агентуры, анархисты, но боясь этим словом испугать рабочую массу, в которой они исключительно намерены действовать, называют себя «махаевцами» [5. 1]. Если это объяснение и верное, то оно порождает новую странность: нам неизвестны другие примеры, когда сторонники анархических идей «стеснялись» или «боялись» открыто называть себя анархистами. Другая особенность связана с социальным составом и объектом деятельности екатеринославских махаевцев: как видим, в соответствии с полицейскими источниками, они «намеревались» вести пропаганду «исключительно» среди рабочих и вели ее преимущественно среди населения рабочих поселков, занятого на крупных промышленных предприятиях. Но в отечественной историографии принято считать, что основную массу формирований махаевцев составляли ломпены, безработные и мелкие ремесленники [10]; если это представление

соответствует действительности, то екатеринославская «партия борьбы», вербовавшая сторонников в среде заводского пролетариата, заметно отличается от других махаевских групп.

Несмотря на массовые переходы бывших махаевцев к анархистам в Одессе, С.-Петербурге, Москве, Варшаве и т.д., имевшие место в 1903-1906 гг., во всех этих городах деятельность остатков собственно махаевских организаций прослеживается и после таких переходов, вплоть до 1907 г. В Екатеринославе же махаевщина оказалась лишь эпизодом, не оставившим после себя следов. Начиная с 1905 г. единственным антигосударственным течением в «столице южно-русского анархизма», как нередко называли Екатеринослав современники, оказались анархисты-коммунисты...

### Литература:

1. Кривенький В. В. Махаевщина // Политические партии России. Конец XIX - начало XX века. Энциклопедия. - М, 1996. С. 349; Каминьски А. Я. В. Махайский как критик П.А. Кропоткина и анархизма. // Пётр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: материалы международной научной конференции. - СПб. 2005. С. 58 - 66; Рублев Д. И. Проблема «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX века. Автореф. диссер. канд. ист. наук. - М. 2007; Скирда А. Социализм интеллектуалов Париж, 2008; Shatz. M. Jan Wacław Machajski: A Radical Critic of Russian Intelligentsia and Socialism. - Pittsburgh. 1989; Kamiński A. Socjalizm jako wymysł inteligencji. O życiu i poglądach Jana Wacława Machajskiego // Prace naukowe Akademii ekonomicznej im. Oskara Langego we Wrocławiu. Nauki humanistyczne 8. - 2003. - № 1008. - С. 48-72.

2. Махайский Я.-В. Умственный рабочий. — NY., 1968; Лозинский Е.У. Что же такое, наконец, интеллигенция? Критико-социологический опыт. - М., 2003.

3. Кривенький В. В. Махайский Ян Вацлав. // Политические партии России... С. 349 - 350; Кривенький В. В. Лозинский Евгений Иустинич. // Там же. С. 320.

4. Группа «Безначалие» в 1905-1908 гг. Очерки из героической эпохи русского анархизма. - Минск. Издание анархистов-индивидуалист-

## *ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА*

---

---

тов. – 1919. - № 4.; Савченко В. Махаевский «Союз непримиримых» и создание первой анархистской группы в Одессе (1903-1904 гг.) // Юго-запад. Одессика. – Одесса, - 2013. - Вып. 15. - С. 43 - 65; Анархисты. Документы и материалы. 1917-1935. – М., 1999. Т. 1. С. 41 - 45, 146 - 149.

5. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). - Ф. 32-1597. - Оп. 1. Ед. хр. 62.

6. Революция 1905-1907 гг. на Украине. Сб. документов и материалов. – К., 1955. Т. 1.

7. ГАДО. - Ф. 32-1597. - Оп. 1. - Ед. Хр. 42.

8. Кривенький В. В. Таратута Александр Григорьевич // Политические партии России...

9. Савченко В. Махаевский «Союз непримиримых»...

10. См., напр.: Кривенький В. В. Махаевщина...

*Виктор Михальченко, директор музея «Христианская Одесса»*

### *ВОЕННАЯ ЦЕРКОВЬ НА НОВОСЕЛЬСКОГО*

Имя этой церкви появилось на карте Одессы лишь в 1917 г., о чем свидетельствуют метрические книги, чудом сохранившиеся в фондах Государственного архива Одесской области. Однако точной даты ее освящения обнаружить пока не удалось. Церковь во имя Святого мученика Иакинфа находилась в одном из кварталов по ул. Новосельского (Ямской), в том месте, где в него упирается берущая свое начало у моря — улица Конная. Здесь, в большом здании под № 46, располагалась воинская казарма. Таких казарм, как эта, за которой был закреплен № 5, в районе улиц Новосельского и Старопортофранковской было несколько. Интересующее нас здание, возведенное из одесского камня ракушняка и крытое железом, стояло фасадом на Новосельского и простиралось вдоль улицы почти на 33 метра, а в глубину двора уходило за 17-метровую линию. Сегодня в этом квартале иные постройки, но зная размеры старой казармы, которая имела 17 окон и 7 дверей, можно попытаться представить этот архитектурный объект и мысленно поместить его в известный квартал [1. 5 - 7].

В 1917 г. в казарме находился Распределительный пункт, к которому и была приписана полковая церковь Спмч. Иакинфа. Такие пункты существовали и в некоторых других городах Российской империи. С начала I-й мировой войны Одесса предоставила свои оздоровительные ресурсы для воинов, прибывающих с передовых позиций с ранениями и контузиями. В связи с затянувшейся кровопролитной войной, в городе были организованы более десятка дополнительных госпиталей для выздоравливающих. Пройдя курс лечения и реабилитации, военнослужащие попадали на Распределительные пункты, задача которых состояла в том, чтобы формировать армейские части из готовых к дальнейшей службе солдат и офицеров.

Есть основание считать один из дней 1917 г., возможно день

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Святого мученика Иакинфа, празднуемый 3 июля по старому стилю, — днем освящения этого храма. Подтверждением этому может служить тот факт, что в том же году настоятелем церкви был назначен священник Василий Васильевич Кристалев. В этот период казарменная церковь на страницах упоминавшейся метрической книги так и называется: «церковь Распределительного пункта» [2. 105 - 170].

До своего назначения в Одессу о. Василий служил полковым священником в 17-м уланском Новомиргородском полку. По окончании духовной семинарии и недолгой службы в Минской епархии в должности псаломщика, В. Кристалев в 1901 г. был рукоположен в сан священника, а вскоре поступил в ведомство протопресвитера военного и морского духовенства. Нелегкая доля военного пастыря бросала его из одного места в другое, из одного полка — в следующий. Первыми молодого священника приняли воины 37-го драгунского Военного ордена полка, расквартированного в городе Гарволине, что в Седлецкой губернии.

Затем, в 1906 г., о. Василий получил назначение в 1-й запасной кавалерийский полк, откуда в 1909 г. был направлен в 134-й Феодосийский пехотный полк. Попрощавшись через два года с казарменной жизнью полкового священника, В. Кристалев стал настоятелем Варшавского Александро-Невского крепостного собора, при этом был причислен к 171-му Кобринскому пехотному полку. В ходе I-й мировой войны Варшаву покинула большая часть православного населения, в том числе и духовенство храмов. С 15 марта 1915 г. священник В. Кристалев был определен к 17-му уланскому Новомиргородскому полку, где оставался до момента перевода в Одессу. В июле того же года он был награжден медалью Св. Анны 3-й степени.

С первых дней своей службы в церкви Спмч. Иакинфа о. Василий Кристалев стал играть заметную роль в духовной жизни Одессы и вскоре завоевал заслуженный авторитет в среде духовенства. В 1918 г. от военного благочиния он был избран депутатом с правом решающего голоса на 3-й Чрезвычайный Епархиальный собор (съезд) Херсонской епархии. Кроме него в депутаты собора

от войск были избраны священник Феодосий Снегульский, а также протоиереи Виктор Подлипский и Иоанн Говядовский. Заседания собора проходили в здании Одесского епархиального женского училища на ул. Успенской и открылись 10 января 1918 г.

Среди других в повестку работы съезда был включен вопрос об избрании архиерея на Херсоно-Одесскую кафедру. Впервые в истории епархии духовенством и мирянами на съезде осуществилось необычное деяние — 14 января 1918 г. на архиерейскую кафедру был избран новый владыка митрополит Тифлиссский, экзарх Кавказский и Бакинский, Платон (Рождественский). В Одессу митрополит Платон прибыл 13 апреля и, обращаясь к одесскому духовенству, в частности, сказал: «Времена наступили для нас крестные. Мы живем во время нового богоборства, нового христоненавистничества... Я от всей души приветствую вашу благородную семью, которую отныне считаю своею Божиим избранием и выражаю полную готовность трудиться с вами и стать таким работником, взирая на которого вы не сочли бы меня за последними рядами...» [З. 53].

Несмотря на тревожные известия, получаемые в 1918 г. из России, в Одессе духовная жизнь не замирала — храмы и монастыри, как и прежде, переполнялись народом. Но сложная общественная и политическая жизнь не могла не оказывать влияние как на каждого верующего, посещавшего церковь, так и на всякого новоявленного атеиста, заказавшего себе путь к храму. В метрической книге церкви Распределительного пункта за этот год появляется имя Святого мученика Иакинфа, в честь которого церковь была освящена. Однако к этому времени обстановка на территории Украины резко изменилась. В марте 1918 г. по Украине маршировали германские войска.

В этот период храм Спдмч. Иакинфа меняет свою воинскую прописку, теперь это — церковь 1-го Отдела Морской обороны. Это объясняется тем, что в марте 1918 г. УНР был образован район охраны Юго-Западной части Черного моря со штабом в Одессе. А в мае 1918 г. появился указ нового правительства гетьмана Скоропадского, согласно которому создавалась новая система бе-

реговой охраны. Бригады морской пехоты будущего Корпуса морской обороны со штабом в Одессе предполагалось разместить в трех районах. Руководство первого района, простиравшегося от западной границы Украинского государства до Сычавки, также находилось в Одессе. Штаб Корпуса и 1-го Отдела морской обороны в это время, по всей вероятности, вселился в казарму на Новосельского, 46, в связи с чем, и военная церковь Сщмч. Иакинфа получила соответствующую прописку.

Сложно сказать, какую часть казармы занимала церковь. Известно лишь, что иконостас основного придела насчитывал 20 местных икон, писанных на полотне, среди которых были Тайная вечеря, иконы Спасителя, Божией Матери, архистратигов, святого мученика Иакинфа, великомученицы Варвары, Воскресения Христова, а также 8 малых икон Святых Апостолов и Божией Матери. Нигде нет упоминания о том, какому святому был посвящен еще один боковой придел храма. Однако сведения о том, что такой придел существовал, находим в описи имущества церкви Сщмч. Иакинфа, подготовленной настоятелем в 1921 г. [4. 5 - 7]. В иконостасе этого придела было 6 местных икон, написанных на жести, 12 малых со святыми Апостолами и еще две — с образом Св. Николая Чудотворца и Преображения Господня.

Еще одно подтверждение существования второго престола имеется в Протоколе об изъятии церковных ценностей. Документ этот был составлен 6 января 1922 г., за четыре месяца до всеобщей кампании по изъятию церковного имущества из одесских храмов. Несколько листов старой бумаги, подписанные настоятелем церкви протоиереем В. Кристалевым, сохранили в себе трагедию православной церкви того периода. В тот день церковь в одночасье лишилась многих богослужебных предметов. Члены комиссии, выполнявшие «очень ответственное задание» по пополнению партийной кассы, вынесли из храма серебряных вещей весом 27 фунтов, т.е. практически 11 кг.

При этом власти позволили представителям уполномоченных от верующих делать в Протоколе записи о возможных возражени-

ях и замечаниях, вот только навряд ли кто реагировал на эти протесты. При просмотре отчетов по изъятию церковных ценностей из всех одесских храмов бросается в глаза, что в большинстве случаев в этой графе нет никаких записей. Но в Протоколе, составленном в церкви Спмч. Иакинфа, было отмечено следующее: «Возражение заключается в неоставлении комплекта религиозных богослужений для 2-го престола, имеющегося в храме» [5. 1]. То есть, проводить богослужения в боковом приделе стало невозможно. Думается, что реакции властей на это, скорее всего, не последовало.

Сведений о закрытии бывшей военной церкви Святого мученика Иакинфа найти не удалось. Подобные ему небольшие храмы, так же как и домовые церкви при различных заведениях, к 1925 г. уже были закрыты. Их имущество, как правило, было свезено на Епархиальный склад, находившийся в бывшем Епархиальном доме на ул. Жуковского. Нелегкой сложилась и судьба настоятеля В. Кристалева. В 1920-х гг. перед всем духовенством стал вопрос выбора: идти за «Живой церковью», готовой сотрудничать с большевиками, или оставаться на позиции поддержки канонических устоев Православной церкви, которые проповедовал патриарх Тихон. Протоиерей В. Кристалев остался верен незыблемости православия на канонических началах [6. 14].

В 1931 г. о. Василий служил в Сретенском храме на Новом базаре. Тогда же, по обвинению в организации церковной контрреволюционной организации, он подвергся аресту. Одновременно с ним по сфабрикованному делу проходили десятки других одесских священников. Для многих из них в качестве меры пресечения была избрана высылка из Одессы. Согласно постановлению Особого Сопещения при ОГПУ от 3 ноября 1931 г. протоиерей В. Кристалев был выслан на три года в Казахстан. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно.

### Литература:

1. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). — Ф. Р. 599. — Оп. 1. — Ед. хр. 696.
2. ГАОО. — Ф. 37. — Оп. 13. — Ед. хр. 1241.

## ***ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА***

---

3. Херсонские Епархиальные Ведомости. – 1918. – №9.
4. ГАОО. – Ф. Р. 599. – Оп. 1. – Ед. хр. 696.
5. ГАОО. – Ф. Р. 599. – Оп. 1. – Ед. хр. 685.
6. ГАОО. – Ф. Р. 134. – Оп. 4. – Ед. хр. 22.

*Тарас Гончарук, доктор исторических наук, профессор  
кафедры ОНУ им. И. И. Мечникова*

*Андрей Погуляев, аспирант ОНУ им. И. И. Мечникова*

### *ЧТО ПИСАЛА ГАЗЕТА «ОДЕССКИЙ ЛИСТОК» ПРО ФУТБОЛ 100 ЛЕТ НАЗАД*

В этом году исполняется 100 лет со дня знаменательного события. 2 ноября (20 октября ст. ст.) 1913 г. сборная Одессы выиграла последний чемпионат Российской империи по футболу. Причем следует добавить, что, хотя официально этот чемпионат считался вторым, фактически он был первым (ведь в первом официальном чемпионате 1912 г. фактически принимали участие всего три команды, и «одесситы» на него не попали). Финальный матч чемпионата 1913 г. проходил на одесском стадионе ОБАК (Одесского британского атлетического клуба) на Французском бульваре.

Ниже приведены тексты 16 коротких публикаций газеты «Одесский листок» за 1913 г., относящиеся к месяцам подготовки, проведения и подведения итогов чемпионата. «Одесский листок» в начале XX в. был одной из двух ведущих газет города и края. Упомянутая газета на 1913 г. уже имела постоянную рубрику «Спорт». В этой рубрике, по сравнению с футболом, больше внимание отводилось скачкам, автогонкам, соревнованиям яхт и теннису. Но чемпионат и успех на нем одесской команды заставил газету со временем уделять футболу больше места. Как следствие победы одесской команды на чемпионате даже возникло предложение издавать в Одессе спортивный футбольный журнал (приведенная ниже публикация №15). Публикации про футбол носили тогда в основном характер объявлений. И только иногда они походили на журналистские репортажи (например, приведенное ниже короткое сообщение под №11, подписанное «К.»).

Газета сообщила далеко не про все матчи чемпионата Российской империи 1913 г. Показательной была радость «Одесского

листка» по поводу победы одесской команды над командой Харькова «на первенство Юга» (публикации №№12, 13). Ведь в чемпионате Российской империи играло 12 команд, из которых 8 входило в южную лигу (кстати, чемпионат Южной Лиги предлагалось в 1914 г. разыграть отдельно и задумывалась лига как самостоятельная единица, но проект в жизнь так и не воплотили из-за начала I-й мировой войны). Команды этой лиги, за исключением команды Ростова-на-Дону, представляли города нынешней Украины: Юзовка (Донецк), Херсон, Севастополь, Николаев, Киев, Харьков, Одесса. Можно сказать, что 26 (13) октября 1913 г. одесская сборная, одержав победу над командой Харькова, выиграла первый неофициальный чемпионат городов Украины, входящих в состав Российской империи.

Безусловно, большой была радость газеты в связи с победой одесской сборной на чемпионате Российской империи (публикации №№14, 15). Впоследствии эта радость была омрачена. После матча возник скандал: «питерцы» подали протест (в составе одесской команды оказалось четыре иностранца, вместо разрешенных двух, и после долгих разбирательств титул чемпиона Российской империи 1913 г. посчитали неразыгранным. «Одесса на формальных причинах была лишена чемпионства, но...

16 декабря в Москве на обеде, предоставленном Всероссийским футбольным союзом, был тост, который провозгласили за Одессу, хотя и не официальную, но моральную и фактическую победительницу чемпионата России» — писала по этому поводу петербургская газета «Футболист» [1]. «Одесский листок», информируя своих читателей о текущих событиях чемпионата, как видно из его публикаций, никаких оснований для лишения «одесситов» титула чемпионов не видел.

Большинство приведенных ниже публикаций касается футбольных событий Одессы, непосредственно не связанных с чемпионатом. В частности, это сообщения о текущих матчах чемпионата Одессы, который в 1913 г. затянулся до декабря (публикация №16). Информация об этих матчах свидетельствует и о том, насколько популярным был футбол в Одессе, и об истоках победы одесской сборной на последнем чемпионате империи.

### Литература:

1. Галинский Б. Черноморцы — Одесса, 1969. — С. 12.

*№1. ОДЕССКИЙ ЛИСТОК. — 1913. — 1 АВГУСТА*

*«СПОРТ...*

Из Харькова прибыли представители одесского «Спортинг-клуба». В Харькове у них состоялся матч в футбол со сборной командой всех харьковских футбольных спортивных кружков. Матч «Харьков -Одесса» кончился вничью, при результате 1:1. Матч собрал множество зрителей, которые остались на состязании, невзирая на то, что перед началом игры прошел проливной дождь»

*№2. ОДЕССКИЙ ЛИСТОК. — 1913. — 6 АВГУСТА.*

*СПОРТ... ВСЕРОССИЙСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ В ФУТБОЛЕ*

Одесские футболисты получили вчера телеграмму от всероссийского футбольного союза в Петербурге, в которой сообщается, что состязания на первенство в России начнутся с следующей недели, что состязание Одесса—Николаев, как начало этих состязаний, состоится в Одессе, на поле О.Б.А.К. 18 августа.

Состязания на первенство в России, на Императорский всероссийский приз, состоится на следующих началах. Вначале будут происходить состязания между городами за первенство на юге России, на севере и т.г. посредством исключения из состязаний, т. е. если, например, в состязании Одесса—Николаев победила «Одесса» и в состязании Харьков—Киев—Харьков, то Киев и Николаев в дальнейших состязаниях уже больше не участвуют и выбывают совсем. Далее всероссийский приз разыгрывается между получившими первенство на юге, севере и т. д. Состязания за первенство на юге, севере и т. д. должны быть закончены к 20 октября».

*№ 3. ОДЕССКИЙ ЛИСТОК. — 1913. — 13 АВГУСТА.*

*«СПОРТ...*

Третьего дня на площадке спортивного кружка «Спортинг-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

клуб» состоялось состязание в футбол между командами кружков «Вега» и «Спортинг-клуб». Состязание окончилось в пользу «Спортинг-клуба» с результатом 2:0».

*№4. ОДЕССКИЙ ЛИСТОК. — 1913. — 18 АВГУСТА.*

*«СПОРТ...»*

Сегодня в 5 ч. Дня на поле «Спортинг-клуба» состоится матч в футбол первых команд «Спортинг-клуба» и одесского кружка «Футбол».

*№5. ОДЕССКИЙ ЛИСТОК. — 1913. — 20 АВГУСТА*

*«СПОРТ...»*

Третьего дня состоялось состязание в футбол между командами «од. кружка футбол» и «Спортинг-клубом». Окончилось оно в пользу «Спортинг-клуба» с результатом 3:0. Состязание в футбол состоялось также между кружками «Вега» и «Флорида». Последнее окончилось в пользу «Веги» с результатом 3:0».

*№6. ОДЕССКИЙ ЛИСТОК. — 1913. — 27 АВГУСТА.*

*«СПОРТ... ФУТБОЛ»*

Третьего дня в пользу больного авиатора С.И. Уточкина состоялось состязание в футбол между командами кружков «одес. кружок футбол» и «шереметьевцами». Состязание окончилось в пользу «шереметьевцев» с результатом 2:0. Чистого сбора в пользу С.И.Уточкина осталось около 50 руб. На состязание в футбол между лучшими игроками в России и Норвегии, которое должно состояться в Москве, из Одессы в качестве лучшего игрока Одессы выезжает член «Спортинг-клуба» г. Богемский.

В ближайшее воскресенье состоится состязание в футбол между командами Херсона и Одессы. Состязание Херсон — Одесса войдет в цикл состязаний на первенство в России. Состязание будет происходить между херсонским спортивным клубом и «шереметьевцами».

*№7. ОДЕССКИЙ ЛИСТОК. — 1913. — 3 СЕНТЯБРЯ.*

*«СПОРТ... ФУТБОЛ»*

Третьего дня на О.Б.А.К. состоялся матч в футбол между прибывшей в Одессу командой херсонского спортивного клуба и

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

сборной командой од. футбольной лиги. Уже с самого начала состязания херсонцы показали себя слабыми игроками и из 10 партий не выиграли ни одной. Так как матч Херсон — Одеса входит в цикл состязаний за первенство в России, то Херсон по правилам, установленным всероссийским футбольным союзом, выбывает.

*№8. Одесский листок. — 1913. — 10 СЕНТЯБРЯ.*

*«СПОРТ...»*

Третьего дня при одес. футбольной лиге состоялись состязания футбольных команд. Результаты состязания следующие: по первой категории: «Спортинг-Клуб» выиграл у «Флориды» 6:0; «Индо» состязалось с «Одес. кружок футбол» с результатом в пользу последнего — 1:0; «Шереметьевцы» выиграли у «Британского атлетического клуба» 1:0. Во второй категории — «Спортинг-клуб» выиграл у «Индо» 3:0; «О.К.Ф.» у «Флориды» 7:0; «Леда» выиграла у «Турн-Ферайн» 3:0; «Шереметьевцы» у «британцев» 2:1; «О.К.Ф.» у «Индо» 5:0; «Шереметьевцы» у «Спортинг-клуба» 0:2. В настоящее время лига объявляет перерыв, и следующие состязания состоятся через 3 недели».

*№9. Одесский листок. — 1913. — 17 СЕНТЯБРЯ.*

*«СПОРТ... ФУТБОЛ»*

Третьего дня в Харькове происходило состязание между футбольными командами одесского Британского атлетического клуба и харьковским клубом «Гельфейс-Таде» с результатом в пользу последнего 3:0».

*№10. Одесский листок. — 1913. — 25 СЕНТЯБРЯ.*

*«СПОРТ... ФУТБОЛ»*

Состоявшиеся третьего дня состязания одесских футбольных команд дали следующие результаты: по первой категории: «Одесский британск. атлетич. клуб» выиграл у «Флориды» 2:1; «Спортинг-клуб» у «Леды» - 3:0; «Индо» состязался с «Турн-Ферайн» с результатом 4:0; «Шереметьевцы» выиграли у «Одесского кружка футбол» — 3:1. По второй категории: «Шереметьевцы» состязались с «Индо» 7:2; «Спорт. клуб» выиграл

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

у «Флориды» 5:0; «О.К.Ф.» у «Турн-Ферайн» 6:0; «Леда» состязалась с «Од. брит. атлет. клубом» с результатом в пользу первой 7:1. По третьей категории: Состязание между «Ледой» и «Индо» закончилось выигрышем «Леды» 6:0; «Шереметьевцы» выиграла у «Флориды» 5:0. Следующее состязание состоится в следующее воскресенье».

*№11. Одесский листок. — 1913. — 1 октября.*

*«Спорт... Футбол»*

В воскресенье играли О.Б.А.К. и «Вега». Матч закончился с результатом 4:0, в пользу «Веги». Команда-победительница играла очень уверенно и красиво. Все попытки английских форвардов ответить «Веге» голом разбились о великолепную игру ее беков. Защита британцев против обыкновения была не в ударе, и неприятельские форварды то и дело прорывались к воротам О.Б.А.К.

Сегодня, в 3 часа дня, состоится на поле «Спортинг-клуба» лиговой матч между первыми командами «Спортинг-Клуба» и Шереметьевского кружка».

*№12. Одесский листок. — 1913. — 15 октября.*

*«Спорт... Футбол»*

Третьего дня на поле О.Б.А.К. состоялся футбольный матч между сборными командами Харькова и Одессы. Это было последнее состязание на первенство юга России. Вначале между прибывшей командой Харькова и командой Одессы произошел конфликт на почве реферирования матча. Дело заключалось в том, что реферировать матч должен был нейтральный судья, командор московских кружков, но он на состязание из Москвы не прибыл. Тогда харьковцы решились играть неофициально, а Одесса считает матч официальным. Вопрос этот решено передать на усмотрение всероссийского союза в Петербурге. Против ожидания, в начале игры, харьковцы играли гораздо лучше, чем в свой предыдущий приезд в Одессу. Одесситы же играли довольно вяло. С течением времени игра оживилась и кончилась полной победой Одессы с результатом 2:0. Реферировал матч по просьбе харьковцев секретарь одесской футбольной лиги Д.Д. Герд. По поводу спора Д. Гердом составлен рапорт, в котором харьковцы

сделали надпись, что г. Герд, как судья, все вопросы решал правильно. В случае, если всероссийский футбольный союз решит, что состоявшийся матч считается официальным, то одесская сборная команда 20 октября будет играть в Петербурге против петербургской сборной на первенство России.

На состязании присутствовало около двух тысяч зрителей.

Третьего дня состоялось состязание в футбол между «шереметьевцами» и «О.К.Ф.». «Шереметьевцы», всегда побивающие все одесские спортивные кружки на этот раз получили поражение. «Одесский кружок футбол» выиграл с результатом 2:0. Матч этот входит в цикл по 2-й категории на кубок имени Д.Д. Герда».

*№13. Одесский листок. — 1913. — 20 октября.*

*«СПОРТ... ФУТБОЛ*

Сегодня состоится финальный матч на первенство России в 1913 г. Команда гор. Одессы взяв уже первенство юга, должна теперь встретиться с непобежденной командой Севера — с Петербургом.

Петербургская футбольная лига выбрала очень сильную команду.

Реферировать матч будет рефери московской футбольной лиги г-н Джон Р. Белл.

От Петербурга играют: Шаверин, Хухрин, Громов, Уверский, Вибург, Хромов, Егоров, Детлов, Бутусов, Киселев, Филиппов — от Одессы играют: — Каждан, Гаттон, Мизерский, Карр, Гизер, Иванов, Тауненд, Джекобс, Богемский, Злачевский, Дыхно.

Этот матч возбуждает живейший интерес среди спортсменов.

В понедельник петербуржцы играют товарищеский матч против второй сборной Одессы — Гробман, Ангерт, Ремер, Чугункин, Козельский, Гаврилов, Михно, Яворский, Прокопович, Витнтс, Лифшиц.

После матча, в воскресенье, комитетом О. Ф. Л. будет предложен петербуржцам обед в ресторане при Б.-Московской гостинице.

*№14. Одесский листок. — 1913. — 21 октября.*

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

*«Спорт... Футбол. Матч на первенство в России.*

Вчерашним матчем между Одессой и Петербургом закончилось состязание на первенство в России в 1913 г. Первое место досталось Одессе, победившей со счетом голов 4:2. Петербургская команда стоит ниже одесской как по индивидуальным качествам большинства игроков, так и по сыгранности. Выделяются в ней левый край, г. Филиппов, искусством водить и пасами в центр, а также левый бек г. Громов, державший все нападения Одессы. Из игроков-одесситов особенно отличился правый край, г. Тнуненд, забивший красивый гол. Недурно играл голкипер — г. Каждан. Результат матча явился неожиданностью для большинства собравшейся в огромном количестве публики — до того все были уверены в превосходстве Петербурга, еще 6-го октября победившего Москву. Погода благоприятствовала матчу.

Игрокам устроили овацию».

*№ 15. Одесский листок. — 1913. — 3 ноября.*

*«Спорт... Открытое письмо комитету  
ОДЕССКОЙ ФУТБОЛЬНОЙ ЛИГИ*

С чувством глубокого удовлетворения мы должны отметить, что в последние годы в русском обществе все более и более повышается интерес к спорту. Особенно отрадно констатировать тот факт, что повсюду видна тенденция работать в области спорта планомерно и рационально: организуются гимнастические общества, клубы, футбол-лиги, легкоатлетические лиги, издаются спортивные журналы, календари, устраиваются междугородние соревнования и т. п.

Но особенно привился у нас футбол. Ни один из видов спорта не пользуется такой популярностью, как игра в футбол: на матчи являются тысячи народа. Футбольные организации различных городов России образовали всероссийский футбольный союз.

20 октября с.г. в Одессе состоялся матч на первенство России в 1913 г. между сборными командами Петербурга (чемпион севера) и Одессы (чемпион юга), причем Одесса победила. Последнее обстоятельство показывает, что одесситы проявляют исключительный интерес к футболу: в Одессе насчитывается

8 лиговых команд, а так называемых «диких» — хоть пруд пруди. Подрастающее поколение, в особенности учащаяся молодежь, прямо-таки души не чает в футболе, посвящая весь свой досуг занятию этим видом спорта. Редко кому из молодежи незнакомы имена футболистов гг. Богемского, Джекобса, Злочевского (Сашка Бейт), Гаттона, Гизера.... А кто из одесских футболистов не знает рефери одесской футбол-лиги г. Гердта с его благосклонностью к penalty?!

Несмотря на то, что одесситы проявляют исключительный интерес к спорту вообще, а к футболу в частности, тем не менее, в Одессе не имеется официального органа одесской футбольной лиги. Нужда же в издании такого органа давно назрела. Распространяться о пользе, приносимой спортивным журналом населению, нечего, так как это слишком очевидно. В этом отношении следовало бы нам взять пример у москвичей, имеющих такие солидные журналы, как официальный орган московской футбольной лиги «К Спорту!» и орган общества физич. развития «Sanitas» — «Русский Спорт». Могут возразить, что для издания нужны деньги. Но лига ведь находит деньги для гастролей иногородних команд. Правда, в последних случаях выручает сбор. Почему же не предположить, что журнал будет ходко идти, принимая во внимание тот интерес, с которым одесситы относятся к футболу? Последнее предположение, между прочим, подтверждается тем обстоятельством, что журналы «К Спорту!» и «Русский Спорт» имеют в Одессе большую розницу. Во-вторых, одесская футбольная лига — предприятие отнюдь не коммерческое, и, следовательно, комитет лиги не должен смотреть на печатный орган с точки зрения материальной выгоды. Наконец, говорит сам за себя тот факт, что московская футбол-лига имеет свой журнал. Могут затем подвергнуть сомнению самый вопрос о необходимости спортивного журнала для Одессы по тем соображениям, что, мол, во всяком газетном киоске можно достать один из московских журналов, в котором помещаются и корреспонденции из Одессы. Но в этих журналах уделяют слишком мизерное место не только Одессе, но и вообще всему югу.

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Всякий деловой путь полон терний, и поэтому, если даже первые шаги могут оказаться неудачными, тем не менее, преждевременно отчаиваться нечего. Нужны только любовь к задуманному делу и инициатива, которую должен взять на себя комитет одесской футбол-лиги, и чем скорее, тем лучше.

Студент Пилипенко.

*Р. С. желательно было бы выслушать мнение комитета по затронутому вопросу. А. П.»*

*№16. Одесский листок. — 1913. — 12 ноября.*

### «СПОРТ... ФУТБОЛ

10 ноября состоялось очередное состязание футбольных команд. Результаты состязания таковы: по первой категории: «Спортинг-клуб» играл с «Индиго» с результатом 1:0; «Шереметьевцы» выиграли у «Турн-ферейн» 2:0. «Флорида» состязалась с одесским кружком «Футбол»; результат — 2:1. По второй категории: играли «Спортинг-клуб» и «О.К.Ф.»; результат — ничья; «Одесский британский атлетический клуб» выиграл в первый раз в сезоне по второй категории у «Турн-ферейн» с результатом 2:0.

Состязания в футбол будут продолжены до 1 декабря, ввиду того, что цикл состязаний незакончен из-за матчей между различными городами».



*КРАЙ В ЭПОХУ ДИКТАТУР*

*Марина Верховецкая, старший*

*научный работник Одесского художественного музея*

*ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО*

*ОБЩЕСТВА ИМ. К. К. КОСТАНДИ*

*В ОДЕССЕ В 1921–1929 ГГ.*

*И «КАРАТЕЛЬНАЯ» ПРОЛЕТАРСКАЯ ПРЕССА*

Одесса — город многоплановых, исторически сложившихся, художественных традиций. Одна из художественных легенд Одессы — знаменитое Товарищество южнорусских художников (ТЮРХ), существовавшее 29 лет (1890-1919). Входившие в его состав мастера — Е. Буковецкий, П. Нилус, Т. Дворников, Г. Головков, Н. Кузнецов, Г. Ладыженский, В. Кандинский и др., внесли значительный вклад в историю развития не только регионального, отечественного, но и мирового искусства. Духовным центром и признанным лидером товарищества был замечательный художник Кириак Константинович Костанди. Он умер практически в одно время с формальным прекращением деятельности ТЮРХ в 1921 г. Но его влияние на современников было настолько значительным, что побудило их в новых условиях продолжить традиции художника Кириака Костанди. Именно с его именем связана деятельность существовавшего с 1922 по 1929 г. Художественного общества им. К. Костанди.

Большая часть произведений художников Общества им. К. Костанди находится в собрании Одесского художественного музея (некоторые из них экспонируются в выставочных залах музея), часть — у родственников К. Костанди, в семье художника М. Дельпеса, в частных коллекциях, в Муниципальном музее личных коллекций им. А. В. Блещунова, в Мемориальном музее академика В. П. Филатова. В декабре 2002 г. в Одесском художественном музее прошла выставка, посвящённая 150-летию со дня рождения К. Костанди (1852-1921). Значительный пласт историко-

документальних матеріалів зберігаються в архівних збірках Національного музею України в архіві Інститута історії мистецтва, фольклористики і етнографії ім. М. Т. Рильського [1].

В сучасному мистецтвознавстві творчості авторів Общества ім. К. К. Костанди присвячено немало серйозних досліджень [2]. По ряду історических, політичних, соціальних причин діяльність Общества ім. К. Костанди не могла бути «калькою» діяльності Товарищества южнорусських художників (ТЮРХ). Останні роки існування ТЮРХ відзначаються гострим естетичним і організаційним протистоянням між традиціоналізмом, прихильністю до класических традицій і новаторськими тенденціями. Починаючи з 1910 г. в Одесі формуються і організаційно оформляються групи виставочних об'єдинень альтернативні ТЮРХ. Іноді вони діють епізодически, як знамениті Салони В. Издебського, або більш тривало, як виставки В. Филиппова, на яких були представлені роботи Н. Рериха, В. Борисова-Мусатова, Л. Бакста, К. Сомова, Е. Лансере, І. Рєпина, К. Маковського, В. Васнецова і др. Но реальною опозицією ТЮРХ стало засноване в 1917 г. Общество незалежних художників. В це Общество входили художники, залишивши помітний слід в історії вітчизняної культури (художник і критик М. Гершинфельд, С. Фазини, А. Нюрнберг, І. Малік і др.) [3].

Протистояння ТЮРХ і «незалежних» обострилося після Октябреского перевороту. В роки революції і громадянської війни ТЮРХ в силу багатьох причин втратили ряд майстрів - фундаторів товарищества - за кордоном опинилися П. Нілус, Б. Едуардс, Н. Кузнецов, П. Ганський, С. Колесников і др. 31 жовтня 1921 г. помер К. Костанди. Общество Незалежних художників активно прийняло утопіческі ідеї революції, більша частина «незалежних» працювала в різних організаціях більшовістеского АГІТпропа, в вікнах ЮгРОСТА. К 1921 г. склалася ситуація, що призвела до втрати традицій реалістескої школи, діячі ТЮРХ були витеснені з культурного поля [4].

24 ноября 1921 г. начал свою работу Комитет по увековечиванию памяти К. Костанди. В него вошли В. Лазурский, А. Кипен, А. Стилиануди, О. Зейлигер, Н. Могилевский, представитель Южного товарищества писателей, директор Публичной библиотеки А. Дерибас, заведующий Художественным отделом Губкопса В. Столяров, представитель Академии художеств Т. Фраерман. Первоочередной задачей комитета стала забота о сохранении наследия К. Костанди. В прессе было помещено обращение к одесситам с просьбой содействовать сбору данных для создания мемориальной комнаты К. Костанди при Народном музее Одессы. Комитет подал прошение в Одесский Исполком Советов о присвоении Народному Художественному музею имени К. Костанди, было решено устроить концерт и памятный вечер как дань памяти К. Костанди.

В середине декабря 1921 г. В. Лазурский составил проект устава комитета и поддержал предложение Е. Буковецкого об изменении названия комитета, который должен был переформатироваться в Художественное Общество им. К. Костанди. В соответствии с уставом нового Общества было избрано новое правление: председатель — А. Кипен, секретарь — В. Лазурский, казначей — А. Стилиануди. Товарищем председателя стал Е. Буковецкий, позднее его сменил Д. Крайнев, затем В. Филатов. Членами-учредителями общества стали художники: Е. Буковецкий, П. Волокидин, Т. Дворников, В. Заузе, Е. Петрокино, А. Стилиануди, П. Шварц, Б. Эгиз, А. Дерибас, правовед П. Михайлов, врач-рентгенолог Я. Розенблат. Почётным членом Общества в 1922 г. был избран Илья Репин.

Устав общества намечал обширную программу действий: предполагалась работа по поиску и сбору материалов о жизни и творчестве художников юга, устройство выставок произведений художников, совместные собрания художников и друзей искусства для рисования с натуры, изучения истории, теории и техники изобразительных искусств, установление связей с аналогичными обществами, деятелями литературы и музыки. В программе общества особое внимание уделялось охране памятников искусства

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

и старины, развитию музеев, организации выставок. По уставу, общество существовало на членские взносы, на доходы от проведенных музыкальных вечеров, чтения лекций. Предполагалось устроить постоянную выставку картин для их продажи, проводить вечера-студии с участием оперных и драматических актеров, певцов, декламантов, костюмированные балы художников... Заседания правления общества проходили в квартире А. Кипена по ул. Щепкина, 12, в Одесском сельскохозяйственном институте, где работал А. Кипен, и в Доме учёных.

Вечера памяти К. Костанди (проводимые Обществом К. Костанди) проходили: 16 января 1922 г. - в помещении одесской Академии художеств (переименованной в 1923 г. в Политехникум изобразительных искусств), 23 января и 3 июля 1922 г. — в театре «Крот» и в клубе «Красный факел» и т.д. На собранные обществом средства был установлен памятник на могиле К. Костанди, оказана поддержка его семье, оборудована мемориальная комната К. Костанди в Народном Художественном музее. Картины, выполненные К. Костанди, принесли в дар музею О. Орбинский, Я. Розенблат, Е. Петрокино, А. Кипен, А. Васильковский и др. В 1922 г. Обществом им. К. Костанди были награждены лучшие студенты Одесской Академии художеств.

В 1923 г. в члены Общества были доизбраны: Б. Варнеке — ректор Политехникума ИЗО, Л. Бродский, П. Митковицер, А. Смирнов, В. Филатов, Н. Скроцкий, С. Каменский. В 1924 г. — М. Бант, О. Давыдов, А. Ждаха, Г. Комар, Н. Куковеров, А. Шовкуненко, Д. Крайнев, С. Василюпола, К. Клюк, Л. Инглези; в 1925 г. — В. Синицкий, В. Цымпаков и др. С каждым годом число членов общества увеличивалось, и в начале 1929 г. в общество входило более 100 человек.

Следует выделить часть организационной работы Общества, которая была связана с установлением связей Общества с художниками других объединений. В основном это было сотрудничество с художниками, которые принимали участие в выставках ТЮРХ: А. Васнецов, Е. Лансере, А. Остроумова-Лебедева, А. Гауш, Д. Шибнев, а также с художниками, чье творчество ценилось члена-

ми общества. Так, из Крыма присылал свои работы М. Волошин, К. Богаевский, Э. Штейнберг, из Петрограда — К. Петров-Водкин, В. Конашевич, из Москвы — С. Пичугин и Д. Митрохин, из Тифлиса — О. Шарлемань, из Харькова — А. Симонов, М. Шаронов.

Общество им. К. Костанди стало первым профессиональным объединением художников в Одессе после лихолетья гражданской войны. Анализируя каталоги выставок Общества им. К. Костанди, периодические издания тех времён, протоколы заседаний Общества, можно детально проследить работу руководителей Общества, связанную с проведением выставок. В начале 1920-х гг. власти пытались связать искусство с производством, были популярны выставки стенгазет и плакатов. В августе 1921 г. в музее Губзема отдела художники будущего общества К. Костанди открыли выставку, где И. Колесников представил на плакатах все этапы производства льна, от засева льна до фабричного производства полотна, архитектор М. Покорный — эскизы и проекты города-сада, Т. Дворников — картины, Л. Зильберштейн — автолитографии [5]. Членами общества были организованы художественные кружки на заводах и при клубах профсоюзов. Членами общества при Одесском Доме учёных была устроена художественная студия. В 1922 г. А. Гаушем был создан детский кукольный театр «Петрушка», открыты мастерские по изготовлению детских игрушек. В 1925 г. в рамках мероприятия Культсмычки города с селом Обществом им. К. Костанди была организована передвижная выставка (100 произведений искусства), которая открылась 9 августа в селе Завадовка в здании сельскохозяйственной школы (посетили 584 чел.), а потом 23 августа — в селе Холодная Балка (посетили 258 человек) [6].

В середине мая 1924 г. в культурной жизни города прошло яркое событие — в Народном Художественном музее была открыта выставка произведений К. Костанди из семейного собрания и частных коллекций — более 300 картин и этюдов (выставку посетили 3538 чел.). К открытию выставки был из-

## *ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА*

---

---

дан каталог с биографией художника, создателем каталога и автором вступительной статьи был литературовед В. Лазурский. В. Лазурскому удалось создать биографию художника К. Костанди, собрать и систематизировать сведения об этапах творчества этого замечательного художника и о его произведениях.

Впервые общая коллективная выставка Общества им. К. Костанди состоялась 18 октября 1925 г. Эта выставка продолжала традиции выставок Товарищества южнорусских художников, приуроченные к осени. I Осенняя выставка общества открылась в помещении Политехникума изобразительных искусств (ныне Художественное училище им. М. Б. Грекова), 68 художников на ней выставили 446 своих произведений.

15 октября 1926 г. там же состоялась II Осенняя выставка, в которой участвовали 62 художника (278 произведений). Значительным событием в жизни Общества стала открывшаяся в том же году (там же) посмертная выставка произведений пейзажиста Т. Дворникова. На выставке было представлено 145 произведений художника (посетили выставку 1368 чел.). Большинство выставленных произведений были собраны из частных коллекций, о чём свидетельствуют расписки, выданные владельцам картин. К открытию выставки был издан каталог со вступительной статьёй В. Лазурского [7].

15 октября 1927 г. в Народном Художественном музее была открыта III Осенняя выставка. В ней участвовало 46 художников, которые представили 233 произведения (посетили выставку 3494 чел.). В 1927 г. общество представило ряд своих работ на Всеукраинской юбилейной выставке к 10-летию Октября (Киев - Харьков - Одесса). Одесские художники ездили в Харьков и Киев, а в Одессу прибыли художники и их произведения со всей советской Украины.

В 1928 г. в помещении Института ИЗО была проведена IV Осенняя выставка, в которой принимало участие 59 художников с 270 произведениями, (выставку посетило 3858 чел.). В том же году художники Общества приняли участие на Одесской

выставке картин краеведческого характера. В октябре 1928 г. на заседании Бюро секции ИЗО при Одесском Окротделе союза Всерабис была выдвинута задача — организовать в Одессе постоянную выставку картин всех художественных объединений города.

Новая V (и последняя) Осенняя выставка прошла в 1929 г. в помещении Института ИЗО. На ней 41 художник представил 141 произведение. В том же году художники общества приняли участие во II Всеукраинской выставке Наркомпроса УССР (Киев — Харьков — Одесса), во II передвижной выставке художественного объединения АХЧУ «Культпоход по Донбассу», в выставке к 135-летию Одессы.

В одесских газетах художников Общества им. К. Костанди называли «академистами». Сами художники Общества на одном из заседаний назвали себя неореалистами - художниками, которые обращаются к классическим традициям. Однако поиск обозначения стиля произведений в 1920-е гг. был достаточно условен, менялась система оценок в критике и искусствоведении и самопонятие «реализм» претерпело ряд трансформаций. В 1922-1926 гг. споры о художественных ценностях велись в Доме учёных и в Галерее нового искусства, которая являлась подотделом Художественного музея.

В начале 1920-х гг. в театре им. А. Луначарского, в театре им. Т. Шевченко, в зале Госконсерватории, в клубах «Грифон», «Красные зори», «Красный факел», в клубе Всеукраинскотруд, в Политехникуме ИЗО, в Южном товариществе писателей, в литкружках члены Общества А. Кипен, А. Дерibas, В. Лазурский, Б. Варнеке и др. читали лекции и выступали с докладами по вопросам истории и теории искусства. Просветительская деятельность общества состояла и из многочисленных докладов и выступлений, которые звучали на собраниях общества. Они привлекали слушателей, гостей общества, иногда собирая до 150 человек. Темы докладов можно восстановить по протоколам заседаний: о художниках: И. Репине, К. Костанди, П. Нилусе, Т. Дворникове, И. Айвазовском, И. Крамском, В. Васне-

цове, Л. Баксте, Т. Шевченко, Н. Рерихе, Ф. Штуке, О. Родене, В. Ван-Гоге, П. Гогене, о скульпторе Б. Эдуардсе, о музее Н. Рериха в Нью-Йорке, «Собиратели живописи: Солдатиков, Третьяков, Мамонтов», «Шпенглер и искусство», «О западноевропейских художниках», «Художественная жизнь Запада», «Культурная жизнь Старой Одессы» и др. Членами общества активно обсуждались задачи современного искусства в докладах: «Современные вопросы социологии искусства», «Споры о задачах творчества», «Значение изобразительных искусств в жизни народа», «О статье А. Эфроса «Искусство в революции», «Л. Гроссман – Задачи и методы истории искусства» и др. Проанализировав темы этих докладов, можно сделать вывод: высокий культурно-просветительский уровень лекционных занятий и докладов играл важную роль в формировании культурной среды города. Большое значение в формировании мировоззрения деятельности Общества имела для студентов Политехникума ИЗО и ОИНО.

Провластные художественные объединения существовали на государственные дотации, пособия, ссуды. Общество им. К. Костанди могло рассчитывать только на скромные доходы от выставок и лекций. Обществу было отказано в возможности войти в состав Федерации Всеукраинских художественных организаций. Не имея возможности проводить выставки, не встречая поддержки от властей в 1928-1929 гг. общество «тихо умирало».

С 1928 г. Главискусство стало рассматривать уставы всех художественных объединений, чтобы связать их творчество с потребностями политики Наркомпроса или ликвидировать «лишние» структуры. Изменение идейно-художественных принципов обществ осуществлялось Главискусством через изменение соответствующих пунктов устава и посредством прямого вмешательства в жизнь обществ (замена руководящих органов). Оружием радикальных перемен стала ревизионная комиссия (треть состава отводилась художникам общества, остальными были представители профсоюзов, райкома пар-

тии). Подобные комиссии должны были произвести ревизию художественного облика обществ, вынести заключение о целесообразности деятельности обществ. Проверка деятельности художественных обществ проходила по следующей схеме: выяснялось число партийцев, молодёжный и социальный состав, классовая линия организации, работа в массах, хозяйственно-финансовая деятельность. В стремлении совершить «революцию сверху» Главискусство опиралось на представителей низовых организаций, т. е. на людей, никогда не имевших отношения к профессиональному искусству, решающих любое дело с «политических позиций». Сначала художников дифференцировали на «пролетарских», «попутчиков», «буржуазных специалистов». Затем выявлялись «чуждые элементы, пассивно относящиеся к социалистическому строительству». Монополия государства на истину позволила Наркомпросу развернуть борьбу за «чистоту социалистического искусства».

Общество им. К. Костанди стали подвергать «пролетарской» критике в одесской прессе с 1924 г. По заданию правящей партии члены Общества планомерно превращались в объект для критики, в «лишних людей», а их искусство — в «старый хлам». «Старое», «чистое» искусство объявлялось «скрытой контрреволюцией». В статье «Не по карману рабочему» автор, рабочий Одинцов, выражал своё неудовлетворение по поводу высокой входной платы на выставку картин К. Костанди и высказал предположение, что устроители выставки нарочно назначили высокую плату, чтобы затруднить появление на выставке «рабочей блузы» рядом с дамой в «шикарном платье, с лорнетом» [8]. Правление Общества им. К. Костанди вынуждено было объясниться: «...Рабочие могут посещать выставку совершенно бесплатно. Это могут удостоверить местком груз. №3, и женорганизация церабкопа, работники и работницы клуба «Коминтерн». Устроители выставки в большинстве своём профессиональные художники, т. е. люди всегда очень нуждающиеся, устроили выставку на собранные между собой скудные средства и затратили на это дело очень много труда и энергии...

До сих пор на выставке было больше 1300 бесплатных посетителей и 306 платных, из которых большинство пользовались скидкой в 40 и 60 процентов. Полноценных билетов по 1 руб. 10 коп. продано всего около 60. Почти все эти билеты приобретены самими организаторами выставки и их друзьями» [9].

После I Осенней выставки в прессе появилась более основательная, с точки зрения критической оценки, статья [10]. Цитируем отрывок из неё: «...Стоит пройтись по залам, чтобы убедиться в одном очень важном и существенном дефекте выставки. У неё совершенно отсутствует лицо. Вместо этого — что-то бесформенное, рыхлое, расплывчатое. Выставка ни одной стороной не задевает нашу современность, не отражает в красках пережитых нами великих событий. Всё время кажется, что находишься на выставке южнорусских художников старого дореволюционного времени. В большинстве своём это те же художники, что и 10 лет тому назад по краскам и живописной манере... Произведений молодых художников на выставке очень мало, и их влияние почти не чувствуешь. И это сообщает выставке умеренный, степенный характер». Под статьёй стоит подпись «Альцест» — псевдоним А. Я. Гениса — профессионального критика, который писал статьи ещё о ТЮРХе и был давно знаком с большинством художников общества.

Его же перу принадлежит и статья о II Осенней выставке в одесском журнале «Шквал». Эта статья показывает, насколько жёстко в середине 20-х годов XX в. относилось «официальное» мнение, от лица которого выступал критик, к темам и сюжетам картин: *«Выставка устроена Художественным обществом им. Костанди, и, может быть, поэтому на ней так много картин посвящено цветам, которые так любил писать покойный художник. И все-же не слишком ли много цветов, женских головок и ничего не говорящих пейзажиков. Неудивительно, что первое впечатление, точно попал на выставку южнорусских художников, лет эдак 15 тому назад. Так мало в ней полотен, близких*

*нам по темам и настроениям. Это главный недостаток выставки, о чём приходится весьма и весьма пожалеть. Но это не всё. На выставке нет «гвоздя», нет доминирующего центра... Как всегда есть много ненужного хлама, без нужды засоряющего выставку... Вет старинной от живописной манеры Стилиануди, бледны и однообразны по краскам пейзажи Кобцева. Впечатлительные дешевых раскрашенных картинок производят пейзажи Нааке. Вразрез с общим настроением выставки идут работы Васильева. В его «Школе ликбеза», в «Людах прошлого» и двух портретах есть отзвуки вчерашнего и сегодняшнего дней, есть стремление дать отражение современного быта...» [11]. Вероятно, слабовата вышла статья, в смысле «классового самосознания», потому что вскоре критику пришлось исправлять ошибки и писать ещё одну статью...*

Новая статья Альциона «Ненужный архив или современное творчество? Ещё о выставке о-ва им. Костанди» уже не скрывала нетерпимой «пролетарской» риторики: «Нужно признаться, что публика находит неудовлетворительной второй Осенней выставкой им. К. К. Костанди. Неудовлетворённость вызывает отсутствие отражения современной жизни и её сегодняшнего дня... А это уже совсем неинтересно. Ведь прошло уже 10 лет революции, искусство давно успело проникнуться марксистским миропониманием (АХРР, АРМУ), а о-ву Костанди до сих пор кажутся неприемлемыми новшествами истины, что искусство — организующая сила, выражающая классовую идеологию, что смысл его отнюдь не в противоречии двух буржуазных формул «чистого и гражданского искусства», а в «систематизации чувств в образах». Непосредственная роль искусства, как средства обобществления этих чувств, их передачи, их распространения в обществе (как писал Н. Бухарин) независима от того, ставим мы себе гражданские задачи или не ставим. Вторая Осенняя выставка показала, как далеко Художественное общество Костанди от современного понимания жизненного значения искусства. Потому ли, что старые мастера, поддерживающие традиции Товарищества южнорусских художников, не

приспособлены к новой жизни и к новому искусству, потому ли, что идеи, к которым шёл революционный народ и те чувства, которые в нём горели, были для них совершенно чужды? Об этом отчасти говорят те случайные отражения заводского быта, от которого веет безмятежным спокойствием. Это труд вовсе не революционный и даже не пролетарский творческий труд, а просто какие-то раскрашенные фотографии с действительного производства... Нельзя не упомянуть о двух великолепных сатирах «Бывшие люди» и «Портрет кулака» молодого художника П. Васильева. Первая изображает революционный базар, когда лишённая нетрудового дохода буржуазия выползала на площади базаров ликвидировать своё барахло, так прекрасно характеризующие их хозяев. Портрет — тупая, разжиревшая, самодовольная рожа кулака, без намёков на какую-либо духовную жизнь. Общее впечатление от выставки: архив никому теперь не интересного и не нужного искусства» [12].

Начинающийся скандал старался погасить А. Дерibas. В своей статье 1926 г. «Вторая осенняя выставка картин», он выбирает примирительный тон: «Первая осенняя выставка, устроенная Художественным обществом им. Костанди, в прошлом году имела ту несомненную заслугу, что она пробудила художественную жизнь Одессы и вызвала соревнование между местными художниками». Автор упоминает выставку Т. Дворникова, открытую в Одессе в 1926 г., и открытие II выставки, создавая некоторую перспективу во времени и намекая на добросовестную регулярность в деятельности общества: «Около картин толпятся люди самых разнообразных художественных направлений. Одни хотели бы более левого уклона и более современных сюжетов, другие ценят картины главным образом по мастерству, независимо от их содержания, но всех радует красочность и жизнерадостность, так и бьющая ключом почти из каждого выставленного произведения... Художники поняли, наконец, что их дело не есть нечто изолированное от общей жизни, и что без демонстрирования своих достижений перед широкими массами их творчество окажется узким и хилым.

Есть на выставке и слабые произведения. Но огромное большинство не может не радовать». А. Дерibas особо выделяет работы художника П. Васильева, поскольку тот оказался в роли положительного героя: «Молодой художник Васильев весь отдался современному быту и написал несколько картин, интересных по своему содержанию» [13].

III выставка произведений Общества вызвала более доброжелательный отклик в прессе: «Выставка откликнулась на современные требования. Таковы портреты пионера, пионерки, рабочего шахтёра...» [14]. Статья об участии «костандивцев» во Всеукраинской выставке 1927 г. не дает четких оценок, повторяя при этом старые упреки: «Складається т-во переважно з художників старої генерації, яка нерухома в своїй еволюції, тепер, як і до революції, виявляє свою мистецьку творчість в пейзажах та портретах» [15].

Одним из отзывов на IV выставку общества была статья под названием «Во власти красок», в которой формулировался «приговор»: «Если отбросить несколько любящих «порисовать» врачей и адвокатов, то выставку надо признать как демонстрацию работ группы мастеров школы вчерашнего дня» [16]. Статья Д. Житомирского показывала процесс формирования «классово сознательного» зрителя: «На IV осенней выставке картин в последние дни замечено несколько случаев умышленного повреждения экспонатов. Некоторые картины испачканы сырой глиной, на других сделаны гнусные надписи, на акварелях краски размазаны слюной. Обществу Костанди не впервые приходится сталкиваться с некультурностью наших нравов. На предыдущих выставках почти ежегодно бывали случаи воровства этюдов, рисунков и акварелей, а сейчас бескультурье вылилось в новые формы... Повреждены 6 картин, а одна совсем испорчена...» [17].

В обзорной статье, написанной по завершении I- Всеукраинского съезда Ассоциацией художников Красной Украины - АХКУ (Харьков, 1928) об Обществе К. Костанди сказано, что оно «объединяет последователей дореволюционного академи-

ческого реализма и натурализма» [18]. По поводу участия Общества им. К. Костанди во II Всеукраинской выставке в статье «Искусство в массы» также можно найти критические строки: «Особой группой расположились художники-индивидуалисты, замкнувшиеся в себя и преподносящие нам сусальные «нестеровские» и «сомовские» мотивы. Таковы работы Шварца и целого ряда других художников, пишущих пейзажики, церковки, этюдики, лодочки, цветочки, картины в духе старой «Нивы» и журнала «Возрождение». У этой группы всё в прошлом...» [19].

1929 год стал рекордным по количеству разгромных статей. В статье «К пятой осенней выставке о-ва Костанди», неизвестный автор под псевдонимом ВИК выносит деятельности общества «официальный» приговор: «...ничем не прикрытый дилетантизм.... Замкнутость художников этого Художественного общества в узко-цеховых интересах, вызванная нечем иным, как буржуазной формулой «искусство для искусства», делает их живопись мало понятной и не нужной широким массам... Замкнутость, оторванность от текущей жизни всегда возникает на почве разлада с окружающей действительностью. Эту оторванность от современности и от задач нашего времени — вольно или невольно очень ярко подчеркнуло Общество Костанди своим творчеством. А между тем всякая эпоха, а в особенности наша, вправе требовать от художника понимания её... Октябрь заставил передовых и талантливых художников посмотреть на своё мастерство совершенно иными глазами и отдать его на служение революции... Прошло одиннадцать лет революции, искусство уже давно успело проникнуться марксистским миропониманием, а О-ву Костанди до сих пор кажутся неприемлемыми истины, что искусство социально организующая сила, выражающая классовую идеологию... Художники до сих пор упорно вращаются в кругу специфически эстетических интересов. Всё, что создано подлинными художниками этого о-ва... не оттуда идёт и не туда направлено, куда нужно нашему времени... Четыре отчётных выставки картин О-ва Костанди дают возможность прийти к следующим

выводам. Во-первых, в основном художники о-ва принадлежат к старому типу художников станковистов, индивидуалистически настроенных кустарей-одиночек, ничем не связанных с нашей общественностью и всем нашим строительством... Во-вторых, лозунг «искусство для искусства» говорит о резком разладе общества Костанди с окружающей его общественной действительностью, и, в-третьих, всё творчество художников общества знаменует собой отход от социалистической революции и решительный разрыв с ней» [20].

Статья под названием «Пятая выставка товарищества» [21] не менее категорична: «Товариство художників ім. К. К. Костанді сіє міщанство і обивательщину... де ж мистецтво, як класове соціально-організаційне знаряддя? Про це — ані словечка. У 25 року, у зв'язку з перереєстрацією товариства, за пропозицією адмінвідділу, прийняли новий нормальний статут, за яким: «Товариство ім. Костанді має виявити революційну сучасність, її побут, розвивати нову культуру й поширювати серед людності знання з образотворчого мистецтва»... Як, узагалі, зв'язані програма товариства і його діяльність?... Художник Кальнінг дуже поважає попів, церкви та все, що пов'язане з релігією... А скільки портретів «жінок художників»! Скільки узагалі погано виконаних портретів з нікому невідомих людей... А де ж пафос революції, громадянська війна, соціалістичне будівництво, життя й побут пролетаріату? За сім років відбулося якось сто зібрань товариства. Що робили оці зібрання? Вони читали лекції «Художнє життя Заходу», «Художники Парижу». Невже товариство вважає це за зв'язок з сучасністю? Товариство відгородилося високим муром від далеких йому чужих мас. Деякі «ідеологи» товариства пояснюють свій цілковитий розрив з життям так: пензлі й полотно коштують надто дорого. Через це ми й не можемо давати великі картини з сучасного життя. До того ж для сучасних картин потрібні натурники. А художники — народ бідний... Хто саме спрямовує роботу товариства на цілком непролетарські шляхи? У тому й сила, що жодного художника в правлінні товариства немає. Голова правління —

професор виноробства А. А. Кіпен. Можливо, що в своєму виноробчому фаху він і справжній мистець. Члени товариства Снежков, Філатов, Куковеров – професори медичного інституту. А мистецтво для них своєрідна розвага. Декотрі члени товариства, як от Волокідін, Крайнев, Заузе, працюють за викладачів в одеському технікуму образотворчого мистецтва. Який вплив може мати на них реакційне товариство? І чи не може не відбитися на тій ідеологічній продукції, що дістає пролетарське студентство вишів від цих професорів?»

Стаття под говорящим названієм «Глухой переулочк» начинається с описания здания, где открылась выставка: *«...«Костандиевцы» сбились куда-то в глухой переулочек, в котором тихо, как на погосте, где вместо солнца – копящие фонарики, а вместо горластых сирен Днепростроя надрываются опцианные канареечки.... от этих полотен веет тихой барской грустью, «вишневыми садами» и меланхолией разочарованных одиночек... «Ультрамариновый завод» – работа художника Банта, «Работа в порту» Грекулова. И это всё, что на пороге 12 годовщины Октября принесли на свою выставку «костандиевцы». И это все – 140 полотен, в которых – упадничество, тоска о прошлом и ничего о том, что Сегодня и Завтра. Если учесть, что в составе этого товарищества, кроме любителей и дилетантов, есть хорошие, крепкие мастера – становится обидно за то, что дала эта выставка. Впрочем, одни художники уже вырвались из этого переулочка... Надо думать – за первой группой, тоже заражённые бодростью революционного молодняка, вырвутся из переулочка ещё многие, чтобы посвятить своё творчество заводу, фабрике, радио, рабочей окраине, Днепрострою и пятилетке» [22].*

Стаття «Уламок розбитого вщент» продовжує кампанію травли общества: *«... Тов-во не виправдовує ім'я художника Костанді... а, навпаки, посилює цілковиту деградацію... З усіх учасників цієї виставки тільки дехто художники-професіонали, технічно освідчені... Але вони нічим не відрізняються від робот решти аматорів... Це купка самозакоханих аматорів, відірваних від життя. Як прогледіли наші професійні органи існування такого товариства?» [23].*

Окончательную смерть Общества знаменовало предписание, присланное по почте А. Кипену: «Согласно постановлению ГУБМОКОСО от 17 октября 1929 года Ваше Художественное общество, на основании предписания НКВД, считается ликвидированным, ввиду чего Вам, с получением сего, нужно немедленно принять меры к формальной ликвидации общества, руководствуясь в данном случае соответствующим параграфом устава. Протокол заседания правления и общего собрания, а также акт о ликвидации представить в Исполнительный комитет Одесской губернии» [24. 2].

В 1929-1930 гг. внутренняя политика правящей большевистской партии притерпела глобальные изменения — свертывался не только НЭП, но и всякие свободные проявления социально-культурной самодеятельности, общественной инициативы. Насильственная бюрократизация общественной жизни привела к ликвидации практически всех негосударственных художественных союзов. Искусство было отдано под полный контроль НКВД. «Великий перелом» переломал ростки советской художественной жизни. Профессионализм был заменен «классовым чутьём», ставшим главным критерием оценки искусства. Государственная система искусства вписывалась в очертания административной системы организующегося тоталитарного режима.

### Литература:

1. Институт истории искусства фольклористики и этнографии им. М. Т. Рильского (далее ИИИФЭ им. М. Рильского). - Фонд Товарищества им. К. Костанди. - Ед. хр. № 313 – 320.
2. Золотой век художественных объединений в России и СССР. — М., 1982. - с. 327, Товарищество южнорусских художников. Биобиблиограф. справочник. - Одесса, 2000; Шистер А. Н. К. К. Костанди. — Л., 1975; К. К. Костанди и художники-греки в Одессе. — Одесса, 2002; К. К. Костанди. Художник и человек. - Одесса, 2002 и др.
3. Абрамов В. А. К. Кандинский и весенняя выставка картин 1914 года в Одессе // Чёрный квадрат над Ёрным морем. — Одесса, 2001.
4. Общество независимых художников в Одессе. Библиографический указатель. — Одесса, 2004.

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

5. Луцик С. З. Неизвестный Коновский П. С. // Всемирные одесские новости. — 1997. - №1.
6. Луцик С. З. Одесские «Салоны Издебского» и их создатель. - Одесса, 2005; Абрамов В. А. Художники Юграста. - Одесса, 1980. Машинопись (на правах рукописи). ОДНБ им. М. Горького; Товарищество южнорусских художников в Одессе.
7. ИИИФЭ им. М. Рьльского. Отдел рукописей. - Фонд № 13. Протокол собрания 29 декабря 1928 г. (рукописная тетрадь); - Фонд №14, ед. хр. 323. Дневник воспоминаний А. Н. Стилиануди. Мои воспоминания об одном очаге культуры в старой Одессе.
8. Каталог персональной выставки Т. Я. Дворникова. - Одесса. 1926.
9. Одинцов. Не по карману рабочему // Вечерние известия. — Одесса. - 1924. — 4 октября.
10. Одинцов не прав. Ответ правления общества К. Костанди. // Там же. 1924. - 10 октября.
11. Альцион. На выставке картин // Там же. - 22 октября.
12. Альцион. На выставке картин // Шквал. — Одесса. - 1926. - №43. - 30 сентября. — с. 20.
13. Альцион. Ненужный архив или современное творчество? // Вечерние известия. - Одесса. - 1926. - №1053.
14. Де-Рибас А. Вторая осенняя выставка картин // Там же. - 1926. - №1038.
15. Там же. - № 1399. — 1926. - 23 октября.
16. Довженко Б. Одесская художественная Всеукраинская выставка // Театр-клуб-кино. — Одесса, 1927. - №39. — с. 11.
17. Зиф. Во власти красок // Шквал. — Одесса. - 1928. - 11 ноября.
18. Житомирский П. Вандализму - война! // Вечерние известия. - Одесса. - 1928. - 10 декабря.
19. Дмитриев К. На путях развития украинского искусства // Там же. - 1928. - 18 апреля.
20. А. Б. Искусство в массы: II Всеукраинская выставка в Одессе // Там же. - 1929. - 7 сентября.
21. Вик. К пятой осенней выставке // Там же. - 1929. - 26 сентября.
22. Т. С. П'ята виставка Товариства ім. Костанди // Чорноморська комуна. — Одеса. - 1929. 30 жовтня.
23. Светлов А. Глухой переулочок // Вечерние известия. - Одесса. - 1929. - 23 октября.
24. Шполя Г., Иващенко Н. Уламок розбитого вщент // Чорноморська комуна. — Одеса. - 1929. - 18 октября.
25. ИИИФЭ им. М. Т. Рьльского. - Фонд Общества им. К. Костанди. Ед. хр. № 331.

*Олег Бажан (Київ)*

*кандидат історичних наук, доцент,  
старший науковий співробітник Інституту історії  
України*

### *РЕАЛІЗАЦІЯ ДИРЕКТИВИ НКВС № 00439 НА ОДЕЩИНІ (1937—1938)*

Вибіркова «санація» радянського суспільства від «ворожого елемента», яка розпочалася відразу після приходу більшовицької партії на чолі з В. Ульяновим-Леніним до влади у Росії в листопаді 1917 р., переросла у «велику чистку» в липні-серпні 1937 р., коли в масштабах країни Рад розпочалася реалізовуватися серія централізованих каральних операцій проти різних категорій населення. Згідно з наказом НКВС СРСР № 00439 від 25 липня 1937 р. місцеві управління НКВС мусили в триденний термін надіслати до Москви списки всіх німецьких підданих, які працюють на військових заводах, залізниці і упродовж п'ятиденного терміну, починаючи з 29 липня провести арешти по завчасно підготовленим спискам. Проведення цієї превентивної операції напередодні Другої світової війни потягнуло за собою переслідування десятків тисяч радянських німців, які працювали в різних сферах народного господарства і проживали в різних куточках Радянського Союзу, в тому числі і на Одещині.

Як свідчать архівні документи, процес підготовки до німецької «національної» операції органи НКВС розпочали задовго до літа 1937 р. 10 березня 1934 р. Державне політичне управління УСРР підготувало директиву за № 1654/ск, направлену на протидію розвідницькій діяльності німецьких консульств в Україні. Центральний апарат ДПУ УСРР зобов'язував відповідні спеціалізовані підрозділи створити в трьох німецьких консульствах (київському, харківському, одеському) розгалужену внутрішню агентуру та встановити цілодобове зовнішнє спостереження за їхніми приміщеннями, відстежувати усі зв'язки працівників дипмісії [1]. Пи-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

тання активізації контррозвідувальної роботи, виявлення в місцях компактного проживання німців «фашистської агентури» знайшло своє продовження на нараді 22 серпня 1934 р. при НКВС УСРР, присвяченій діяльності Одеського облуправління наркомату внутрішніх справ. В ході обговорення інформації начальника Одеського облуправління Хоми Леонюка начальник особливого відділу НКВС УСРР Михайло Александровський зауважив: «основні віхи в роботі особливого відділу Одеської області - це німці, поляки, японці. На території Одеської області проживає 20% всього німецького населення України (згідно з даними Всесоюзного перепису населення 1926 р. на Одещині проживало 95384 німців [2] - Авт.). Робота по т.з. гітлерівській допомозі сильно розвинена». З думками підлеглих повністю погодився нарком внутрішніх справ УСРР В. Балицький: «німці тепер використовують всі свої можливості (гітлерівська допомога, консульські зв'язки) для активізації контрреволюційної фашистської роботи. Тому необхідно концентрувати увагу на національних німецьких районах» [3].

Настанови керівництва НКВС знайшли відображення у повсякденній діяльності одеських чекістів. За 1934 р. на Одещині було розкрито та ліквідовано 23 повстанських осередки серед німецьких колоністів [4]. У березні 1935 р. з відділення СПВ УДБ УНКВС по Одеській області надіслало на адресу наркома НКВС В. Балицького доповідну записку «Про викриття та ліквідацію контрреволюційної фашистської групи в Карл-Лібнехтівському районі» у складі 4 осіб на чолі з інспектором фінансового відділу райвиконкомом Г. Гіршем [5].

У другій половині жовтня 1935 р. за звинуваченням у проведенні «контрреволюційної діяльності» співробітниками органів держбезпеки були затримані, як з'ясувалося потім в ході слідства, учасники одеської філії «Національний союз німців на Україні» Ю. Дюрмайер, М. Сеннер, Ф. Тальнер, К. Вайльгуні, К. Іванчич, М. Гольцгофер та А. Шрокк, які до арешту обіймали відповідальні посади у німецьких національних районах Одеської області [6]. На основі агентурно-оперативної роботи, проведеної упродовж

1936 р. в німецьких колоніях Дніпропетровської, Донецької, Одеської областей та Молдавської АРСР IV відділом Управління держбезпеки НКВС УРСР на початку січня 1937 р., була підготовлена «Доповідна записка контрреволюційної діяльності фашистських елементів у німецьких колоніях України», адресована наркому внутрішніх справ УРСР В. Балицькому. Автори документа - начальник IV відділу УДБ НКВС УРСР майор держбезпеки Рахлін та помічник начальника 5 відділку IV відділу лейтенант держбезпеки Черкалов відзначали, що обласними управліннями НКВС продовжується провадитися агентурно-оперативна робота по німецьким колоніям під кутом забезпечення «своєчасного викриття організованої к.-р. фашистської роботи та вилучення найбільш активних елементів». Тільки на Одещині на основі проведеної вибіркової перевірки в 42 німецьких колгоспах спецслужбами виявлено 314 чол. «класово-чужого елемента» з числа куркулів, колишніх білих, церковників, учасників антирадянських виступів. Репресії в недалекому майбутньому, на думку чекістів, мали охопити викладацький персонал більшості національних німецьких шкіл. Під час негласного обстеження 52 німецьких шкіл Спартаківського, К.-Лібнехтовського, Мостовського, Цебрівського та Роздільнянського районів серед 322 учителів чекістами виявлено вихідців з куркульських сімей — 44, колишніх кістерів - 12, учасників антирадянських повстань - 5, колишніх офіцерів - 2, іншого антирадянського елемента — 16 [7].

Напрацьований матеріал по німецьким колоніям дозволив одеським чекістам швидкими темпами розгорнути в регіоні союзнуну каральну операцію по «знешкодженню німецької націоналістичної контрреволюції та шпіонажу на користь Третього рейху» (наказ НКВС № 00439 від 25 липня 1937 р.). Наприкінці серпня 1937 р. начальник УНКВС Одеської області Микола Федоров рапортував наркому внутрішніх справ УРСР І. Леплевському про викриття в Зельцьському районі контрреволюційну фашистську організацію, яка ставила своїм завданням підготовку кадрів для збройного повстання в тилу Червоної Армії у випадку війни Німеччини проти СРСР та «встановлення фашистського ладу на

Україні по типу гітлерівського, з приєднанням України до Німеччини». У ході «слідства» було встановлено, що підпільне угруповання у селах Страсбург та Баден Зельцьського району у складі 19 осіб активно діяло з 1933 р. Влітку 1937 р. співробітники органів держбезпеки «натрапили на слід» фашистської повстанської організації у селі Зельцах однойменного району Одеської області. Згідно з показами заарештованого Ігната Міллера, в організацію, створену за наказом німецького консула в Одесі, входило до 70 німців-куркулів та колишніх повстанців. Диверсійний осередок на чолі з Яковом Фольмером було викрито і у селищі Люстдорф Одеської області [8]. Відомо, що протягом літа 1937 р. одеським УНКВС було ліквідовано 45 фашистських, диверсійних і повстанських організацій серед німецького населення області, «учасниками» яких стали понад 600 чоловік, у тому числі 580 у Спартаківському, Зельцьському та Карл-Лібнехтовському районах. Згідно довідки Одеського обкому КП(б)У за участь у «антирадянських угрупованнях» до кримінальної відповідальності було притягнуто 60-70% дорослого німецького населення цих національних районів області [9].

Як свідчать архівні документи, зупинятися на досягнутому у боротьбі з представниками «ворожої нації» апарат Управління НКВС по Одеській області не збирався. У надісланій у вересні 1937 р. до ЦК КП(б)У «Довідці до доповіді про політичний стан німецьких районів Одеської області» керівник обласного управління НКВС полковник М. Федоров, звітуючи про здійснену ним чистку керівництва Зельцьського, Карл-Лібнехтовського та Спартаківського районів від агентів німецької розвідки, запропонував «виселити контрреволюційні елементи з німецьких районів області - до 5000 родин»[10]. Упродовж червня-вересня 1937 р. в Одеській області «по німецьким справам» було кинуте за ґрати 1361 чол. (серед них: куркулів – 301 чол.; колишніх повстанців – 92; німецьких підданих – 19; німецького учительства – 27; німецької інтелігенції – 126), ліквідовано 49 фашистських диверсійних, терористичних формувань із загальною кількістю заарештованих по ним – 785 чол.

У зазначений період була завершена агентурна справа «Фейрєйн», в ході якої у обласному центрі ліквідована фашистсько-троцькістська організація (складалася з 10 осіб, з них шестеро піддані Німеччини та четверо колишніх страйкарів німецьких пароплавів, які залишилися в СРСР після страйку в 1931 р.), створена нібито за вказівкою німецького консульства в Одесі. Внаслідок агентурної розробки під кодовою назвою «Патріоти» у м. Кірово чекісти «знешкодили» диверсійну організацію ветеринарних лікарів (всього 7 чол.) на чолі з ветлікарем Чистосердовим, якого звинувачували у зв'язках з агентами німецької розвідки. Успішна реалізація справи «Диверсанти» дозволила органам держбезпеки нейтралізувати антирадянську групу з числа колишніх військовополонених царської армії в Карл-Лібнехтовському районі Одеської області. За підсумками оперативної роботи по німецькій лінії влітку 1937 р. було викрито «шпигунські гнізда» на Одеському канатному заводі (справа «Павутина»), у Спартаківському районі (справа «Видворювачі-Шукачі») [11].

Заданість цифр і масштаби укорінення нацистських шпигунів у місцях компактного проживання німців на Півдні України змушувала співробітників держбезпеки шукати членів фашистських організацій навіть серед служителів культу. Так на роль керівника «німецької контрреволюційної фашистської шпигунсько-диверсійної організації на Одеській залізниці» органи держбезпеки відвели пастору лютеранської церкви Ф. Д. Штейнванду. Арешту також підлягали близько 30 осіб, які працювали на залізниці і були прихожанами лютеранської церкви [12]. У ході реалізації «німецької операції» на Одещині за період з червня по вересень 1937 р. за ґратами опинилося 83 священнослужителі. У секретному звіті читаємо: «У Карл. Лібнехтовському районі розроблялась група церковників-сектантів, яка вела організовану фашистську роботу, під прикриттям нелегальної сектантської діяльності.<...> Організація створена колишнім кістером Бехлером. По справі заарештовано 26 чол., визнали провину — 18 чол. 23 серпня ц. р. справу розглянуто на обласній судовій трійці УНКВС. 14 учасників засуджені до розстрілу, інші до 10 років ув'язнення у ВТТ.<...>

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

У липні 1937 р. в Одесі був заарештований перебуваючий на нелегальному становищі колишній кістер Отто Іван Генріхович. Отто, будучи пов'язаний з Одеським німецьким консульством, отримав від останнього завдання по впровадженню повстансько-диверсійних контрреволюційних осередків у м. Одесі, Кірово та ряду районів області. По справі заарештовано 42 чол. Справу заслухано Трійкою УНКВС. 35 учасників організації засуджені до розстрілу, інші до ув'язнення у ВТТ» [13].

Масштаб репресивних заходів у зв'язку з реалізацією «німецької операції», проведених радянськими спецслужбами в Одеській області, засвідчують матеріали «фонду 42» Оперативно-статистична звітність Галузевого державного архіву Служби безпеки України. У цифрових даних про оперативно-слідчу роботу Одеського облуправління НКВС за період з 1 червня 1937 по 10 січня 1938 р. число заарештованих по так званій «німецькій лінії» сягнуло 2320 осіб [14]. Директива наркома внутрішніх справ НКВС СРСР Миколи Єжова від 1 лютого 1938 р. надала нового імпульсу у здійсненні національних операцій по всій країні, в тому числі і «німецької лінії». У першій половині 1938 р. під каток репресивної машини на Одещині потрапило 878 осіб німецької національності [15]. Згідно рішень політбюро ЦК ВКП(б) та Ради народних комісарів СРСР у середині листопада 1938 р. всі «масові операції» радянських спецслужб були припинені.

Отже всілякого роду переслідування німецького населення Одещини в другій половині 1930-х рр. відбувалися у загальносоюзному контексті. Каральна політика сталінського режиму стосовно німців багато в чому була зумовлена міжнародним чинником - приходом в 1933 р. до влади в Німеччині А. Гітлера та загрозою війни в Європі. Репресії проти німецької етнічної меншини носили масовий характер та торкнулися всіх соціальних груп - селян, священнослужителів, службовців, робітників.

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

---

---

### Література:

1. Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі - ГДА СБУ). - Ф. 16. - Оп. 26. - Спр. 11. - арк. 2 - 8.
2. Всесоюзний перепис людности 1926 року. Т. XI. Українська Соціалістична Радянська республіка. Підсумки по республіці. Полісся. Відділ 1. Національність. Рідна мова. Вік. Письменність / Видання ЦСУ Союзу РСР. - М., 1929. - С. 31 - 33.
3. ГДА СБУ. - Ф. 16. - Оп. 27. - 0Спр. 5, арк. 2 -7.
4. Реабілітовані історією. Одеська область. Книга перша. - Одеса, 2010. - С. 69.
5. ГДА СБУ. - Ф. 16. - Оп. 28. - Спр. 24. - арк. 26 - 31.
6. Шитюк М. Німці півдня України в період масового терору 1920-1930-х рр. Режим доступу : [http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc\\_Gum/Nvmdu/Ist/2011\\_3\\_30/shityuk.pdf](http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nvmdu/Ist/2011_3_30/shityuk.pdf)
7. ГДА СБУ. - Ф. 16. - Оп. 30. - Спр. 118. - арк. 63 - 82.
8. Там само. - Спр. 43. - арк. 91 - 100.
9. Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-1930-е годы. - М., 1998. - С. 102.
10. Євтух В. Б, Чирко Б. В. Німці в Україні (1920-і - 1990-і роки). - К., 1994. - С. 133-139.
11. ГДА СБУ. - Ф. 16. - Оп. 30. - Спр.4. - арк. 251 - 288.
12. Петровський Е. П. З історії національних репресій 1937 року на півдні України: справа «німецької організації на Одеській залізниці» // Науковий вісник Одеського державного економічного університету. - 2005. - № 6 (18) - С. 143 - 155.
13. ГДА СБУ. — Ф. 16. - Оп. 30. - Спр. 4. - арк. 254 - 258.
14. Там само. - Ф. 42. - Спр. 33. - арк. 69 - 71.
15. Там само. - Спр. 45. - арк. 200 - 201.

*Олександр Новосьолов (Івано-Франківськ), кандидат історичних наук, викладач Інституту туризму Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника*

### ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА ПОБУДОВИ «ВЕЛИКОЇ РУМУНІЇ» У 1940 - 1941 РР.

Восени 1940 р. «Велика Румунія» через територіальні втрати позбулася статусу «великої» [1. 123]. Під тиском військових та масових виступів населення король зрікся влади на користь свого сина – неповнолітнього принца Міхая. Прем'єр-міністром, а пізніше й керівником держави став генерал Іон Антонеску, який з перших днів свого перебування при владі публічно виступив з програмою «об'єднання всіх земель Батьківщини» [2. 142 - 143].

Одразу після приходу до влади кондукетор зробив заяву, в якій звернувся до молодого короля Міхая I. I. Антонеску зазначив, що з дня вступу на трон молодий король вступив у нове життя. Рішення щодо вступу Міхая I на престол, на думку кондукетора, було єдиним можливим для спасіння нації та румунського народу. Звертаючись до короля, генерал підкреслив, що в цьому житті в нього є лише дві мети: перша – моральне відродження народу та об'єднання усіх румунів навколо ідеї честі, праці, права [3. 6 - 7]. Кондукетор запевнив короля, що він зуміє досягнути цієї мети. Друга мета – відновлення вічних прав держави. I. Антонеску оголосив «хрестовий похід» для боротьби за «Велику Румунію» в союзі з гітлерівською Німеччиною та країнами «Вісі» [4. 59].

Встановлення 5 вересня 1940 р. у Румунії диктатури

I. Антонеску відбувалося в складних внутрішньо й зовнішньополітичних умовах. Провідні румунські політичні сили одностайно підтримали кандидатуру генерала, яка відповідала, на думку Ю. Маніу, вимогам всього політичного спектру країни [5. 384].

Звертаючись до країни 7 вересня 1940 р., І. Антонеску наголосив, що після важкого потрясіння, яке принесло приниження нації та її честі, поставило під загрозу існування держави, все ж знайшлися сили для визначення мети, яка хвилює румунський народ. Маючи на увазі територіальні втрати, яких зазнала Румунія, генерал наголосив, що доба втрат залишилася в минулому. Кондукетор зазначив, що беззаконня минувшини вже не повторяться, про них будуть пам'ятати лише задля осуду винних та як урок для майбутніх поколінь. І. Антонеску зазначав, що саме він, з повним розумінням може вказати цій країні шлях боротьби, для того щоб врятувати державу. І. Антонеску наголосив, що він розпочинає відновлення держави. Саме він змінить минуле, яке призвело до падіння старих кордонів держави, минуле, яке принесло бідність.

Таким чином, у Румунії у вересні 1940 р. було встановлено націонал-легіонерський режим профашистського спрямування [6. 47]. Будь-який диктаторський режим в ході свого історичного розвитку, може набувати та втрачати усю сукупність рис, притаманних фашизму. Румунські націонал-легіонери наслідували принципи, організацію та методи боротьби німецьких націонал-соціалістів та італійських фашистів. Проте в Румунії радикально-націоналістичний рух мав свої особливості та своїх ідеологів. В його основі лежали традиції румунського націоналізму. Піднесення націоналістичних рухів в Румунії припадає на період 1918—1920 рр. Після I світової війни територія Румунії значно збільшилася, а її населення, внаслідок приєднання певних територій, зросло втричі. Всі ці явища призвели до загострення національного питання, невирішеність якого стала основною проблемою національної політики румунського уряду у міжвоєнний період. Прагнення нерумунських етнічних громад (угорців, українців, болгар, євреїв) до задоволення своїх культурних й духовних потреб спонукали уряд до контрзаходів не лише на законодавчому рівні, але й шляхом стимулювання радикальних політичних рухів та націоналістичних організацій, таких як «Легіон архангела Михаїла» (з 1931 р. «Залізна гвардія»), «Партія — все для вітчизни» та багато інших [7. 996].

Вирішальне значення у кристалізації націоналістичної ідеї мали вітчизняні румунські історичні школи, представники яких, створивши оригінальну концепцію історії Румунської держави, намагалися довести її історичні права на територіях, які увійшли до складу Румунії після I світової війни та були заселені переважно нерумунами. Провідні румунські історики, такі як Н. Йорга [8], І. Ністор [9], висунули концепцію про місіонерську роль румунів у Центрально-Східній Європі. Історики відводили для Румунії роль «бастіона» на шляху слов'ян у Європу. В основу концепції «бастіона» була покладена теорія безперервності історичного розвитку румунського народу, культури й мови від «проторумунів – даків», які романізувалися й успадкували більш розвинуті форми державної, культурної та військової організації від римської цивілізації. Латинізація даків, які проживали на території Румунії, поставила їх на вищий щабель історичного розвитку, у порівнянні з сусідніми народами. Таким чином, на думку румунських істориків, Румунія стала форпостом цивілізації й культури у Центрально-Східній Європі. «Окультурення», тобто румунізація, сусідніх народів (в першу чергу слов'ян) визначалася як священна місія Румунії, а «окультурені» (тобто румунізовані) народи, повинні були поруч з румунами творити «Велику Румунію» (România Mare).

Щодо долі українців, які проживали у Буковині та Бессарабії, й становили 1,2 млн. населення Румунії, то слід сказати, що як історики, так і урядовці не визнавали не лише територіальні й етнічні, але й духовні права української громади (румунська влада вважала українців румунами, які забули рідну румунську мову). Радикальний румунський історик І. Ністор в праці «Історія Бессарабії» (“Istoria Basarabiei”), яка вийшла в світ в Чернівцях у 1923 р., розвинув ідею про те, що українці ніколи не були автохтонним населенням регіону [10], й тому не мають ніяких історичних й етнічних прав на ці території. В Буковині румунська пропаганда активно популяризувала «теорію рутенізації», сформульовану тим же І. Ністором. Згідно з цією теорією, тільки румуни є автохтонами в Буковині, українці ж імгрували сюди значно пізніше і денационалізували автохтонне населення такою мі-

рою, що воно цілковито втратило свою румунську сутність включаючи мову. Взагалі українці, що проживають в Буковині, на думку історика, належать до трьох окремих націй: це гуцули куманського походження; русини греко-католики, які після 1774 р. іммігрували у Буковину з Галичини; русини румунського походження, які в період австрійського панування забули свою рідну румунську мову. Першочерговим завданням румунської історичної науки було довести безпідставність усіх зазіхань з боку українців щодо окупованих румунами українських етнічних земель.

Невизнання румунською владою українства, його етнічних, культурних та політичних прав повністю відповідало ідеї «Великої Румунії», яка стала основною внутрішньо- та зовнішньополітичною доктриною Румунії у міжвоєнний період та в роки диктатури І. Антонеску. Ще у 1919 р., будучи підполковником генерального штабу, він видав книгу «Румуни. Їх походження, минуле, жертви та права» (“Romanii: Originea, trecutul, sacrificiile si drepturile lor”). Майбутній диктатор на сторінках цього видання виклав погляди щодо політичних перспектив країни. І. Антонеску був палким прихильником теорії про «місіонерську роль Румунії». Розвиваючи ідею «бастіону на шляху російської експансії у Європу», майбутній кондукетор не виключав, перспективи війни зі східним сусідом. У вирішенні українського питання І. Антонеску бачив лише силовий варіант. На його думку, територіальний спір між українцями й румунами, навколо Буковини, мав вирішатися лише за «допомогою багнетів». Заперечуючи саму думку про українців, як про корінних мешканців Буковини, І. Антонеску заявляв, що всі ті, хто прийшов й оселився в Буковині (тобто українці. — Авт.), «хай збирають валізи й забираються геть, поки ми їх не попросили це зробити» [11. 70 - 71]. Зі встановленням диктатури І. Антонеску антирадянські, й особливо антиукраїнські настрої, в румунському суспільстві лише посилювалися, набираючи радикальних форм.

У зверненні до легіонерів 11 вересня 1940 р. генерал І. Антонеску наголосив, що єдиним його бажанням є те, щоб «Велика

Румунія» стала сильною державою. Генерал закликав не забувати братів, які зазнали удару долі і які виявилися відірваними від Батьківщини. Він наголосив на необхідності відновлення школи і армії, надання їм «нового подиху», бо саме через них здійснюватиметься відновлення могутності нації, віри у майбутнє та надії на перемогу [12. 82 - 83].

Прихід до влади І. Антонеску та встановлення націонал-легіонерської диктатури не вирішувало нагальних політичних та економічних потреб Румунської держави однозначно. Новий режим мусив подолати політичну кризу в середині країни й вирішити складні питання румунської зовнішньої політики. Ситуація ускладнювалася наростанням економічної кризи. Румунія опинилася в складному геополітичному становищі у епіцентрі боротьби за сфери впливу між СРСР та Німеччиною. І. Антонеску не бачив іншого шляху для відновлення «Великої Румунії», окрім військового союзу з III Рейхом. Події літа 1940 р. та німецько-італійські гарантії територіального суверенітету, які отримала Румунія, штовхали її до співпраці з гітлерівською Німеччиною.

Підписаний 28 травня 1940 р. між Румунією та Німеччиною так званий «нафтовий пакт» став завершальним актом на шляху встановлення повної монополії німецьких промислових кіл у румунській економіці. З мовчазної згоди Великобританії, США та Франції, які володіли значними капіталовкладеннями в економіці країни, Румунія втягувалася у сферу економічного панування Німеччини в якості сировинного додатка. Крім того, надії на політичні та військові гарантії з боку західних держав у Румунії вже не було. На думку Кейтеля, взаємини між Німеччиною і Румунією були «життєво важливими» для останньої [13. 172]. «Стримувати» прагнення СРСР в територіальному питанні стосовно до Румунії, на думку Бухареста, могла лише сильна Німеччина, яка була зацікавлена у співпраці з Румунією. Вже 15 вересня на запрошення І. Антонеску до Бухаресту прилетів німецький генерал К. Тіпельскірх. В ході переговорів кондукетор висловив занепокоєння відносно радянської загрози. І. Антонеску наголосив на

необхідності укладення військового союзу між Румунією та Німеччиною [14. 11 - 12]. Підтверджуючи свою прихильність Рейху, вже 18 вересня 1940 р., І. Антонеску, на засіданні Ради міністрів заявив, що «Вісь» Берлін – Рим стала зовнішньою політичною опорою для Румунії, тоді як внутрішньополітичною – продовжує залишатися націонал-легіонерський режим. Зміцнюючи румунсько-німецькі взаємини, кондукетор звернувся до Німеччини з проханням направити в країну військову місію. 20 вересня 1940 р. А. Гітлер в цілком секретній директиві наказав направити в Румунію військову місію. В наказі фюрера зазначалося, що для зовнішнього світу її завдання полягають у тому, щоб допомагати дружній Румунії в організації та навчанні збройних сил. Реальні завдання, які не повинні були стати очевидними ні румунам, ні німецьким військам, полягали у наступному: захист нафтових районів; підготовка для розгортання на румунських базах німецьких та румунських військ, у випадку якщо їм буде «нав'язана війна з Росією».

З вересня 1940 р. Румунія все більше схиляється до військової співпраці з Німеччиною, до країни була запрошена німецька військова місія на чолі з генералом Ганзенем. Введення німецьких військ на територію Румунії означало, за оцінкою радянського політичного представника в цій країні, посилення впливів Німеччини на Чорному морі, що становило безпосередню загрозу радянським інтересам в цьому регіоні. Введенням військ в Румунію Німеччина переслідувала цілі військово-стратегічного та економічного характеру. Офіційний Бухарест повідомляв, що запрошення німецьких військ в Румунію передбачає навчання та технічне переоснащення всіх родів військ румунської армії. Урядова газета «Curentul» 12 жовтня 1940 р. в статті, присвяченій приїзду німецьких військових інструкторів, писала, що Румунія слідує єдиному політичному курсу разом з Німеччиною та Італією. Крім того, зазначалося, що вже весною 1941 р. Румунія «повинна стати іншою», «повинна розпочати виправлення великих помилок минулого». Однозначно, що в даному випадку мова йде про територіальні втрати яких

зазнала Румунія, і в першу чергу справа стосується Бессарабії та Північної Буковини.

В цьому контексті необхідно звернути увагу на лист радянського представника в Бухаресті А. Лаврентьєва від 20 жовтня 1940 р. Ним він інформував в Москву, що під час приєднання Бессарабії та Північної Буковини до СРСР Румунія отримала від німецького керівництва повідомлення про те, що ці територіальні «уступки тимчасового порядку» [15. 104].

Таким чином, отримавши гарантії та запевнення про тимчасовий характер територіальних втрат, румунський уряд погодився на «пасивну окупацію» своєї території німецькими військами й встав на шлях підпорядкування своєї внутрішньої та зовнішньої політики інтересам держав Вісі. В той же час ворожа політика румунського керівництва по відношенню до СРСР, перейшла у приховану форму, з розрахунком на неминуче перспективне зіткнення інтересів СРСР та Німеччини.

І. Антонеску, підтверджуючи наміри конкретними справами, вже 16 листопада 1940 р. здійснив поїздку до Риму. Цей візит кондуктора активно висвітлювався в румунській пресі. Центральна бухарестська газета «Universul» повідомляла: «Відкрите визнання італійсько-румунської дружби зміцнить міжнародне становище Румунії». 17 листопада 1940 р. газета «Seara» повідомила, що офіційні кола Риму вважають, що метою візиту І. Антонеску є угода по територіальних питаннях. Схвально оцінюючи візит кондуктора в Рим, газета «Timpul» писала: «Наше включення в політику “Вісі”, наші потужні економічні та політичні зв'язки з Німеччиною, наша дружба з Італією, яка закріплена спорідненістю крові та історії, є міцним підґрунтям для активної політики, яка призведе до значних результатів реалізації румунської справедливості в дунайському басейні» [15. 111 - 112].

У зв'язку з підписанням Троїстого пакту, демократична опозиція Румунії, в особі лідерів «історичних партій» Ю. Маніу (націонал-цараністська) та К. Бретіану (націонал-ліберальна), звернулася до кондуктора з листом, в якому висловила занепо-

коєння рядом положень даного документу. Лідери опозиції вважали, що приєднання Румунії до держав «Вісі» не відкриває перспективи відновлення «Великої Румунії». Оскільки, на думку опозиції, п'ята стаття даного протоколу проголошувала незмінність політичного курсу між країнами пакту та СРСР. Крім того, наявність договору про дружбу між Москвою та Берліном залишала проблему Бессарабії та Буковини для Румунії відкритою. Лідери «історичних партій» хотіли би бачити в союзі Румунії та Німеччини реальну можливість для повернення втрачених територій. Опозиція вимагала від кондукетора конкретних міжнародних заходів, які б гарантували Румунії повернення не лише Бессарабії та Буковини, але й Трансільванії [16. 18 - 19].

У зв'язку з цим І. Антонеску на засіданні Ради міністрів 26 листопада 1940 р. заявив, що питання східного кордону країни, в європейському плані, буде вирішуватися за участю Румунії, яка приєднається тоді, коли складуться сприятливі умови — вона зможе діяти поряд з тими країнами, які зацікавлені у вирішенні слов'янської й більшовицької проблеми. Як стверджує румунський дослідник Ф. Константініу, єдине, чого хотів І. Антонеску, — це війни проти Радянського Союзу. За даними дослідника, він був не єдиним в цьому бажанні. Румунський міністр іноземних справ в вересні—листопаді 1940 р. М. Стурза писав, що будучи міністром хотів спровокувати військовий конфлікт між СРСР та Німеччиною [17. 396].

Участь у майбутній антирадянській війні була для Румунії надзвичайно виснажливою й вимагала повної концентрації і напруження усіх сил країни. І. Антонеску вважав, що чим вагомішим стане внесок Румунії у перемогу над СРСР, тим більшими будуть територіальні здобутки, які він отримає у винагороду від фюрера. А. Гітлер всіляко намагався підтримувати ці прагнення, використовуючи румунсько-угорські протиріччя навколо Трансільванії. Як зазначав німецький генерал Ф. Гальдер, А. Гітлер довго вагався між двома можливостями: чи йти разом з Угорщиною, чи надати Румунії гарантії проти неї.

На зустрічі з А. Гітлером на початку 1941 р. І. Антонеску пе-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

---

редав на розгляд фюрера меморандум, у якому йшлося про те, що Румунія згідна у разі необхідності приєднатися до воєнних дій на боці Німеччини, але при цьому, будучи зв'язаною з Німеччиною Дунаєм, румунська сторона бажає також мати з Рейхом сухоподільний кордон на півночі і північному заході. Кондукетор виразив сподівання, що у новій Європі Німеччина буде визнавати роль Румунії як регіонального гегемона.

Розуміючи, що вирішити територіальні питання негайно неможливо, кондукетор неодноразово заявляв, що проблема втрачених земель вирішуватиметься силою, але дещо пізніше. Так, ще 26 листопада 1940 р. під час засідання Ради міністрів І. Антонеску заявив, що російська проблема складна й неоднозначна, саме тому на даний момент нема підстав для війни. Далі кондукетор сказав, що російська проблема вирішиться міжнародним шляхом, коли владнаються усі питання Центрально-Східної Європи між Росією та іншими країнами. Тоді, на думку диктатора, румуни зможуть представити свої права аж до гирла Дунаю. Розраховуючи на військово-політичний союз з Рейхом, генерал сподівався таким чином відновити Велику Румунію. Проте про конкретні заходи ще не йшлося.

Вже під час другої зустрічі А. Гітлера й І. Антонеску 14 січня 1941 р. у Бергхофі кондукетор був ознайомлений в загальних рисах з планом «Барбаросса». На цій зустрічі І. Антонеску передав на розгляд фюрера меморандум, в якому йшлося про те, що Румунія згідна у випадку необхідності приєднатися до військових дій і виступити на боці Німеччини всіма своїми силами. Але при цьому, будучи зв'язаною з Німеччиною Дунаєм, Румунія бажає мати з нею сухопутний кордон на півночі та північному заході, а також сподівається, що у новій Європі Німеччина буде визнавати природну роль Румунії як регіонального гегемона [18. 34].

Наставляючи своїх послів у Римі та Берліні стосовно того, які територіальні вимоги слід висунути перед фюрером та італійським дуче, І. Антонеску наголошував, що розширення кордону має здійснюватися за рахунок Словаччини, а також за рахунок Галичини по лінії Чернівці — Львів — Краків. Виходячи з цього, Руму-

нії належало окупувати не лише Бессарабію та Буковину, але й Покуття. В той же час радянська контррозвідка в середині квітня 1941 р. повідомляла своє керівництво, що підготовка до війни проти СРСР з території Румунії вже ведеться.

Чергова зустріч І. Антонеску й А. Гітлера відбулася 11-12 травня 1941 р. у Мюнхені. На ній вже йшлося про конкретні військові дії проти СРСР. Фюрер, виходячи зі своїх планів, запропонував генералу І. Антонеску надати територію Румунії для концентрації німецьких військ. Проте слід зазначити, що ще восени 1940 р. в Румунії вже перебувало 2-3 німецьких дивізії. Оскільки пропозиція Гітлера про спільні дії проти Радянського Союзу відповідала намірам кондукетора, він заявив, що згідний взяти участь у війні. Гітлер наголосив, що для повернення втрачених територій у Румунії немає іншого шляху, окрім силою зброї відновити історичну справедливість [19. 590]. Під час обговорення планів майбутньої кампанії кондукетор підкреслив, що розглядаючи вимоги Румунії, необхідно ще раз детально проаналізувати її становище з точки зору етнографії, політики та історії. І. Антонеску звернув увагу фюрера на той факт, що Румунія протягом 400 років була бар'єром на шляху слов'ян у Європу. Таким чином, її географічне становище, економічні й політичні зв'язки, а також расові ознаки відіграватимуть важливу роль для Німеччини. Крім того, Румунія і надалі буде дотримуватись обраної лінії: щира політична співпраця і повна лояльність до «Вісі».

У свою чергу фюрер висловив подяку І. Антонеску за розуміння ситуації й заявив, що на даний момент не існує невирішених питань, які б перешкодили Румунії приєднатися до антирадянського блоку. А. Гітлер підкреслив, що він не вимагає від І. Антонеску участі румунської армії у цьому конфлікті. Румунія, на думку А. Гітлера, має керуватися виключно національними інтересами, крім того, він завірив І. Антонеску, що після завершення конфлікту, територіальні компенсації, що мають бути отримані, територіально будуть необмеженими, оскільки це цілком залежить від Німеччини. Румунський уряд зможе отримати втрачені землі, й не лише Бессарабію та Північну Буковину, але й інші радянські території до Дніпра.

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

На запитання А. Гітлера про те, чи змогла б Румунія вступити у війну з першого ж дня, І. Антонеску відповів, що румунський народ не пробачить йому, якщо він «залишить армію в казармах тоді, коли німецькі війська виступлять з румунської території проти СРСР». Деякі конкретні обіцянки про територіальні винагороди для Румунії І. Антонеску все ж одержав підчас зустрічі з А. Гітлером у Мюнхені 11 червня 1941 р., де обговорювалися питання, пов'язані з нападом на СРСР. А. Гітлер підкреслив, що Румунія не повинна залишатися поза війною, оскільки для повернення Бессарабії та Північної Буковини, які були відторгнуті від Румунії Радянським Союзом влітку 1940 р., у неї немає іншого шляху, окрім війни. Також фюрер дав зрозуміти, що за надану допомогу Румунія зможе анексувати та адмініструвати інші радянські території на схід від Дністра. Слід зауважити, що за день перед тим румунський диктатор під час бесіди з румунським представником в Берліні Р. Боссу, повідомив, що йому відомо про приготування до німецько-радянської війни. І. Антонеску заявив, що бажав би повернути втрачені в 1940 р. провінції та посунути якнайдалі на Схід кордони Румунії. Таким чином, кондукетор виразив бажання взяти участь у війні з першого ж дня. Повернувшись до Бухаресту, І. Антонеску розпочав активну роботу по підготовці до так званої «східної кампанії».

Вже 17 червня 1941 р. на засіданні Ради Міністрів М. Антонеску, звертаючись до присутніх заявив, що перед Румунією відкрилися можливості посунути східний кордон держави аж до Бугу й таким чином відновити прадавні історичні права румунського народу. Віце-прем'єр наголосив, що необхідно використати цей доленосний момент для великої битви проти слов'ян. Щодо майбутнього Бессарабії, Буковини та «Трансїстрії», які мали б увійти до складу Румунії, М. Антонеску зазначив, що на цих територіях буде запроваджено уніфікаційні заходи, основою яких буде політика «етнічної пуріфікації» [20. 121].

Політичні плани І. Антонеску підтримувалися так званими «історичними партіями». Пізніше, на судовому процесі над конду-

кетором та його урядом у травні 1946 р., І. Антонеску заявив, що все, що відбувалося в Румунії в роки його правління, здійснювалося зі згоди лідерів цих партій. Таким чином, демократична опозиція Румунії, яку представляли лідери «історичних партій» Ю. Маніу та К. Бретіану, не була осторонь тих політичних процесів, які відбувалися в державі.

Незважаючи на те, що в Румунії було встановлено диктаторський режим генерала І. Антонеску, а всі демократичні партії були розпущені ще у 1937 р., кондукетор не вжив репресивних заходів проти лідерів «історичних партій». Між представниками опозиції та диктатором велося постійне листування, відбувався постійний обмін думками й поглядами щодо політичного розвитку Румунії. Неодноразово керівники Рейху вимагали від І. Антонеску рішучих заходів проти Ю. Маніу та К. Бретіану. Проте діяльність демократичної опозиції розглядалася кондукетором як можливий політичний резерв у випадку провалу обраного курсу [21. 97].

Міністр закордонних справ Румунії в 1940–1944 рр. М. Антонеску на судовому процесі над кондукетором свідчив, що зв'язок між режимом І. Антонеску й Націонал-параністською та Націонал-ліберальною партіями був міцний у тому сенсі, що їх лідери завжди були інформовані диктатором чи його міністрами про здійснювані дипломатичні заходи. Лідери опозиції, розуміючи, що уникнути війни неможливо, сподівалися обмежити участь Румунії поверненням Бессарабії та Буковини. Бретіану, звертаючись до кондукетора в листі від 21 лютого 1941 р. зазначив, що Німеччина, прагнучи гегемонії в Європі, ослабила політично такі країни, як Румунія. Лідер Націонал-ліберальної партії зазначає, що використання Рейхом на свій розсуд румунських військ ослабить Румунію. Німеччина посприяла відторгненню Бессарабії на користь СРСР з метою повернути на свій бік Румунію. При можливій німецькій агресії на Україну перед Румунією відкривається перспектива відновлення територіальної цілісності. Але, він наголошує, що у випадку майбутньої переможної війни проти Росії, румуни все одно залишаться на милість переможця. Бретіану не виключав і поразки Німеччини. Оскільки втрачені землі не можуть бути по-

вернуті власними силами, він пропонував зайняти вибіжувальну позицію. 20 травня 1941 р., звертаючись до І. Антонеску, Бретіану писав в листі, що Румунія не може вступати у конфлікт, результат якого є ще невідомим. Він зазначає, що війна лише починається, вона набуває світового характеру. Саме тому, наголошував Бретіану, ми не маємо права зробити помилковий крок, який би нас скомпрометував у майбутньому, оскільки єдність усіх земель держави може бути відновлена при співпраці з Німеччиною. Слід зауважити, що в 1942 р. Бретіану закликав І. Антонеску повернути румунські війська в країну, обмежуючись лише окупацією Бессарабії та Північної Буковини. Фактично, опозиція, яку представляли румунські «історичні партії», не заперечувала проти вступу Румунії у війну, відзначаючи, що це єдиний можливий шанс відновлення Великої Румунії.

Офіційна румунська преса ще до початку війни заявляла, що румунські війська не воюватимуть з СРСР, вони лише звільнять «румунські провінції», в той же час підкреслювалося, що румунська армія не піде далі Дністра, тобто Румунія поверне собі ті землі, якими володіла до літа 1940. Бухарестська урядова газета «Universul» повідомляла, що вступ Румунії в антирадянську війну відбувся б навіть в тому випадку, якщо б літом 1940 р. від неї не відійшли Бессарабія та Буковина. Румунський народ був переконаний, що після повернення Бессарабії та Північної Буковини війна для Румунії завершиться. Проте румунські правлячі кола мали інші плани. Заступник прем'єр-міністра М. Антонеску на засіданні уряду 20 серпня 1941 р. заявив, що ще до початку війни проти СРСР кондуктор в переговорах з керівниками Рейху поставив питання про радянські території на схід від Дністра, мотивуючи це значною румунською громадою, що проживала на цій території. Міністр наголосив, що це населення повинно бути включене в склад Румунської держави. Політичне визначення цієї території, на думку М. Антонеску, має залишитися за румунською стороною, до моменту, коли виникне потреба остаточного рішення.

Цей факт підтверджується й німецькими джерелами. На таємній нараді керівників Рейху 16 липня 1941 р. рейхсмаршал

Герінг попросив у фюрера вказати території, які обіцяні іншим державам. Фюрер відповів, що І. Антонеску хоче отримати Бессарабію і Одесу з одеським коридором на захід і північний захід. У відповідь на зауваження рейхсмаршала і Розенберга Гітлер вказав, що новий румунський кордон, якого бажає І. Антонеску, дещо більший старого. Проте А. Гітлер наголосив, що жодної конкретної обіцянки інші союзники не отримали [22. 514].

Розгортання військових дій проти СРСР в червні 1941 р. дозволили румунському керівництву приступити до часткової реалізації намічених планів щодо відновлення так званої «Великої Румунії». Захопивши правобережні райони Молдавської РСР, Чернівецьку та Ізмаїльську області УРСР, уряд І. Антонеску оголосив про включення цих територій до складу Румунії. В офіційному зверненні до мешканців Бессарабії та Буковини, яке було опубліковано в румунській пресі 20 липня 1941 р., диктатор наголосив, що відтепер для всього румунського народу починаються нові часи. Він завірів, що особисто сам займеться організацією відновлення румунської влади в Бессарабії та Буковині. Кондуктор заявляв, що на цих землях буде встановлений новий порядок, який буде базуватися на засадах справедливості та чесної праці. В своєму зверненні І. Антонеску наголосив, що румуни стануть справжніми господарями на своїй землі. Диктатор закликав усіх буковинців та бессарабців до самопожертви заради знищення усіх негараздів минулого.

У зверненні до нації з приводу відновлення цілісності країни генерал Антонеску 17 серпня 1941 р. заявив, що справа кожного румуна полягає у плідній роботі, яка сприятиме повній інтеграції Бессарабії та Буковини. Кондуктор наголосив, що необхідно вжити всіх необхідних заходів, які б полегшили входження територій до складу держави, що були тимчасово залишені під тиском радянської загрози. На думку І. Антонеску, територіальна цілісність відкриває перед Румунією нові перспективи національних інтересів.

Лідери опозиції, яку представляли Ю. Маніу та Д. Бретіану, з ентузіазмом вітали дії генерала щодо приєднання Бессара-

бії та Буковини. Ю. Маніу навіть звернувся до кондукетора з листом, в якому запропонував своє бачення та ряд заходів щодо організації управління на цих землях. На думку Ю. Маніу, необхідно звернути увагу на методи, за допомогою яких мала б здійснюватися організація адміністрації в Бессарабії та Північній Буковині після їх реінкорпорації. Саме від цих методів, на думку лідерів опозиції, залежатиме майбутнє цілої країни, майбутнє, яке може бути переповнене конфліктами у разі хибного політичного курсу, здійснюваного в Бессарабії та Буковині. Маніу зауважив, що попередні режими бачили Бессарабію та Буковину колоніями і включили їх в централістичну систему, присікаючи будь-які можливості самоврядування. Ці дві провінції керувалися функціонерами з королівства, які не були відомі місцевому населенню, ці функціонери перетворювалися в справжніх сатрапів народу, що викликало велику невдячність по відношенню до центральної влади.

Як стверджував Ю. Маніу, більшовицький режим, незважаючи на симпатії серед бассарабців, сколихнув їх душі, наблизивши їх знову до Батьківщини-матері. Цю обставину необхідно використати з метою зміцнення усього румунського народу. Бессарабія та Буковина румунські території *de facto* і *de jure*, тому недопустимо надавати якісь інші правові назви румунським землям, тим більше, що ці землі не повинні керуватися іноземцями. Лідер націонал-цараністів наголошував, що звільнення Бессарабії, Буковини та частини Молдови сприймається румунським народом як вираз етнічних, історичних та національних прав Румунії. Частково пропозиції опозиції були враховані кондукетором та його оточенням при створенні так званих директив та настанов для державних функціонерів, що направлялися в Бессарабію та Буковину.

Наполегливі чутки про те, що німці мають намір створити українську державу, без сумніву, посилювали стурбованість румунів. Посол Румунії в Італії повідомляв, що така ситуація вкрай небажана для Румунії, оскільки український кордон може бути встановлений на Дністрі в зоні стратегічних інтересів

сів Румунії. Крім того, як зазначав амбасадор, Україна має ряд «ефемерних» претензій щодо території Бессарабії й звичайно, Північної Буковини. Ці претензії з боку українців матимуть реальне підґрунтя, тому що румуни володіють так званою Молдавською республікою на лівому березі Дністра (мається на увазі Трансністрія – Авт.). Посол зазначав, що Україна може протиставити свої права на Бессарабію та Буковину, де існують компактні поселення українців. З метою захисту власного суверенітету та вирішення спірного територіального питання, посол пропонував здійснити примусову міграцію українського населення з території Бессарабії та Буковини. Така акція, на його думку, забезпечить румунське право на володіння Бессарабією та Буковиною назавжди.

Румунський посол в Німеччині 24 липня 1941 р. повідомив німецький уряд, що Румунія просить, щоб «майбутня Українська держава» не була надто велика, бо Україна з 40-мільйонним населенням чинитиме тиск на Румунію та на інші європейські держави. Посол особливо просив, щоб Галичина не була приєднана до України, а стала частиною Німеччини, щоб можна було мати «прямий зв'язок між Німеччиною і Румунією». Наступного дня посол Німеччини в Румунії повідомив в Берлін, що І. Антонеску цікавився питанням майбутнього устрою України, і заявив, що не треба створювати великий слов'янський регіон на румунському кордоні.

В свою чергу, посол Румунії в Римі В. Грігорця, аналізуючи німецькі проекти щодо українського питання, 14 серпня 1941 р. повідомляв в Бухарест, що ймовірно, в результаті німецького плану з облаштування окупованих земель, «слов'янський океан» буде посунуто значно на схід до самої Волги. В цьому контексті необхідно забезпечити для Румунії особливу роль, оскільки землі між Дністром та Бутом, та навіть і Покуття, складатимуть важливий регіон, який є необхідний для Румунії. Далі посол повідомив, що дані, якими він володіє, та ті відомості, які надійшли від румунського посла в Німеччині, дозволяють піднімати таку проблему, оскільки в «Трансністрії» проживає щонайменше півтора міль-

йона румунів. Об'єднання з ними призведе до утворення унітарної, в національному плані, держави. Асиміляція та завоювання величезної слов'янської маси менш бажана, оскільки це призведе до серйозних змін румунської раси.

Ускладнення військової ситуації на Східному фронті змусили Німеччину піти на поступки для Румунії в «українському питанні». В меморандумі Міністерства закордонних справ Німеччини від 1 серпня 1941 р. зазначалося, що справа повернення Бессарабії та Буковини Румунії є цілком вирішеною [23. 150].

Губернатор Буковини Колотеску на засіданні уряду 16 грудня 1941 р. заявив, що німецький консул в Чернівцях пообіцяв ліквідувати діючий там без румунського дозволу «Національний український комітет». М. Антонеску оголосив, що під час перебування у Німеччині наприкінці листопада 1941 р. він обговорював з фіурером «українську проблему». Міністр закордонних справ Румунії наголосив, що А. Гітлер поділяє погляди кондукетора на «українську проблему». І. Антонеску в свою чергу зазначив, що німці змінили ставлення до українців. Румунська розвідка доповідала, що підтримка німцями українських націоналістичних організацій відсутня. Враховуючи дані обставини, кондукетор наказав своїм підлеглим не дозволяти українцям жодних кроків щодо політичного розвитку, вказавши на те, що всі ті, хто займається політикою та складає меморандуми, повинні бути ув'язнені в табори.

Отримавши дозвіл на розв'язання «української проблеми», румунський уряд фактично й практично присікав будь-які прояви українського націоналізму та й українства взагалі [24. 183 -184]. Румунська преса розгорнула широку пропагандистську кампанію, доводячи, що в Буковині нема і ніколи не було українців, а тільки «слов'янізовані румуни». Румунською пропагандою поширювалася інформація, що «румунське серце б'ється аж за Дністром», що «Трансністрія» — землі між Дністром та Бугом є румунською прадавньою територією.

Складні внутрішньополітичні процеси міжвоєнного періоду, тотальна румунізація нерумунського населення та заострення зовнішньополітичної ситуації сприяло зростанню шо-

віністичних настроїв в румунському суспільстві, що втілюлося у концепції «Великої Румунії».

Значні територіальні втрати Румунської держави, у наслідок німецько-радянських секретних угод на передодні II світової війни, призвели до встановлення в країні диктаторського режиму генерала Антонеску та до вступу Румунії у антирадянський блок. Військово-політичний союз з Німеччиною відкривав перспективи відновлення «Великої Румунії» в кордонах 1940 р. Співпраця з Німеччиною відкривала перспективи повернути не лише Бессарабію та Північну Буковину, але й захопити інші українські території на схід від Дністра. Конкретні обіцянки І. Антонеску отримав від німецького фюрера А. Гітлера під час особистих зустрічей протягом 1940–1941 рр. Лідери політичних партій Румунії схвалювали дії кондуктора, спрямовані на відновлення цілісності країни. Проте політична опозиція режиму Антонеску, в особі «історичних партій», висловлювалася лише за обмежену участь Румунії у війні проти СРСР. Опозиція пропонувала кондуктору заручитися гарантіями Німеччини й у вирішенні трансільванської проблеми. Загалом же, опозиція підтримувала дії уряду І. Антонеску.

### Література:

1. Bulei I. Scurta istorica romănilor. — București, 1996. — 224 p.
2. Buzatu Gh. Romania cu si fara Antonescu. — Iasi, 1991. — 388 p.
3. Scurtu I. Conditia ifrintului: "Imi asum intreaga raspundere" // Magazin istoric. — 1997. — № 4. — P. 5 — 8.
4. Ion Antonescu și "Garda de Fier". Pe marginea prapastiei (21 — 23 ianuarie 1941)/ Ed. Ingr. de S. Diucu. — Tirgu-Mures, 1991. — 166 p.
5. Constantiniu F. O istorie sinceră a poporului român. — București: Univers Enciclopedic, 1997. — 592 p.
6. Pokivailova T. A. 1939 — 1940. Cominternul si Partidul Comunist din Romania // Magazin istoric. — 1997. — № 3. — P. 45 — 48.
7. Девяк Н. Європа: Історія. — К., 2000. — 1464 с.
8. Iorga N. Romania cum era pina la 1918: in 2v. — V. 1. — Bucuresti, 1972. — 431 p.; Iorga N. Romania cum era pina la 1918: in 2v. — V.2. — Bucuresti, 1972. — 407 p.

9. Nistos I. Problema ucraineana in lumea istoriei. – Cernauti, 1934. – 158 c; Nistor I. Istoria Basarabiei. – București, 1991. – 350 p; Nistor I. Istoria romanilor din Transnistria: Organizarea cultura și jertfa lor. – București, 1995. – 164 p.

10. Nistor I. Istoria Basarabiei. – București, 1991. – 350 p., - P. 44; Istoria romanilor din Transnistria: Organizarea cultura și jertfa lor. – București, 1995. – 164 p, - P.283.

11. Antonescu I. Români : Originea, trecutul, sacrificile și drepturile lor. – Iași, 1991. – 90 p.

12. Antonescu I. Un A.B.C. al anticomunismului românesc. – Iași, 1992. – 318 p.

13. Лебедева Н.С. Безоговорочная капитуляция агрессоров: Из истории второй мировой войны. – М., 1989. – 384 с.

14. Schonherr K. Wermachtul in mars demonstrativ pe strazile Bucurestilor // Magazin istoric. – 1996. – № 1. – P. 9 – 14.

15. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1944 гг. Документы российских архивов. - М., 2000. – 456 с.

16. Buzatu Gh. România și Razboiul Mondial din 1939-1945. – Iași, 1995. – 476 p.

17. Constantiniu F. O istorie sinceră a poporului român. – București, 1997. – 592 p.

18. Antonescu – Hitler: Corespondenta și intilniri inedite (1940-1944): in 2v. – V. 1./ Ed. alc. de Arimia V., Coord. stiitific Cjntantiniu F. – București, 1991. – 216 p.

19. Нюрнбергский процес: Сборник материалов в 8 т. – Т. 1. – М., 1987. – 688 с.

20. Procesul Maresalului Antonescu: Documente: 2 vol. / Ed. ingr. de M-D Ciuca. – Vol 1. – Bucuresti: Seculum, 1996. – 432 p.

21. Паклин Н.А. Крах диктатуры Антонеку [Румыния. 1940–1944 гг. Документальный очерк] // Новая и Новейшая история. – 1976. – № 4. – С. 95 – 114.

22. Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. – Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993. – 659 с.

23. Новосівський І. Нарис історії права Буковини і Басарабії. – Нью-Йорк – Париж – Сідней – Торонто, 1986. – 180 с.

24. Левит И. Э. Крах политики агрессии диктатуры Антонеку (19. XI.1942 – 23. XIII.1944). – Кишинев, 1983. – 376 с.

*Микола Михайлуца,*

*доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри українознавства та іноземних мов Одеського національного морського університету*

*ТЕМА РОСІЙСЬКОЇ КОЛАБОРАЦІЇ  
НА ШПАЛЬТАХ ГАЗЕТ  
В ОКУПОВАНІЙ ОДЕСІ  
(1942-1943 РР.)*

Останні півтора десятиліття і особливо напередодні 70-ї річниці закінчення Другої світової та Великої Вітчизняної воєн проблематика колаборації радянського населення гостро й болісно відбивається як в українській, так і в російській пострадянській громадській свідомості. Актуалізація дослідниками-істориками цієї теми доволі зрозуміла, оскільки нівелює сегментні прогалини воєнного минулого, повертає історії її хоча й наближене, однак більш-менш реалістичне відтворення. Гірше, коли наше минуле перетворюється на об'єкт гострого ідеологічного та інформаційного протистояння, коли залишається за межами норм правдивого історіописання, і тому, втрачаючи призначення бути «*magistra vita*», замовчує ідеологічно «незручні теми», а в більшості випадків задовольняється лише напівправдою.

Разом з тим передумови, причини та різні форми прояву колаборації серед українців, кримських татар та інших національностей в українській історіографії знайшли глибоке і всебічне висвітлення у працях багатьох дослідників, серед яких насмілюся поійменувати А. Боляновського, Т. Вронську, В. Дзьобака, Ю. Киричука, І. Патриляка, О. Романько, В. Шайкан [1]. Історію формування й організаційну структуру, аналіз німецької і радянської статистики, участь у складі німецьких збройних сил російських та радянських колаборантів досліджували останнім часом відомі російські історики С. Дроб'язко, О. Кара-

щук, П. Крикунов, Є. Кринко, В. Люлечник, А. Скорик, М. Семиряга [2] та інші.

На сьогодні дослідниками (названими вище і багатьма іншими) розкриті політичні, соціальні, економічні, культурні, побутові, релігійні, ситуативні та інші передумови колаборації. Істориками вже названі, виходячи з підрахунків, що вибудовуються на німецьких і російських архівних даних, більш наближені до істини масштаби співробітництва радянського населення з ворогом. Так, в українській науковій літературі (переважно з-під пера названих вище авторів монографічних досліджень і наукових статей в журналах — «Український історичний журнал», «Сторінки воєнної історії») подаються, наприклад, такі статистичні дані: у складі німецьких збройних формувань служило близько 250 тис. українців, росіян на порядок більше — 2-2,5 млн. осіб, латишів — 140-160 тис., кримських татар — 90-100 тис., естонців — 80-95 тис., білорусів — близько 80 тис. Загальна чисельність колаборантів в СРСР становила від 2 млн. 780 тис. до 3,5 млн. осіб [3].

Не переслідуючи мету поглибити дискурс саме з цього приводу, погоджуюсь з думкою російського історика А. Мартинова, який вважає, що ніде в Європі, ні в одній країні, не було стільки колаборантів, як у Радянському Союзі. У країнах Західної, Південно-Західної, Східної та Південно-Східної Європи колаборація була набагато скромнішою, приблизно у межах 400-450 тисяч [4].

Проте, повертаючись до теми статті, зауважимо, що поза дослідних інтересів як російських, так і українських вчених, довгі роки залишався значний емпіричний матеріал, який знаходиться у періодичних виданнях, особливо в газетах окупаційного походження, що виходили в румунській зоні адміністрування, в т.з. губернаторстві «Трансністрія».

Розуміючи, що ідеологічна спрямованість є необхідною обставиною, яка повинна викликати обережне ставлення дослідника до ідеологічних матеріалів і фактажу опублікованих на сторінках такого роду друкованих джерел, утім спробуємо проаналізувати кілька видань зазначеного виду.

Не дивлячись на те, що в губернаторстві «Транснїстрія» виходило упродовж 1941-1944 рр., в різний час, близько десятка різних друкованих видань румунською, німецькою та російською мовами, все ж таки в першу чергу зосередимо нашу увагу на матеріалах, опублікованих в газетах «Молва» і «Одесская газета». Ці друковані видання частково знаходяться у фондах [5]. Державного архіву Одеської області (ДАОО), а також у спецфондах архіву Управління служби безпеки України в Одеській області та спецхранах Одеської державної наукової бібліотеки ім. М. Горького.

Газета «Молва» (головний редактор — А. Маслянников) виходила щоденно і була офіційним друкованим органом губернаторства, а «Одесская газета», головним редактором якої був призначений російськомовний румун С. Дмитрашку — виходила тричі на тиждень і, відповідно, відображала офіційну політику Одеського муніципалітету.

Оскільки румунські пропагандистські органи націлювали редакції газет на найширший обхват населення, обидві газети розповсюджувалися по всій території губернаторства. Інформаційна політика будувалася таким чином, щоб номери газет купувалися і були доступними для найбільш вразливих верств підкупційного суспільства. Наприклад, ціна на газету «Молва» коливалася від 40 пфн. до 1 RKKK залежно від кількості сторінок, що сягали у святкові дні (на Великдень, на Різдво) до 8 сторінок. Вартість же одного «Одесской газеты» обходила читачеві від 15 до 25 пфн. (близько 20 коп. у цінах воєнного часу).

З огляду на українофобські настрої румунських окупаційних властей, які боялися як вогню поширення українського іредентизму і незалежності у будь-якому вигляді, дослівно це звучало («independența Ucrainei», «manifesta sentimentul lor național»), обидва видання друкувалися тільки російською мовою. Ці видання знаходилися під впливом різних організацій російського антибільшовицького руху («Русский общевоинский союз» (РОВС) та інших білоемігрантських і промонархічних організацій).

Зауважимо, що перші статті в трансністрійській пресі про формування «Русской освободительной армии» (РОА) з'явилися одночасно з активізацією німецьким командуванням весняно-літньої кампанії 1942 року. Часте відображення в газетних статтях знаходило дезертирство з Червоної армії, в переплетенні з яскраво вираженою ідеологічною спрямованістю проти армійських комісарів. Так, «Одеская газета» у березневому номері за 1942 р. повідомляла про те, що, в оточених під Харковом радянських частинах, солдати в розпачі повертали свою зброю проти комісарів [6], а в червневому номері — про те, що «бійці 34-ї, 47-ї і 150-ї стрілецьких дивізій, відчуваючи страшні втрати, перед тим, як здатися у полон, знищували червоних політкомісарів. Кілька політпрацівників 38-ї кавалерійської дивізії наклали на себе руки, а бійці 14-ї кавалерійської дивізії схопили свого політкомісара і зв'язаним передали німцям» [7].

Навесні 1943 р. активізувалася румуно-німецька пропаганда на сторінках названих газет. Уже наприкінці лютого «Молва» помістила передрук статті з газети «Зоря» одного з російських пропагандистів А. Яковлева про загони російських добровольців — «Русской освободительной армии», які «діють рука об руку з німцями, в повному взаєморозумінні спільних завдань» [8].

Вельми показовою є стаття в «Молва» від 11 березня 1943 р., в якій основним сюжетом виступає розпорядок дня роти солдатів одного з полків РОА. Такого роду статті, на наш погляд, виконували, насамперед, агітаційно-пропагандистське замовлення з метою заманювання добровольців до лав російської колаборації всілякими ідилічними умовами перебування у навчальному таборі військового містечка (ситне харчування, двогодинний відпочинок лежачи на ліжку, читання свіжих газет і журналів, гра в шашки, доміно тощо).

Кількома днями пізніше на сторінках цієї ж газети була надрукована стаття редактора А. Масленнікова про взяття «після запеклих боїв героїчними зусиллями доблесної Німецької Армії» міста Харкова. У ній автор звинувачує Сталіна в

«м'ясорубці, створеної волею батька народів», під час якої «сотні тисяч росіян силою женуть на фронт і під страхом розстрілу їх змушують воювати». Стаття наскрізь пронизана ідеєю відродження російської національної самосвідомості, яка нібито чим далі, тим більше прокидається в червоних частинах» [9].

20 березня 1943 р. у газеті «Молва» було розміщено статтю під назвою «Русский народ поднимается на борьбу с большевизмом» [10]. Апофеозом цієї публікації, надісланої 19 числа агенцією «Радор» з Бухаресту, став наведений лист (безіменний) групи російських військовополонених, для «ідеї боротьби якої проти більшовизму висловлені у заклику генерала Власова, виявилися близькими для тисяч і десятків тисяч росіян». Ніби передбачаючи наперед долю сотень тисяч військовополонених, автори листа зазначали: «В історії не було ще війни без полонених. У кожній війні полонені після закінчення війни незалежно від того, як закінчиться війна, повертаються на батьківщину. Для нас на батьківщину повернення нема не тільки тому, що велику кількість з нас чекає чекістська куля або колоча проволока, концтабори, не тільки тому, що нам загрожує тюрма, сибірська каторга і безпощадне знищення, але й тому, що країна, в якій володарює більшовизм це не батьківщина-мати, а зла мачуха, в якій владу захопила кучка чужих людей. [...] Ми не йдемо за Сталінім. Ми проти більшовизму, проти радянської влади, але ми залишилися вірними батьківщині...». Наприкінці статті наголошувалося на готовності полонених підняти зброю заради того, щоб повернутися на батьківщину, не вимолюючи прощення, а вільним руським народом зі зброєю в руках. В останньому абзаці робився висновок про те, що цей лист, як і сотні інших, є свідченням того, що «російський народ знаходить в собі сили для боротьби за повалення влади Сталіна та його оточення і стає на вільний шлях повернення в родину вільних народів Європи».

В останні дні березня 1943 з'явилася окрема публікація, присвячена офіційному повідомленню про запровадження для військовослужбовців РОА єдиних знаків розрізнення: нарукавних знаків, кокард, погонів і петлиць. Усі нововведення стосу-

валися як генеральського і офіцерського, так і рядового складу. У цьому ж номері було надруковано статтю про козачі добровольчі формування у складі вермахту, які, «оголосивши смертельну війну Сталіну, доблесно воюють на східному фронті проти більшовицького режиму, який викорінював козаче населення». У ній наводяться приклади відчайдушних вчинків терських козаків у боях поблизу Криму.

Значне число статей у виданнях «Молва» і «Одесская газета» присвячені підготовці до весняного наступу німецької армії на східному фронті, яке, начебто, підкріплене мільйонами нових солдатів. Ворожа пропаганда, вказуючи не лише на італійських, хорватських, угорських, фінських, французьких, бельгійських, данських колаборантів, в першу чергу мала на увазі інше. А саме, як підкреслювала «Одесская газета» від 2 квітня 1943 р. — «у спільній боротьбі проти більшовизму поруч з німецьким солдатом знаходяться на Східному фронті також і колишні радянські громадяни — росіяни, українці, козаки, татари і кавказці».

Одночасно «Молва» розповідала про бойові хрещення добровольчих загонів, які формувалися на східному фронті. Під Ленінградом воювали естонські добровольці, в Криму — татари. У численних боях брали участь не тільки загони, але й дивізії армії РОА та Кавказького визвольного легіону. Стаття разом з присягою, яку давав кожен доброволець, визначала мету, яку ставили перед собою представники різних національностей. Крім позбавлення влади більшовизму, виділялися найбільш значущі завдання, на зразок: «кавказькі народи хотіли, щоб закінчилася історична гризня, яку підтримувала радянська влада; козаки — відновлення їх патріархальних звичаїв; мусульмани центральної Азії бажали жити за своїми традиціями». У статті наводилися приклади з різних фронтових донесень про масовий перехід червоноармійців на бік добровольчих загонів, як наприклад, це сталося під час бою на Південному фронті, коли 180 червоноармійців перейшли до загону РОА, відмовившись від бою проти них. Командир цього добровольчого загону

РОА полковник Бочаров був нагороджений «Залізним хрестом».

На сторінках газет часто пропагувалися агітки-звернення генерал-лейтенанта А. Власова, колишнього командувача радянської II ударної армії на Волховському фронті, який перейшов на бік ворога і очолив командування РОА. Наприклад, у статті від 9 квітня 1943 стверджується теза про те, що «Звернення до російського народу» генерала А. Власова нібито відкриває широкі перспективи глибоко ідейної визвольної боротьби російського народу проти більшовизму, за побудову Нової Росії без більшовиків і капіталістів.

Одночасно була поширена і стаття «Російський народ піднімається проти більшовиків», — по суті, дубляж багатьох попередніх агітаційно-пропагандистських матеріалів, які друкувалися в пресі. Серед зазначених матеріалів газети «Молва» особливе значення в залученні до колаборації добровольців з числа військовополонених та інших представників підкупаційного суспільства східних територій мало звертання до російського народу утвореного в березні 1943 р. в Смоленську «Русского національного комитета (РНК)», до складу якого увійшли не тільки військові, але й представники інтелігенції, професури та інші патріоти Росії. Звернення було підписано, крім А. Власова, його заступником, генерал-майором Малишкіним і транслувалося німецькими радіостанціями. Комітет ставив перед собою завдання реалізувати програму невідкладних заходів: ліквідувати більшовицький режим і наслідки війни, ліквідувати колгоспи і розподілити всю землю між селянами, відновити приватну ініціативу, поліпшити умови життя робітників, гарантувати національну незалежність, політичну свободу, релігій і культур, звільнення всіх політичних ув'язнених.

Невдачі вермахту в зимовий період 1942-1943 р. газети представляли як «тимчасові труднощі на Східному фронті, які були остаточно ліквідовані завдяки жертвам і героїзму німецького солдата і прекрасним якостям німецького військового командування, яке мало значну перевагу в стратегії і тактиці» [11].

Щоб підняти дух пронимецьки і прорумунськи налаштованого населення окупованих румунами територій, редакторська колонка «Одесской газеты» у тому ж квітневому номері сповіщала про те, що німецький контрнаступ фельдмаршала Е. Манштейна - це лише «перше попередження більшовикам на південному секторі фронту», а наступ, який почнеться в «певний час у значних розмірах невидимих матиме на меті завершальний розгром противника». Для виконання цього грандіозного плану, апологетувала газета, «німецьке військове командування має в розпорядженні досить людських ресурсів і величезний військовий матеріал» [12].

Ця публікація, як свідчить аналіз всіх номерів зазначених видань, виявилася всього лише мрією. Від квітня 1943 р. Червона Армія отримала такий потужний військовий потенціал (головним чином танки, авіацію, боеприпаси, реактивну артилерію, свіжі резервні дивізії), що про завершальний удар військ вермахту говорити і писати в трансністрійській пресі більше не довелось жодній газеті. Тема стала неактуальною. Треба було думати про власний порятунок...

На завершення підкреслимо, що проблема колаборації в роки війни досить делікатна і суперечлива, однак незалежно від політичних інтересів, вона не має використовуватися як матеріал для формування подвійних стандартів у суспільстві.

### Література:

1. Боляновський А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939-1945). — Львів, 2003; Вронська Т. Феномен «пособництва»: до проблеми кваліфікації співпраці цивільного населення з окупантами у перший період Великої Вітчизняної війни // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей. - К., 2008. - Вип. 11. - С. 88 - 97; Дзьобак В. Порівняльна характеристика колаборації населення Росії й України в роки радянсько-німецької війни. // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей. - К., 2008. - Вип. 11. - С. 252 - 276; Патриляк І. К. Легіони українських націоналістів. (1941-1942): Історія виникнення та діяльність. - К., 1999; Романько О. 30-я Гренадерская

дивизия СС. К истории иностранных формирований в составе в составе германских вооруженных сил // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей. — К., 2008. - Вип. 11. - С. 309 - 320.

2. Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941-1945. — М., 2004; Дробязко С., Карашук А. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. — М., 1999; Дробязко С., Карашук А. Русская освободительная армия. — М., 2000; Крыкунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. - М., 2005; Кринко Е. Ф. Коллаборационизм на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. — Майкоп, 2000, №3; Люлечник В. Национальные формирования в Красной Армии и в вермахте. <http://www/Russian-bazar.com>; Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М., 2000; Скорик А. П. К вопросу о казачьем коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Междун. науч. конф. - Ростов-на-Дону, 2010. - С. 283 - 289.

3. Дзьобак В. Назв. праця. - С. 273.

4. Мартинов А. Путь к предательству. <http://www.ogoniok.com/4957/29>.

5. Фонди з Державного архіву Одеської області (далі — ДАОО) (П-13, Р-3964, Р-4093).

6. ДАОО. — Ф. П-13. — Оп. 2. — Спр. 138. [Одесская газета. — 1942. — 15 марта].

7. Там само. - [Одесская газета. — 1942. — 5 июня].

8. Там само. - [Молва. — 1943. — 26 февраля].

9. Там само. - Спр. 156. [Молва. — 1943. — 15 марта].

10. Там само. - [Молва. - 1943. — 20 марта].

11. Там само. - [Одесская газета. — 1943. — 2 апреля].

12. Там само.

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

*Константин Пронин,*

*заведующий подземным геологическим музеем «Одесские катакомбы» ОНУ им. И. И. Мечникова,*

*Елена Ощепкова, историк,*

*аспирант кафедры политических наук*

*ЮНПУ им. К. Д. Ушинского*

### ПОДЗЕМНЫЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ПОСЕЛКА АВАНГАРД

По истории одесских катакомб и партизанских отрядов,



*Фото 1. Находки группы  
Ашкалуненко (1971).*

действовавшим в них, написано множество статей и книг. Но серьезных работ по этой теме немного. Либо это совсем краткие, сухие ссылки из архивных фондов, либо сплошная «героика». Как, впрочем, и по самим катакомбам: или невероятные сказки, или технические описания в производственных отчетах.

В советское время конкретные факты и сведения обычно опускались, детали и подробности были не нужны и не важны. К примеру, широко известен В. А. Молодцов-Бадаев, человек-легенда и подвиги его отряда. Но как только дело доходит до каких-то конкретных фактов, тут же выясняется, что толком-то о них никто и не знает.

Нельзя не упомянуть книги В. Егорова и Н. Зотова «907 дней в тылу врага» (1969) и И. Гречухи «Страницы дружбы беззаветной» (1970). Во всех подобных изданиях, отображающих строго официальную точку зрения, сведения о партизанском отряде совхоза «Авангард» умещались в одном-двух маленьких абзацах.

Известная в Одессе организация «Поиск», сейчас

спелеоэксспедиция, а в 1960–1970-х комсомольско-молодежная экспедиция, была создана для изучения истории партизанского движения, связанного с одесскими катакомбами. Изучением непосредственно катакомб «Поиск» занялся много позже. В 1965 г. поисковцы вышли к подземному лагерю В. А. Молодцова -Бадаева, на протяжении нескольких лет бывали там, сделали интересные находки. А в итоге плана лагеря так и не было сделано, ни схематического, ни детального. Фотографий почти нет, подробная фотофиксация не проводилась. Детальное описание лагеря тоже отсутствует. Нет и перечня находок (реликвий, как тогда говорили), сделанных на территории лагеря. А лагерь был тогда легкодоступным, не затопленным подземными водами. Зато была заложена в стену памятная металлическая пластина с патриотической надписью, около многих подземных объектов были сделаны пояснительные надписи: «кухня», «столовая», «баррикада» и т. п. Проведено множество мемориальных походов, посвященных памяти В. А. Молодцова-Бадаева. Но до сих пор нет полного списка отряда, которым он командовал, нет хроники борьбы этого отряда.

Цель данной статьи, комплексно и, по возможности, объективно осветить действия одного из партизанских отрядов, базировавшихся в катакомбах, а именно — партизанского отряда совхоза «Авангард», действовавшего под руководством Е. П. Баркалова. Показать, как и почему он возник, как и когда действовал, в каких условиях жили под землей люди, как они воевали с врагом. А поскольку этот отряд находился в конкретном районе катакомб, то рассказать и об этом районе.

Для получения объективной информации авторы статьи обратились к архивным источникам. По «авангардовскому» отряду сохранилось много документов, в основном воспоминаний участников тех событий, отчеты в партийные органы СССР. Были использованы материалы Государственного архива Одесской области - дела, касающиеся партизанского движения. Обработка архивных данных потребовала значительных усилий, поскольку большинство источников были рукописными, часто

написанными неразборчивым почерком, понять который было непросто. Например, так и не расшифрованным осталось название села, откуда были «угнаны» люди, отбитые 4 апреля 1944 г. партизанами у румынских солдат. В ряде изданий неизвестно почему указывается, что они — жители Николаева.

Начнем с описания места базирования партизанского отряда совхоза «Авангард». Попытаемся показать читателям всю сложность пребывания людей под землей, для того, чтобы они осознали, на что пошли партизаны, не только вступая в бой с противником, но и просто находясь в подземелье.

Во-первых, необходимо локализовать местонахождение отряда: он базировался в районе современного поселка Авангард и западной окраины Одессы (Ленинский поселок). 70 лет назад это были далекие, глухие окраины города - всего несколько домиков, хозпостроек и ферм для скота. А на месте окружного шоссе — грунтовая дорога к селу Татарка (теперь — с. Прилиманское), западнее совхоза «Авангард» находился Ленинский поселок, который иногда называли поселок Застава (1-я Застава). Он узким «языком» — одной улицей — почти доходил до совхоза. Но Ленинский поселок тогда не соединялся с городом сплошной застройкой: между ними было примерно 2,5 км полей. Расстояние от совхоза «Авангард» непосредственно до города составляло ок. 7 км. и до с. Кривой Балки столько же. Городская сплошная застройка начиналась за 2-й Заставой. До Молдаванки, с ее «катакомбными» партизанскими отрядами, было 9 км. - до города было приблизительно два часа пешего ходу по открытой местности.

Во-вторых, требуется разобраться в горнотехническом состоянии катакомб этого района. Одесские катакомбы — это подземные каменоломни, где добывался пыльный известняк для строительства Одессы и пригородных сел. В описываемом нами районе подземные каменоломни появляются лишь в конце XIX в., так как для строительства города долгое время хватало камня, добываемого в каменоломнях, расположенных ближе к центру Одессы или в традиционных для камнедобычи местах - села Усатово и Нерубайское.

Самая старая дата, написанная на стенах «авангардовских» катакомб и относящаяся ко времени работы каменоломни — 1896 г. Учитывая удаленность надписи от старого входа, можно сделать вывод, что каменоломня возникла в 1894-1895 г. Это было время расцвета строительства города, застраивались западные его окраины, поэтому понадобился камень местных выработок. А так как земля за чертой города стоила дешевле, каменоломни появлялись на месте будущего поселка Авангард. Каменоломен было немного, они имели небольшие размеры, еще не существовало большого единого лабиринта. Входами в подавляющее большинство выработок служили вертикальные шахтные стволы — колодцы.

С 1923 г., после войн, хаоса, голода, Одесса стала возрождаться. Снова возобновилась добыча стенового камня, и интенсивность разработки каменоломен в этом районе возросла. Это подтверждается находками многочисленных горных надписей на стенах выработок, где стоят даты от 1932 г. до 1941 г.

Необходимо кратко охарактеризовать строение на этом участке недр, из которых добывался пыльный известняк, получивший свое название за свойство легко распиливаться на блоки правильной формы даже простой пилой. Подземные выработки были заложены в пласте пыльного известняка толщиной (по геологически — мощностью) до 4 м. Исходя из мощности пласта и оптимальной высоты выработок равной примерно 2–2,5 м, катакомбы здесь расположены в один ярус. Больше просто не поместилось бы — высота выработки плюс примерно по 0,3 м в кровле (чтобы она не обвалилась) и на дне (чтобы не проваливался биндюжок — повозка, груженная камнем), итого получаем 3,1 м, т. е. выработка почти во всю мощность пласта. Под пластом пыльного известняка залегает слой жерствы (светло-бурого плитчатого известняка) мощностью 0,5–1 м, а еще ниже — плотная вязкая серо-зеленая глина. Над пыльным известняком залегает еще один слой жерствы мощностью 3–6 м, выше идет слой плотной красно-бурой глины мощностью 2–4 м, а еще выше — слоистая толща лёссовидных суглинков, окрашенная в

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

разные оттенки бурого цвета общей мощностью до 20 м. Все это сверху было перекрыто слоем чернозема.

Так как пласт пильного известняка залегает, в общем-то, горизонтально, то и выработки расположены в нем примерно на одном уровне. Но рельеф поверхности над выработками неровный, поэтому в балке на западной окраине Авангарда выработки находятся на глубине 7 м от поверхности, а около окружной дороги — на глубине 32 м. Следует отметить, что выработки здесь неширокие, в основном до 2 м, редко — до 3,5 м, и довольно высокие — 1,7–2 м, редко — до 3 м. Температура воздуха в выработках  $+14^{\circ}$ , воздух тяжелый из-за повышенного содержания углекислого газа (продукт гниения занесенных водой органических остатков).

Первая каменоломня (довольно крупная) в районе Авангарда начала разрабатываться в 1895 г. Вход в нее — шахтный колодец глубиной 29 м — находился немного восточнее дома № 20 по ул. Центральной (соврем.). Ее забои уходили от ствола на расстояние до 140 м. К востоку от этой каменоломни была еще одна шахта со своим шахтным стволом. Она находилась примерно там, где располагалось правление совхоза — около окружной дороги. В 400 м к югу находилась старая стволовая шахта 1903 г. Между собой (под землей) эти каменоломни не были связаны.

До начала войны у Авангарда появилось еще три шахтных ствола и одна «наклонка», построенная в 1929 г. Теперь в этом районе существовало шесть шахтных колодцев и один наклонный вход, и все они уже соединялись между собой, образуя единый подземный лабиринт. Максимальное расстояние между входами составляло 550 м. Большинство выработок было пройдено (т. е. сделано) с 1932 г. по 1941 г., т. е. выработки были еще прочные, высокие, доступные, хорошо известные, в том числе и старые выработки XIX в., так как в 1941 г. они повторно эксплуатировались. Такими катакомбы Авангарда были к августу 1941 г. Только один шахтный ствол (около здания правления совхоза) был к тому времени засыпан.

Сведений об использовании «авангардовских» катакомб в

начале войны у нас почти нет. Имеется одна запись о находке в 1985 г. надписи, датированной сентябрем 1941 г., написанной на стене в районе старого ствола. В конце оккупации его взорвали во время стычки оккупантов с партизанами. Еще в 1970-х гг., когда ствола уже не существовало, но место его расположения на поверхности было еще хорошо заметно, старожилы поселка называли его «Взорванным стволом». На трофейной румынской карте одесского управления сигуранцы относящейся к 1941–1942 гг. катакомбы Авангарда не указаны. Видимо, здесь, в отличие от других катакомб, в начальный период оккупации было спокойно.

Первые исследования «авангардовских» катакомб были проведены осенью 1971 г. группой поисковцев под руководством Л. Апкалуненко. Группа обнаружила два подземных партизанских лагеря, сделала их описание, фотосъемку, провела поиск реликвий. В октябре 1971 г. в этих катакомбах побывал один из авторов статьи. Тогда же этот район получил свой региональный кадастровый индекс — К-25, под которым числится и сейчас. Выработки в то время не сильно отличались от того, что было в 1944 г. Хотя и прибавились новые участки каменоломен, т. к. с 1949 г. в этой шахте шла интенсивная добыча камня, продолжавшаяся до 1977 г. Изменения в выработках этого района начали происходить в 1980-х гг., во время начала строительства многоэтажных жилых домов в поселке. Тогда буровыми скважинами были найдены неизвестные ранее катакомбы. Они были вскрыты новым шахтным стволом, пройденным «Метростроем» рядом со строящимся домом № 4 по ул. Фруктовой, и затем затампонированы (заполнены водно-песчаной пульпой). Вскоре оказалось, что затампонированные участки отрезали доступ в другие расположенные рядом выработки, над которыми тоже строились дома. По затампонированным выработкам начали прокапывать проходы в еще не закрепленные катакомбы, тampedировать их и... искать подходы к расположенным еще дальше выработкам.

Когда был составлен подробный план катакомб района К-25,

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

---

стало ясно, что эти новые участки выработок в конце 1930-х гг. соединялись с основным районом и во время войны люди могли в них бывать, но они там не жили. Там отсутствуют жилые помещения и следы длительного пребывания людей, есть лишь одна дата на стене — 1941 г.

Известно, что, по крайней мере, до 1972 г. катакомбы района К-25 были сухими. Вода в них была только в подземных колодцах. В 1984 г. некоторые участки этих выработок были уже затоплены. Глубина воды в партизанском лагере около «Взорванного ствола» достигала 1,2 м. От воды до потолка оставалось 0,7 м. и выработки продолжали затопливаться. В последующие годы уровень воды поднялся еще примерно на 1,9 м. что видно по стенам выработки. Потом вода ушла, и там, где глубина была 1,2 м. сейчас (в 2013 г.) осталась только лужа глубиной не более 0,1 м. После понижения уровня воды начались сильные обрушения кровли, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. привело к образованию провала в днище балки. Вся вода, собираемая балкой с окрестностей, ушла в катакомбы. В выработки попало 90 тыс. м<sup>2</sup> ливневых вод, несших с собой массу грязи и всевозможного легкого хлама — деревяшек, бутылок и т. п. Весь район катакомб оказался полностью затоплен грязными поверхностными водами. Когда вода ушла, выработки оказались заилены черной влажной грязью — и стены, и дно. Стены остались покрытыми, как краской, черным слоем грязи толщиной 0,5 см. на высоту 1–1,7 м от дна. Толщина слоя грязи на дне — от 0,1 до 1,5 м. То есть все, что лежало в выработках, теперь находится под слоем грязи. Этой участи не избежали и партизанские лагеря.

В 2012 г. мы увидели сплошь заиленные грязью выработки с большими площадями завалов, которые во многих местах оказались совершенно непроходимыми. Обрушения завалили часть помещений партизанских лагерей, грязь покрыла сохранившиеся их участки. Сплошные завалы перекрыли прямые пути — выработки, по которым перемещались между лагерями партизаны в 1944 г. Кроме того, как уже упоминалось выше,

какая-то часть лагеря, расположенная около «Взорванного ствола», оказалась затампонированной песком. Из семи входов в катакомбы Авангарда, существовавших во время войны, не осталось ни одного (в 1971 г. их было два, в 1985 г. — один). Полностью были смыты водой и заилены грязью надписи на стенах выработок, сгнили в воде и поржавели еще оставшиеся в катакомбах материальные остатки военных событий. Сохранились только самые стойкие материалы — стекло, фаянс, металлические предметы.

Таковыми предстали перед исследователями «авангардовские» катакомбы и расположенные в них партизанские лагеря в 2012 г. Понимая, что процесс уничтожения этих катакомб неизбежен, мы постарались собрать максимум фактической информации. Ведь произойдет еще один—два провала и затопления, и под землей не останется следов военной поры. В 2012—2013 гг. нами был обследован весь еще доступный лабиринт катакомб. Закартированы участки, по которым не было планов, подкорректированы имеющиеся планы, добавлены на них выработки с сохранившимися архивных планов, и в результате был получен сводный план катакомб этого района.

Лабиринт катакомб оказался огромным, протяженностью примерно 32 км (протяженность—это величина, показывающая длину всех подземных выработок района катакомб, если их условно вытянуть в одну линию), из них в 26,8 км выработок удалось проникнуть и обследовать их. Для сравнения: самый большой полностью обследованный лабиринт катакомб в Одессе — К - 21 (район Французского бульвара) — имеет протяженность 22,8 км. Кроме составления планов, была проведена фотофиксация (более 700 снимков), видеосъемка, сделано описание жилых помещений, визуальное и с помощью металлоискателей проведен поиск на местах подземных лагерей.

Перед тем как перейти к результатам исследований 2012-2013 гг., необходимо рассказать о первых попытках изучения этих катакомб. Как уже упоминалось, первые исследования катакомб (с исторической точки зрения) были начаты 11 сентября

1971 г. группой поисковцев под руководством Л. Ашкалуненко. В группу входили С. Ашкалуненко, А. Мурашев и Л. Лагутин. В первый же выход под землю был обнаружен подземный жилой лагерь, расположенный около «Взорванного ствола» в северной части катакомб. Вскоре был найден второй лагерь, расположенный южнее первого.

Выходы в катакомбы происходили каждую субботу и воскресенье. Всего было сделано пять выходов. Спускались через открытый шахтный ствол. Наклонка обычно была закрыта на замок, так как в те годы совхозная шахта «Авангард» еще работала. Шли обычно на сутки: заходили днем в субботу и поднимались на поверхность в воскресенье после обеда. Выходные были удобны и тем, что под землей исследователи не встречались с шахтерами, которые, хотя и не запрещали ходить по катакомбам, но и не приветствовали это, особенно в действующей части шахты.

Спали и ели поисковцы под землей, водой пользовались из подземного колодца. База — оборудованный под жилье тупик — находилась недалеко от партизанского лагеря. Спали в спальных мешках на туристических раскладушках. Во время работы и передвижения по катакомбам поисковцы освещали путь шахтерскими аккумуляторными светильниками — «коногонками», а на базе и на привалах — свечами. Группа документировала свои действия — велся дневник, составлялся список находок, проводилась фотосъемка, была составлена схема партизанского лагеря, схематический план центральной части катакомб, сделана съемка хода от входа в катакомбы через наклонку до «Взорванного ствола». Работы велись тщательно и грамотно, чего в большинстве случаев в те времена не делалось. По результатам работ группы Ашкалуненко сохранились схемы, списки находок, дневник, некоторые фотографии, которые были любезно предоставлены авторам статьи братьями Ашкалуненко.

С. Ашкалуненко встречался с некоторыми участниками военных событий, в том числе с начальником штаба отряда Шинкаренко, и вел его опрос. К сожалению, записей не сохранилось, и

мы можем воспользоваться только тем, что сохранила память С. Апкалуненко. Но хотя это сведения «из вторых рук», они дополняют данные письменных источников.

К сожалению, работы по изучению катакомб Авангарда в 1970-е гг. прекратились (из-за того, что катакомбы этого района посещались вне плана работ КМЭ «Поиск», а значит – незаконно). После группы Л. Апкалуненко выработки несколько раз в 1972-1973 гг. посещали и другие группы. Работавшая здесь группа П. Лавренко сделала хорошую однолинейную схему всей доступной части катакомб, но историей не занималась (однолинейная схема – это показанные на плане оси выработок без указания их ширины, абриса и подробностей, просто линия, показывающая направление и расстояние).

В конце 1984 г. К. Пронин и П. Лавренко вели в этих катакомбах геолого-маркшейдерские работы по запросу Горно-строительного специализированного управления.

Тогда был составлен уточненный план северо-западной части катакомб, попутно нанесен на план партизанский лагерь около «Взорванного ствола», зафиксированы на плане некоторые интересные надписи на стенах. Но более серьезных археологических работ не проводилось, т. к. лагерь уже был полностью затоплен подземными водами. Потом всякие работы и посещения этого района прекратились, и до конца лета 2012 г., когда район К – 25 был вскрыт шурфом, не проводились.

Вместе с геолого-маркшейдерскими изысканиями, проводившимися в каменоломне по заказу Авангардовского поселкового совета, были проведены комплексные работы по исследованию катакомб, включившие в себя и археологическое обследование места базирования партизанского отряда. Пользуясь богатым многолетним опытом работы в других подземельях и привлекая к этим работам специалистов разных профилей и современное оборудование, невзирая на сложные условия, был выполнен комплекс работ по документированию сохранившихся участков подземных лагерей района Авангард. Во время картирования катакомб геологами на план наносились все

жилые помещения и места находок артефактов, имеющих отношение к партизанам. Параллельно проводилась фотосъемка. При создании плана зоны жилых лагерей выделялись, выделенные фрагменты печатались в более крупном масштабе и передавались историкам. Историки, используя хорошие планы с вынесенными на них границами стоянок, методично занимались их изучением, описанием и фотофиксацией. Исследование стоянок проводилось визуально и с помощью металлоискателей. На крупномасштабный план наносились дополнительные схемы отдельных жилых помещений с указанием перегородок, спальных нар, столов, мест находок и прочих деталей, представляющих интерес для исследования. Планомерная работа специалистов разного профиля позволила получить объективную археологическую информацию об исследованных участках подземных партизанских лагерей.

В катакомбах совхоза «Авангард» и Ленинского поселка было найдено два удаленных друг от друга на 350 м больших жилых комплекса — лагеря. Под землей, по выработкам, во время войны расстояние между ними было 550 м. Сейчас по этим путям ни пройти, ни даже проползти нельзя — они перерезаны сплошными завалами. Современный путь между лагерями составляет 700 м, причем по нему не везде можно пройти в полный рост, кое-где приходится ползти на четвереньках. Один из лагерей, назовём его «Северный», расположен в северной части района катакомб, то есть на его контуре — в районе «Взорванного ствола», который является основным ближайшим входом в этот участок и фактически расположен на территории лагеря. В свою очередь, «Северный» лагерь четко делится на две части: ближнюю - расположенную непосредственно около «Взорванного ствола», и дальнюю - расположенную в глубине выработок, юго-западнее. Эти участки соединяются между собой одним ходом длиной 110 м.

На самом длинном прямом участке этого хода поставлена защитная стенка, защищающая лагерь со стороны входа-ствола. Защитное сооружение не обычное для катакомб — не попере-

чная стенка-баррикада, а продольная, резко сужающая ход до 0,8 м ширины (длина его — 4–5 м), поэтому проходить через нее можно только по одному. Из этого узкого прохода легко стрелять. В то же время со стороны входа она не бросается в глаза.

Где-то в 25 м за стенкой четко видна небольшая ниша — постовое помещение, в стенках его вырублены ниши для ламп. Продолжительное время постом не пользовались, т. к. нет обильной копоти и других следов жизнедеятельности. В 20 м от поста находится небольшой тупик (сейчас заваленный) со следами его оборудования под жильем. Еще западнее находится непосредственно дальний участок, состоящий из нескольких тупиков и соединяющих их выработок. Все тупиковые и проходные выработки использовались под жилье. Здесь сохранились высокие каменные нары большого размера, на которых могло сразу спать много людей — по 10–20 человек. В некоторых тупиках стоят железные кровати. В стенах было вбито множество гвоздей, на которых вешали вещи, спасая их от песка и сырости, и продукты — от крыс. В одном из тупиков сохранилась глубоко выцарапанная надпись, датированная апрелем 1944 г. К сожалению, участок сильно заилен и завален, а надписи, сделанные углем, смыты водой.

Во время исследования дальнего участка в 2013 г. было найдено несколько русских и немецких винтовочных гильз и эмалированных кружек. Но, по записям Л. Апкалуненко, здесь раньше находили много остатков военного снаряжения и патронов. На его схеме (сделанной, очевидно, со слов Шинкаренко) этот участок обозначен как «штаб». Судя по всему, здесь находились основные боевые подразделения отряда, в том числе и штаб. Это подтверждается наличием больших нар, как в солдатских казармах. Лагерь находится в глубине выработок, удален от входа, но имеет прямые соединения с обоими выходами, обеспечивающими быстрый и простой выход на поверхность, что в условиях несомненного дефицита освещения (не у каждого был фонарь) было особенно важно.

Протяженность выработок, использовавшихся под лагерь

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

дальнего участка, составляет 400 м (без караулок и «баррикады»), площадь — 1200 м<sup>2</sup>, объем — около 2300 м<sup>3</sup>. Воздухообмен должен быть хорошим, т. к. неподалеку находятся два выхода. Судя по сохранившимся и по предполагаемым (теперь заваленным) нарам, здесь могло проживать ок. 80–150 чел. Ближний участок северного лагеря расположен непосредственно около «Взорванного ствола». Жилые помещения, оборудованные нарами, начинаются прямо от ствола. Одним ходом этот участок соединяется с дальним участком лагеря, другим, идущим в восточном направлении, — с другими выработками. Так как там находятся непроходимые завалы (они были еще в 1971 г.), сказать, куда вели эти ходы, нельзя. Но в осмотренных их частях жилых помещений нет. Защитные сооружения, отделяющие этот лагерь, найдены не были.

Протяженность выработок ближнего участка — 510 м, площадь — 1770 м<sup>2</sup>, объем — 3400 м<sup>3</sup>. Воздухообмен хороший — рядом есть ствол и два соединения с другими районами катакомб. Сейчас этот участок выработок сильно изменился. Восточный тупик, где был тир и лазарет, затампонирован, ствол и подходы к нему полностью завалены. Этот завал отрезал проход в западную часть выработок, где был еще один тир, а также находились жилые помещения. Участок к югу от ствола задавлен, высота выработок уменьшилась до 0,9–1,2 м. Но каменные нары на дне сохранились. В 130 м (по выработкам) от «Северного» лагеря находится одиночный жилой забой с каменными нарами и столом. Что это — стоянка 1941 г., комната для секретных переговоров или жилье какой-то группы людей, сказать пока нельзя.

Вторая большая группа жилых помещений, т. е. лагерь, названный нами «Южным», расположен в 350 м к югу от первого лагеря, или в 600 м, если считать по выработкам. Ближайший вход — шахтный ствол — находится в 70 м от исследованной части лагеря. Это — самый дальний от «Взорванного ствола» вход в «авангардовские» катакомбы. Скорее всего, подземный лагерь начинался у самого ствола, но из-за сильных обрушений

проследить полностью границы жилого лагеря мы не можем, многие его участки отрезаны непроходимыми завалами. Обследованная часть подземного лагеря имеет протяженность 930 м, площадь его составляет 2800 м<sup>2</sup>, объем — 5600 м<sup>3</sup>. Не менее четверти помещений лагеря (а скорее, гораздо больше) отрезано завалами. Между этими двумя крупными лагерями есть несколько одиночных жилых забоев, есть они и около наклонки. Возможно, часть из них являлась постами, а часть — жильем каких-то отдельных групп.

На территории «Южного» лагеря находится подземный колодец с питьевой водой. Второй колодец с водой располагается около наклонки, вне расположения жилых лагерей, но достаточно близко от них. Глубина колодцев от дна выработок до воды — около 2 м. Воды из этих колодцев хватало для питья укрывающихся в катакомбах людей, хотя некоторые архивные источники сообщают, что воду брали с собой. Колодцы имели дебет 2000 л в сутки каждый, то есть были в состоянии обеспечить водой не менее 1000 чел. (исходя из нормы 2 л воды в день на 1 чел.).

«Южный» лагерь был гораздо больше по площади, нежели «Северный», и, судя по количеству жилых помещений (и нар в них), здесь находилось гораздо большее количество людей, чем в «Северном» лагере. Это вполне сходится со сведениями, полученными Л. Ашкалуненко от Шинкаренко, что в этом, «Южном», лагере размещалось мирное население, а боевой отряд базировался около «Взорванного ствола». Сопоставляя архивные документы и результаты фактических исследований в катакомбах, полностью подтвердилась информация о базировании в катакомбах поселка Авангард партизанского отряда и ведение им боевых действий против оккупантов.

Отряд совхоза «Авангард» (для краткости будем называть его так) относится к так называемой второй волне партизанского движения, датированной концом 1943 — весной 1944 г. Весной 1944 г. жители Ленинского поселка (Ленпоселка) сформировали партизанский отряд, довольно большой по численности — около сотни

человек. Архивные данные не дают какого-то единого конкретного списка с точным числом подпольщиков, в разных списках указано разное количество людей: от 90 до 112. Например, «Список подпольщиков, работавших на Ленинском поселке в районе совхоза «Авангард», составленный 5. XI. 1962 г. непосредственным руководителем отряда Е. П. Баркаловым, включает в себя 90 чел., 7 из которых вычеркнуты чернилами другого цвета [1. 18 - 20]. И что имели в виду те, кто вычеркивал, непонятно: то ли этих людей совсем не было в отряде, то ли они были, но состояли в какой-нибудь другой группе и по ошибке были приписаны сюда. По другим официальным данным, список отряда состоял из 112 чел.

В сборнике документов и материалов «Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза» указано: «По приказу т. Баркалова 109 партизан во главе с Кирсановым напали на эту немецкую часть...» [2. 190]. В книге В. Егорова и Н. Зотова идет речь о 107 партизан: «К началу апреля отряд вырос до 107 человек» [3. 222]. В сборнике документов и материалов «Одесская область в Великой Отечественной войне», вообще нет сведений о количестве партизан авангардовского отряда, а указаны лишь их боевые действия, да и то не все, а самые значительные, такие как бой с военной частью противника 8—9 апреля 1944 г.

Не стоит забывать и о перешедших на сторону партизан словаках (иногда в воспоминаниях партизан их называют «чехословаки» или даже «чехи» — по названию существовавшего в 1918—1938 гг. государства). Кстати, их число тоже довольно сильно разнится. Например, по воспоминаниям Е. П. Баркалова, их было восемь: «...Авдеев мне сказал, с чехами я займусь сам, а этих 8 человек, что с тобой знакомые, пусть будут в вашей катакомбе» [4. 217].

В «Отчете подпольно-партизанской группы Ленинского поселка Ильичевского района г. Одессы в период Великой Отечественной войны» фигурируют уже другие данные: «...связные разведки Марченко и Синякова ... сагитировали чехов-солдат в количестве 15 человек, которые полностью перешли с оружием

в катакомбу и позже участвовали в боях против румын и немцев. Они же принесли много боеприпасов и медикаментов» [5. 26].

Вначале отряд «Авангард» - маленькая группа патриотов, возглавляемая И. С. Кирсановым. О И. С. Кирсанове известно совсем немного: проживал в районе Ближних Мельниц, работал часовых дел мастером, неплохо знал катакомбы под совхозом «Авангард». Одна из участниц отряда, Марченко-Велинова А. Н., в своем дневнике писала о нем: «Кирсанов сказал так: скоро мы пойдем в шахту-каменорезку в Ленинский поселок, совхоз «Авангард», а ты останешься на поверхности, как молошница, и будешь доставлять разведку в Ленинский поселок, совхоз Авангард, где и связал меня с конспиративной квартирой тов. Чумаченко...» (авторские стилистика и орфография сохранены). По воспоминаниям еще одного организатора подполья «Авангарда» Шинкаренко М. Н., «...в 1942 г. в феврале месяце в районе Ленинского поселка появился Кирсанов, который стал руководить всей нашей подпольно-диверсионной работой» [5. 77].

Известно, что в авангардовских катакомбах в 1944 г. также базировалась патриотическая группа Ясинского, которая с января использовала эти катакомбы как укрытие. Позже эта группа волилась в партизанский отряд Ленпоселка.

Еще одним организатором отряда был М. Н. Шинкаренко, «бывший командир «красной» шахты совхоза «Авангард» (выписка из отчета Шендерука В. К., одного из членов отряда) [5. 22]. То есть Шинкаренко был местным жителем и хорошо знал «авангардовские» катакомбы. И именно он получил от одного из десантников-парашютистов группы Авдеева-Черноморского, Баркалова Е. П., указание подготовить катакомбы и создать партизанский отряд. Об этом рассказывается в «Отчете подпольно-партизанской группы Ленинского поселка Ильичевского района г. Одессы в период Великой Отечественной войны»: «Так, члены группы под руководством тов. Шинкаренко М. Н. ...осмотрели и привели в годность забои каменных карьеров шахт совхоза «Авангард» и Ленинского поселка, а также подготовили запасные выходы и входы для боевых действий и забои для укрытия населения от угона в рабство и террора» [5. 26].

Основное же руководство партизанским отрядом Ленинского поселка взял на себя Е. П. Баркалов, один из десяти членов парашютно-десантной группы В. Д. Авдеева-Черноморского. Как известно, десант был сброшен в январе 1944 г. недалеко от с. Осиповки Одесской области. «В лесу мы были восемь дней. — Вспоминает Е. П. Баркалов в своем отчете. — 23 января мы получили распоряжение покинуть лес и разойтись по местам, указанным Авдеевым (а это были разные места — Прим. авторов), сам он (т. е. Авдеев — Прим. авторов) пошел на время в Тирасполь» [4. 213].

Так получилось, что вместе с Е. П. Баркаловым пошла Дора Мамедова, позже известная партизанам как Вера Мамедова. Шли они через с. Васильевку, с. Татарку, с. Дальник, потом повернули к Ленпоселку: «Я пошел к г. Одессе, но по дороге ездили в разных направлениях обозы неприятеля, я добрался до Ленинского поселка», рассказывал Е. П. Баркалов. Уже в поселке они с Дорой увидели двух женщин, заговорили с ними и сумели попроситься ночевать к одной из этих женщин — Любви Пахомовой [6. 22]. Об этом рассказывал в одной из бесед с партийным руководством И. С. Дроздов, командир партизанского соединения имени Сталина, куда формально входил и авангардовый отряд. На вопрос «Как вы устанавливали связь с десантниками?» он ответил: «Ко мне пришел Кирсанов, это из руководящей десятки, и говорит, что жена моего товарища Жиганова была у Любы Пахомовой, которая живет на Мясоедовской. Пахомова говорит, что привела мужчину и женщину, причем как будто советские люди, ...говорят, якобы парашютисты». А не провокация ли это, задумался Дроздов, но по долгом размышлении решил: «Ну, что будет, то и будет. Пошел туда я, Кирсанов и Жиганов. Там, на квартире, — девушка лет двадцати двух низкого роста — Дора Мамедова, мы ее тогда звали Вера, и Баркалов Емельян Павлович — пожилой мужчина лет пятидесяти. Говорят, что есть задание, и что они — люди советские, с Большой Земли, и их командир должен на днях прибыть». Естественно, сначала им не очень-то поверили, но после некоторого времени убедились, что они действительно не предадут [7. 129].

После этого Шинкаренко и еще несколько человек, среди которых был и Щербина Дмитрий (отчество неизвестно), знающий «полностью на пять шахту совхоза и Ленпоселка и их хода соединений», по воспоминаниям одного из участников отряда — Шерена Н. М., получили приказ от Авдеева (через Баркалова) подготовить катакомбы к спуску партизан и укрытию местного населения. Шинкаренко был назначен начальником штаба отряда.

Подготовка началась в конце января и продолжалась до марта 1944 г. Заготавливать нужно было все: оружие, горючее, продукты, одежду, лекарства и другое. О процессе заготовки всего необходимого пишет в своем отчете Шендерук В. К.: «Шинкаренко с другими товарищами была поставлена задача заготовить продуктов и горючего для партизанского отряда и мирного населения, которое скрывалось в катакомбах от немецких захватчиков» [5. 22].

Первым делом озаботились оружием. Добывали его по-разному: что-то десантники принесли с собой, небольшим количеством поделились партизаны других отрядов. Часть оружия добывали во время нападений на отдельные группы вражеских солдат: «В январе 1944 г. группа партизан из 6 человек под командованием командира Шинкаренко вышла на задание по добыче боеприпасов. Нами были захвачены два немецких солдата и ящик с патронами», - вспоминал В. К. Шендерук [5. 22].

Кроме оружия, необходимы были и продукты питания. Вот как вспоминает об этом Н. М. Шерен: «Идем до дому, дядя Алеша и каже ты стрыляты думаеш бо винтовки заготовылы а як прейдется круто и ты втечеш в шахту то, чога там будеш їсти, а не ты одын там будеш...». После размышлений на тему, что им делать, Шерен встречается с Шинкаренко и задает этот вопрос ему: «...и вин каже, нужно тоби с Володей Долгим пидийты до Кучерявого...И тут мы стали как два ишака... Ночей нам совсим стало мало, а дни булы годамы. Таскалы на горбу: крупы, сало, муку, мыло, хлиб, который, якато жинка тамже в шахте ризала и сушила сухари...» (авторские стилистика и орфография

сохранены) [5. 43]. Еще один способ заготовки описал участник отряда Волошин А. А.: «Спускаясь в катакомбы, брали сахар, хлеб, сухари, воду, света там совершенно не было, продуктов в катакомбах также не было. Надо было все брать с собой» [7. 164].

В «Отчете подпольно-партизанской группы Ленинского поселка...» указано, что спустившись в катакомбы, «...подпольный партизанский комитет имел в своем распоряжении оружия: винтовок — 113 шт., автоматов — 27 шт., гранат — 850 шт., патронов разных — более 3 тысяч шт., ручной пулемет — 1 шт., станковый пулемет — 1 шт. Горючего — около 3 тонн. Продовольствия разного: крупы, муки — около 3 тонн, мяса — около 2 тонн, жиров — около 200 кг» [5. 26].

С течением времени отряд становился все больше, приходили новые люди, которых тщательно проверяли. Приходили не только люди, готовые стать партизанами, а значит, подчиняться командованию и выполнять различные задания, но и всевозможные «посторонние», намеревающиеся просто укрыться, переждать опасность под землей.

Об этом в одной из бесед с партийными органами упоминал партизан-подпольщик Волошин А. А.: «В катакомбы начали спускаться разные люди, не только те, которых мы знали. Спускались те, которые боялись за свою шкуру, спустилось около 350 человек, из них 200 человек разные, которых мы и не знали. Начали сортировать людей в катакомбах. Из катакомб мы не выпускали из непроверенных ни одного человека, так как знали, что нас могут предать. Тот, кто вошел в катакомбы, должен был сидеть там до окончания всех действий...» (авторские стилистика и орфография сохранены) [7. 164]. Видимо эти люди и находились в «Южном» лагере.

С конца марта 1944 г. партизаны стали активно проводить агитацию среди местного населения, разбрасывали и расклеивали листовки, саботировать приказы румын, вредить оккупантам и т. д. Партизаны прятали в катакомбах жителей Ленинского поселка, признанных «неблагонадежными» или «подозрительными» и боявшихся за свою жизнь. Были еще и пленные, которых тоже

нужно было и разместить, и накормить. Заготовленных запасов скоро стало не хватать. Об одном из способов добычи провианта вспоминает Дроздов С. И., руководитель другого партизанского отряда, связанный с отрядом Баркалова, а потому знавший, что происходит в «авангардовых» катакомбах: «На Ленинском поселке был Баркалов. Там были наши люди. Там был крепкий организатор Луканев — кандидат партии, он спас много зерна... Ему было дано задание — дать продовольствие для организации, он беспрекословно выполнял. Спас многих...» (авторские стилистика и орфография сохранены). Также упоминается и тот факт, что партизаны «кормили свой народ из чехословацких кладовых». Имеется в виду, что перешедшие на сторону партизан словаки сумели принести часть необходимых продуктов.

Еще одним способом добычи продовольствия было нападение на неприятеля: «Выходили вечером группами. Шла машина, мы ее останавливали, шофера и кто там был, мы снимали, а продукты забирали к себе, и если было оружие, также забирали к себе. Таким образом, мы забрали четыре автомашины. Это были автомашины отходящих...». Отряду помогали жители Ленпоселка и Татарки: «Жители тоже помогали. У нас была своя выпечка коржей, мы их продавали, и покупали другие продукты для тех, которые нуждались» (из отчетов Дроздова С. И.) [7. 164].

Подобным образом продолжали добывать и вооружение, о чем упоминала А. Н. Марченко-Велинова Она рассказывала о том, как вместе с еще двумя девушками по имени Оля и Зина, а также с И. С. Кирсановым и еще несколькими людьми сумела «арестовать и увести в катакомбу» румынского жандарма, раздобыв ящик патронов. Подобные операции производились практически каждый день — два, на протяжении всего существования отряда.

В уже упоминавшемся «Отчете подпольно-партизанской группы Ленинского поселка...» указывается, что партизанским штабом данного отряда были организованы: а) группа диверсий на железной дороге (командир — Савченко М.), б) группа разведчиков (командир — Кирсанов И. С.), в) комендантский взвод

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

(командир — Куртометов Г. А.), д) рота (вряд ли именно рота, скорее группа) для боевых действий с немецко-румынскими захватчиками (командир — Маниленко А.), е) хозяйственная группа (командиры — Луканев Д. Н. и Ясинский А. У.).

По отчетам партизанских групп и отрядов, составленным в середине 1960 г. (много путаницы было в отчетах как послевоенных (1945—1947), так и более поздних: кто-то не был указан в списках партизан или был указан дважды и т. п.), известно, что партизанский отряд совхоза «Авангард» и Ленинского поселка входил в партизанское соединение имени Сталина, в которое входило еще несколько групп и отрядов.

За короткое время с момента своего прибытия в Одессу десантники сумели наладить разветвленную подпольную сеть, что вызывает сомнения, тем более оправданные, что вскоре после своего прибытия командир десантников В. Д. Авдеев трагически погибает. В то же время не вызывает сомнений тот факт, что практически все указанные группы действительно существовали и действовали, пусть только в меру своих скромных сил. Спорными выглядят утверждения, что все эти группы и отряды действовали сообща. Логичным представляется, что они все же действовали автономно, порой друг о друге даже не зная, и только в середине 1960-х гг. исследователи искусственно их объединили в одно большое «соединение».

Началом боевых действий отряда можно считать прибытие группы парашютистов В. Д. Авдеева. Среди парашютистов был и Емельян Павлович Баркалов, возглавивший впоследствии партизан совхоза «Авангард». Начальником штаба отряда был назначен Шинкаренко, а И. С. Кирсанов продолжил командовать разведгруппой. Однако разведгруппа Кирсанова иногда, в источниках и литературе, выступает в качестве боевой группы. Выходит, отряд иногда действовал отдельными группами.

2 апреля 1944 г. И. С. Кирсанов вместе со своей группой и командиром еще одной боевой группы Макивенко провели операцию по захвату одиннадцати прибывших в Ленпоселок немецких подрывников. В «Записи бесед с участниками партизан-

ского отряда, действовавшего в Ильичевском районе г. Одессы под руководством Дроздова И. С.» указано: «2 апреля 1944 г. по приказу Баркалова «взять подрывников» велся бой с немецкой командой подрывников. 4 немца убито, 7 взято в плен» [8. 43]. Данные об этом столкновении есть и в сборнике документов «Одесса в Великой Отечественной войне...»: «...Немецкая команда оказала сопротивление. После краткого боя были убиты офицер и 3 солдата. Остальные 7 немцев сдались в плен и были доставлены в штаб. Во время операции партизаны захватили ручной пулемет, 9 винтовок, 2 пистолета, 540 патронов и 2 ракетницы» [9. 190].

На следующий день, 3 апреля 1944 г., группа Кирсанова провела «боевую операцию по разгрому румынского обоза, двигавшегося в направлении к Каролино-Бугазу, в количестве 77 человек».

В упомянутой нами записи бесед указывается, что в этом бою было «отбито 300 советских граждан, уроженцев с. Чубаевка (эта часть отчета — рукописная и название села читается с большим трудом. — Авт.), взяты продукты и 12 человек отряда» (очевидно, вражеского) [8. 27]. Как указано в сборнике «Одесса в Великой Отечественной войне...», эти 300 спасенных оказались «угоняемыми на фашистскую каторгу жителями Николаева». Почему Николаева, если по воспоминаниям партизан, процитированным выше, это были жители окрестных сел г. Одессы? Взяться 300 жителям Николаева под Одессой было просто неоткуда, гнать в Германию их бы уже никто не стал — немцам было не до этого... «300 советских граждан» были уведены партизанами в катакомбы, тем самым увеличивая количество людей, которых нужно было прокормить.

4 апреля около рынка совхоза «Авангард» произошел бой одной из партизанских боевых групп с немецким отрядом, в результате чего было убито 23 немецких солдата, 12 взято в плен, захвачены 2 автомашины. В книге «907 дней в тылу врага» этот партизанский отряд назван «подразделением»: «4 апреля партизанская группа... разгромила немецкое подразделение, которое

расположилось в совхозе «Авангард»... При этом было взято 23 винтовки и 2 автомата» [3. 223]. И снова — количество трофейного оружия не совпадает с количеством убитых и плененных.

5 апреля партизанами было совершено нападение на вражеский обоз, двигавшийся в направлении Овидиополя, в результате чего было взято в плен несколько десятков человек, добыто оружие и продукты. Вот выдержка из отчета о боевых действиях: «Сделано нападение на немецкий обоз в направлении Овидиополя. Приобретено 8 винтовок, 2 пистолета, 2500 патронов. Взят в плен... румыны и добровольцы и продукты» [8. 27].

В тот же день «румынская часть обнаружила центральный вход в катакомбы», очевидно, имеется в виду наклонный шахтный ствол, а возможно, и ствол, позднее названный «Взорванным». Когда проникнуть в катакомбы не удалось (завязался недолгий бой, так ни к чему и не приведший), румыны «пустили газы в катакомбу», но из-за разницы температур эти «газы» не пошли далеко вглубь шахты, а зависли неподалеку от входа наподобие завесы. Как считают авторы статьи, «газами» (о которых вспоминают Баркалов и члены его отряда) были обычные дымовые пашки.

6 апреля группой партизан совхоза «Авангард» и Ленинского поселка была разгромлена так называемая «добровольческая» часть (так называли советских людей, добровольно перешедших на сторону врага). В этом бою было взято в плен 29 «добровольцев», захвачено 29 винтовок. 7 апреля группа Кирсанова напала на группу румынских солдат, грабивших население Ленпоселка. В «Записи бесед с участниками партизанского отряда, действовавшего в Ильичевском районе г. Одессы под руководством Дроздова И. С.» об этом сказано так: «7 апреля группа Кирсанова в Ленинском поселке напала на группу румын, которые грабили население. Убито — 4 румына, взято в плен — 2 румына, добыто 6 винтовок, 1 автомат, 7 тыс. патронов и 6 подвод» [8. 27]. В сборнике «Одесская область в Великой Отечественной войне» также

есть запись об этом инциденте: «7 апреля группа Кирсанова разгромила группу румын, грабивших население Ленинского поселка. Было убито и взято в плен несколько грабителей» [10. 286].

8-9 апреля произошел бой с военной частью врага. Против партизан были брошены 2 танка, 2 бронемашин и артиллерия, но партизаны не отступили. Такова официальная версия... В той или иной форме она кочевала из одного сборника документов и материалов в другой, из одной книги в другую. Вызывает сомнение, но ни в коей мере не умаляет заслуг партизан тот факт, что они знали, что идут в бой против военной части противника. Более логичным выглядит предположение, что партизаны, совершая нападение, не предполагали, что им противостоят воинская часть. А когда разобрались (когда против них были брошены бронемашин и артиллерия), то отступили в катакомбы, так как силы были явно несоизмеримы, а бросать своих людей просто «на убой» Е. П. Баркалов не стал. После этого еще раз была совершенна вылазка на поверхность и произведен продуманный удар по врагу.

Вот что вспоминает командир отряда Е. П. Баркалов: «В 9 часов ночи 8 апреля партизаны в количестве 125 человек пошли на штурм вражеских окопов внезапные удары смутили врага, он растерялся бил по своим и так мы держались до 10 часов утра, потом враг разобрался, в чем дело, и против нас применили пулеметы минометы артиллерию, мы стали отступать правда планомерно чехословакам (так партизаны называли солдат-словаков — авт.) удалось поставить на дороге 8 мин, и когда враг рассчитывал нас уничтожить, два румына подорвались на минах. Потом... чехословак Йозеф Киш отличный снайпер вывел из строя пулеметный расчет и по нас стрельба становилась реже, и как стало темнеть, обратно заняли окопы румынские солдаты... В этом бою мы утратили убитыми 11 человек, 1 командир Савченко Николай, 2 чеха были ранены убито 8 человек добровольцев (имеются в виду люди, добровольно перешедшие на сторону партизан. — Авт.)» (авторские стилистика и орфография сохранены) [6. 220 - 221].

Как видим, предположения авторов статьи касательно данно-

го боя підтверджуються, а дані, вошедші в печатні збірники по «офіційній версії», відрізняються від показаних нами. Факти були подані зовсім інакше, і було неважливо, що така їх інтерпретація суперечить здоровому сенсу (як 125 партизан могли більше суток на рівних битися з «крупною військовою частиною»)...

9 квітня сталося ще одне зіткнення з цією ж ворожою частиною: в час нічного бою партизани змогли взяти в полон «денщика», в відповідь на це ворог сигналював в господарські будівлі совхозу «Авангард» мешканців сусідніх будинків і направив до входу в катакомби одну з місцевих мешканок з ультиматумом «або віддасте денщика, або ми перестріляємо всіх, кого схопили». На таке пропозицію бійці відповіли нападком на ворога, вийдя в тил ворога через інший вихід. Згідно з висловлюваннями авторів статті, в кінці цього бою і став вибух цей вхід в катакомби (через нього внаслідок так і стали називати — «Вибуханий»). Ми передполагаємо, що в вертикальний шахтний ствол, служивший партизанам входом, були кинуто кілька зв'язок гранат, в результаті чого і сталося обвалення його перекриттів і частково облицовки.

Згадуваннями Е. П. Баркалова 10 квітня 1944 г.: «...В чотири години ранку наша розвідка (Кирсанов І., Перков Г., Марченко А., Синякова О., Поляшко З.) зустрілася з бійцями радянської армії у нас свято наших прийшли» (авторські стилістика і орфографія збережені). В цей же день партизани «здавали зброю і полонних», записувалися добровільцями в ряди Червоної армії. В цей і кілька наступних днів всі партизанські відділи Одеси і області здавали первинні звіти про виконану роботу. Згідно з звітом партизанського відділу совхозу «Авангард» вказано, що «...партизани Ленінського поселка зберегли весь сільськогосподарський запас 108 тонн зерна і рогатий скот» [8. 27]. В звіті С. І. Дроздова вказано: «...Саме головне — вони спасли повністю совхоз «Авангард», багато муки, кукурузи, пшениці, м'яса, корів, свиней...» [7. 138], в звіті командира штабу відділу совхозу «Авангард» М. Н. Шинкаренка: «...Парти-

## ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА

занский отряд Ленинского поселка обеспечил жизнь около 5500 человек советских граждан» [5. 28]. Очевидно, в эти цифры спасенных вошли и партизаны, и укрывавшиеся в катакомбах мирные жители, и даже население близлежащих сел: Ленинского поселка, с. Татарка, с. Чубаевки...

Партизаны небольшого по численности, но весьма активно действовавшего отряда, сумели не только выжить сами, но и спасти множество людей, нанести ущерб врагу и помочь своей Родине.

*Рис. 2. Довоенная карта района пос. Авангард. Звёздами обозначены места базирования партизанских отрядов в катакомбах весной 1944 г.*



### Литература:

1. Записи бесед с участниками партизанского отряда, действовавшего в Ильичевском районе г. Одессы под руководством Дроздова С. И. // Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). — Ф. П — 92. — Оп. 1. — Ед. хр. 40.
2. Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов: в 3 т. — Одесса, 1949. — Т. 2.
3. Егоров В., Зотов Н. Бойцы подземной крепости. — М., — 1971.
4. Баркалов Е. П. Организация партизанского движения в г. Одессе // ГАОО. — Ф. П — 92. — Оп. 1. — Д. 234.
5. Решения партийных органов, отчеты, справки, заявления, списки участников партизанского отряда, действовавшего в Ленинском поселке Ильичевского района г. Одессы под руководством Баркалова Е. П. // ГАОО. — Ф. П — 92. — Оп. 1. — Ед. хр. 45.
6. Решения партийных органов, отчеты, справки, списки участников подпольной организации и партизанского отряда, действовавшего в Ильичевском районе г. Одессы под руководством Дроздова С. И. Материалы о парашютно-десантной группе Авдеева-Черноморского В. Д. // ГАОО. — Ф. П — 92. — Оп. 1. — Ед. хр. 25.
7. Стенограммы бесед с руководителями подпольной организации и партизанского отряда, действовавшего в Ильичевском районе г. Одессы под руководством Дроздова С. И. // ГАОО. — Ф. П — 92. — Оп. 1. — Д. 26.
8. Отчеты Гавшина Д. С. (Днепра) и Баркалова Е. П. о подпольно-партизанской борьбе в г. Одессе в феврале — апреле 1944 г. // ГАОО. — Ф. П — 92. — Оп. 1. — Ед. хр. 24.
9. Списки участников подпольной организации и партизанского отряда, действовавшего в Ильичевском районе г. Одессы под руководством Дроздова С. И. // ГАОО. — Ф. П — 92. — Оп. 1. — Ед. хр. 27.
10. Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы. — Одесса, — 1970.

*Ельвіна Сеїтова (Сімферополь)*

*аспірант кафедри історії України Таврійського  
національного університету ім. В. І. Вернадського*

### РЕАЛІЗАЦІЯ ПРОГРАМИ ТРУДОВОЇ МІГРАЦІЇ ДО КРИМУ (1944–1976)

Зважаючи на катастрофічне скорочення чисельності населення Криму після закінчення Великої Вітчизняної війни та депортації кримсько-татарського населення, виявилася необхідність вживання заходів для відновлення демографічного потенціалу, народного господарства та повноцінної життєдіяльності цього краю. У результаті було прийнято рішення заселити півострів колгоспниками-переселенцями з різних областей УРСР і РРФСР.

Переселенське управління при Раді Міністрів РРФСР і Головне управління з організованого набору працівників і переселення родин при Раді Міністрів УРСР при тісній співпраці з Переселенським відділом при Раді Народних Комісарів Кримської АРСР (із 1945 р. — Переселенський відділ Виконавчого комітету Кримської обласної Ради депутатів трудящих) згідно з наказом Державного комітету оборони, повинні були організувати заселення півострова. Успішність цієї політики забезпечувалася, насамперед, завдяки системі пільг, яка спрямовувалася на зміцнення економічної основи та поліпшення побутових умов новоприбулих.

До спустошеного Криму восени 1944 р. стали прибувати перші ешелони з переселенцями. У вересні прибуло 17040 родин (62104 особи) [1. 49]. Окрім людей, яких організовано (як правило, добровільно-примусово) відправляли на півострів, були родини, окремі громадяни, які з власної ініціативи приїжджали на півострів на постійне місце проживання. На кінець 1947 р. прибулих таким способом налічувалося 2337 родин — із 27 областей СРСР [2. 114]. У вересні 1944 р. в райони Криму переїжджали новосели з Вінницької, Житомирської, Кам'янець-Подільської та

Київської областей УРСР; із Брянської, Воронежської областей, Краснодарського краю, Курської, Орловської, Ростовської, Тамбовської областей, Ставропольського краю РРФСР [3].

Про алгоритм організації переселення можна судити на прикладі заселення Куйбишевського району Криму. Тоді було створено Обласну комісію з переселення колгоспників, дані вказівки районам про організацію районних комісій, а також визначався контингент колгоспників і фахівців, відібраних із кожного району, районам були вручені листи про склади родин, які переселялися, обласна комісія прийняла рішення і затвердила графік відправки ешелонів, районні комісії відібрали населення, списки подали до обласної комісії та провели роботу з розрахунку колгоспів із колгоспниками. Переселенцям було видано одноразову допомогу [4].

Постановою Ради Народних Комісарів Кримської АРСР та Обласного комітету ВКП(б) №546/с від 18 серпня 1944 р. було запропоновано райвиконкомам ВКП(б) Алуштинського, Балаклавського, Бахчисарайського, Куйбишевського, Старокримського, Судацького та Ялтинського районів створити спеціальні районні комісії у складі: першого секретаря РК ВКП(б) (голова комісії), голови райвиконкому, завідувача районного земельного відділу та начальника районного відділу НКВС. На ці комісії покладалося керівництво всією роботою з прийому, розміщення і облаштування прибулих колгоспників [5]. Цією ж постановою було наказано «передати землі колишніх татарських, болгарських та інших колгоспів, звідки було проведено спецпереселення», з наявними посівами та насадженнями новоорганізованим колгоспам і закріпити вказані землі за переселенцями вдовічне користування. Житлові будинки та надвірні споруди, передані новоселам, не можна було продавати або здавати в оренду. Зазначені споруди переходили в їхню особисту власність після закінчення п'яти років безперервної роботи в колгоспі [6]. Колгоспникам-переселенцям за єдиною вартістю районного фінансового відділу видавався ручний сільськогосподарський інвентар і предмети домашнього вжитку, які раніше належали спецпереселенцям (татарам, болга-

рам) [7]. У зв'язку з тим, що розселенці прибували з районів несприятливих в епідемічному відношенні, Держсанінспекція і міліція були зобов'язані забезпечити жорсткий контроль над сандезобробкою [8].

Незважаючи на організовану державою систему матеріальної підтримки, значна частина прибулих так і не змогла звикнути до умов Криму і поверталася до своїх старих осель. Однією з головних причин повернення була незадовільна робота Кримського обкому партії і, зокрема – місцевих партійних органів. Так, не були створені міські та районні приймально-розподільні комісії, недостатньо відповідально вирішувалося питання трудового та побутового влаштування. Несвоєчасно та не всім нужденним надавалася грошова допомога [9]. Місцева влада при цьому воліла не розголошувати факти зворотного виїзду новоселів. Саме так учинив заступник голови Бахчисарайського райвиконкому. Тільки пізніше перевіркою вдалося з'ясувати, що за період від 1 січня 1946 р. до 20 травня 1947 р. самовільно вибули 252 переселенські родини [10].

У зв'язку з цим, було прийнято рішення Виконавчого Комітету Кримської Обласної Ради депутатів трудящих, відповідно з яким встановлювався порядок надання матеріалів Виконавчому комітету Обласної ради з надання коштів на фінансування заходів, що стосувалися заселення. Це рішення було прийнято у зв'язку з тим, що Обласний фінансовий відділ та інші обласні відділи, вносячи пропозиції облвиконкому про переміщення коштів на фінансування тих чи інших заходів, не погоджували це питання з установами й районами [11].

Організатори переселення були схильні вважати головною причиною повернення – слабе використання економічних можливостей і природних ресурсів регіону. Крім цих причин, вказувалося «поверхнєве керівництво та формальне ставлення до потреб колгоспників» [12].

Влада вказувала на недостатнє проведення масово-роз'яснювальної роботи та її низький політичний і організаційний рівень. Робота з колгоспниками обмежувалася проведенням осо-

бистих бесід, не проводилися наради активу [13]. Прибуле населення слабо закріплювалося в Криму ще й з причини психологічної складової. Адже на початковому етапі переселенців заселяли в будинки ще недавно депортованих радянських громадян, у яких не проводилося навіть мінімальних перестановок. Значний вплив чинили чутки про те, що скоро кримські татари повернуться і їм доведеться повертати житло. Вручення на безстрокове (довічне) користування землею переселенським колгоспам цілого ряду районів відбувалося повільно та неорганізовано [14].

Як вже зазначалося, крім людей, яких державні інституції організовано та напівпримусово привозили до Криму, були випадки самостійного приїзду населення на півострів. Однак така практика не схвалювалася деякими чиновниками.

Наприклад, на одному із засідань Колегії Переселенського управління при Раді Міністрів РРФСР у грудні 1947 р. висловлювалася думка, згідно з якою небажано було безперешкодно приймати самостійно переселенців до Кримської області з окремих областей (як, наприклад, Грузинська РСР, Приморський, Хабаровський краї, Ленінградська, Московська, Іркутська, Грозненська та ін. області). Це пояснювалося тим, що основна маса самостійно прибулих була не односельцями та не родичами планових переселенців, а «випадковими та неперевіреними особами». До того ж точного обліку такого контингенту родин Переселенський відділ не налагодив, а по 18 районах області абсолютно не проводив [15].

На цьому ж засіданні відзначалася сумнівна робота більшості приїжджких колгоспників, проте було визнано і те, що є такі, які «приїжджають, отримують пільги від держави й назад повертаються». Член колегії Управління т. Биченко зазначав: «Для того, щоб переселенці осіли в Криму, включилися в сільгоспвиробництво та підняли багатства цього краю, потрібно, щоб кожен колгоспник був забезпечений наданими йому пільгами» [16]. Безпосередньо начальник Управління Л. Дмитрієв відзначив, що «Крим — це найважливіший район нашої країни. Ми провели переселення. І так погано вийшло, тому що ми мало приділили увагу цій роботі. Треба перебудуватися, так заселяти не можна!» [17].

Із початку 1950-х рр. заселялися колгоспи та радгоспи 16 районів області: Азовського, Алуштинського, Балаклавського, Бахчисарайського, Білогірського, Джанкойського, Куйбишевського, Ленінського, Нижньогірського, Приморського, Сімферопольського, Советського, Старокримського, Судацького, Чорноморського, Ялтинського. При цьому з особистої ініціативи Г. М. Маленкова – заступника голови Ради Міністрів СРСР, переселяти почали не дрібно-одиначними групами, а цілими бригадами та колгоспами [18].

Із 1954 р. в переселенському процесі розпочався новий етап. Обумовлювався він фактом передачі Криму до складу УРСР. Тенер організацію заселення півострова було передано до компетенції уряду УРСР, і, відповідно, основна маса населення переїжджала на півострів з різних регіонів саме УРСР. Областями наймасовішого набору населення були: Вінницька, Житомирська, Львівська, Полтавська, Рівненська, Сумська, Тернопільська, Харківська, Хмельницька, Черкаська, Чернігівська, Чернівецька [19. 128]. При цьому Головне управління організованого набору робітників і переселення при Раді Міністрів УРСР встановило, що в разі самовільного відходу новоселів із колгоспів Кримської області до закінчення п'яти років роботи, видана колгоспникові одноразова допомога, а також всі раніше списані, у зв'язку з переїздом, недоїмки по податках, страхових платежах і обов'язкових поставках державі сільгосппродуктів, підлягали стягненню. Встановлювався наступний порядок обліку переселенців, які самовільно залишили Кримську область - відділ вів облік людей, які вибули з колгоспів, і направляв списки відділам оргнабору робітників і переселення областей виходу для стягнення з них виданої одноразової грошової допомоги та раніше списаних недоїмок. Розшук вибулих із колгоспів і радгоспів вселення, але не прибулих до місця виходу, мав здійснюватися одночасно відділами областей виходу та Кримською областю [20].

Із 1944 р. до 1951 р. людей заселяли в залишені від депортованих татар та болгар будинки сіл, що мали воду, рослинність, придатні польові землі, присадибні ділянки. До того ж поселення про-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

водилося переважно в гірські та передгірні райони. З 1952 р. переселення здійснювалося і в степові райони області. Для родин новоселів колгоспи й радгоспи стали будувати селища з кількістю від 40 до 150 і більше будинків. У 1956 р. ЦК КПРС і КПУ поставило перед Кримською областю нове завдання – перетворити Крим на область суцільного садівництва та виноградарства. Для того, щоб йти до цієї мети, необхідні були трудові ресурси. Тому, якщо з 1944 р. до 1955 р. приймали щорічно від 2 до 3 тис. родині будували для них від 700 до 2500 будинків, то починаючи з 1956 р. стали збільшувати прийоми переселенців від 4 до 7 тис. родин, а будівництво підняли від 3 до 6 тис. будинків на рік [21].

Головне управління організованого набору робітників і переселення при Раді Міністрів УРСР визначило, що встановлений урядом порядок вселення родин у ті колгоспи й радгоспи, де є вільні будинку, вимагав корінного поліпшення. У провину ставилися не виправдано великі терміни прийому людей; несвоєчасне надання планів Головному управлінню. Також вказувалося, що представники окремих господарств, які направлялися в області виходу для участі у відборі населення, довільно змінювали дані про кількість родин, які підлягали прийому, та терміни їхньої відправки. У зв'язку з цим наказувалося: починаючи з лютого 1964 р. направляти плани-прив'язки переселенців у Головне управління (це робилося для того, щоб припинити їх направлення в області виходу), забезпечити направлення представників господарств в області виходу для участі у відборі родин не пізніше другого числа календарного місяця. Перед виїздом представників в області, з яких повинні були приїжджати люди, необхідно було проводити з ними ретельний інструктаж, який би унеможливив будь-які відступи з їхнього боку від успішного виконання плану-прив'язки [22].

У колгоспах області утворювався пільговий фонд для потреб переселенців. З метою створення найкращих умов для новопривбулого населення, у 1964 р. проводилася значна робота з будівництва установ культурно-побутового призначення. Так, у селах і населених пунктах, де жили новосели, було побудовано 41 до-

шкільний заклад, 42 лазні, 20 шкіл, понад 4 тис. будинків було електрифіковано, до 6895 домівок було проведено воду та понад 5 тис. будинків було озеленено [23].

Враховуючи, що в 1966 р. та в наступні роки, у зв'язку зі зрощенням земель Криму, потреба в кадрах повинна була значно зрости, Облстатуправління вважало за доцільне реалізувати наступні заходи: наказом директора радгоспу або рішенням правління колгоспу в кожному з господарств Криму визначити відповідальну особу з обліку та звітності родин, що прибували; в кожному господарстві для прийому будинків від будівельних організацій і бригад створювати комісію, щоб за наявності будь-яких недоліків призначати терміни їх усунення; вимагати від керівників господарств своєчасно готуватися до прийому переселенців і створювати їм всі відповідні умови; зобов'язати керівників міжколгоспбуду виробляти плани будівництва якісних будинків для новоселів [24].

Незважаючи на те, що в ці роки процес закріплення населення був ефективним, усе ж траплялися факти зворотного виїзду новоприбулих. Вибували, як і раніше, головним чином із господарств, у яких не змогли повністю вирішити проблем із водопостачанням та електрифікацією, а також які мали недоліки в установах культурно-побутового обслуговування населення. Разом із цим значна частина родин вибувала у зв'язку з неякісним відбором в областях виходу. В процесі аналізу складу прийнятих родин було встановлено, що в значній кількості на переселення оформлялися зведені родини. Останні, як правило, були з людей морально нестійких, які негативно впливали на виховання молоді. При цьому працездатні члени таких родин погано брали участь у суспільній праці. Були випадки оформлення по кілька разів одних і тих же родин [25].

У зв'язку зі зрощанням радгоспів, створенням нових колгоспів, збільшенням у них площ винограду, садів, овочів і у зв'язку з розширенням зрошувальних площ водами Північнокримського каналу, а також за рахунок примноження свердловин, значно зростала потреба в робочій силі [26]. Переселення тривало... На півострів заселялися родини з Вінницької, Волинської, Житомирської,

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Закарпатської, Івано-Франківської, Київської, Львівської, Рівненської, Полтавської, Сумської, Черкаської, Чернігівської, Тернопільської та Хмельницької областей [27].

Із доповідної записки «Про становище та перспективи використання трудових ресурсів у Кримській області» випливає, що на початок IX-ї п'ятирічки на території Криму проживало 1587 тис. осіб, або 3,3% загальної чисельності населення УРСР. Співвідношення міського та сільського населення в області визначалося як 58,6% і 41,4%.

У цей період чисельність населення Криму зростала швидшими темпами, ніж населення України загалом. Це пов'язувалося з активним ходом міграційних процесів у Криму. По-перше — за рахунок організованого переселення населення з ряду областей України. По-друге — за рахунок приїзду на півострів з особистої ініціативи. Приплив населення обумовлювався інтенсивним розвитком сільського, перш за все зрошувального землеробства, а також підвищенням рівня індустріалізації: на промисловість на початок IX-ї п'ятирічки припадало  $\frac{2}{3}$  сукупної валової продукції області. За період 1960–1970 рр. при зростанні населення на 40,3%, трудові ресурси зросли на 60,1%, а чисельність зайнятих в суспільному виробництві піднялася до 65,7%. У формуванні чисельності населення механічний приріст перевищував природний у 1965–1970 рр., на його частку припадало 72,3% загального приросту населення [28].

На початок 1974 р. чисельність населення Кримської області склала 1692,9 тис. осіб (без Севастополя), з них 667,6 тис., або 39,5%, припадало на сільську місцевість. Трудові ресурси сільської місцевості склали 357,4 тис. осіб, або 53,5%, до чисельності сільського населення. Із загальної кількості трудових ресурсів 90% були зайняті в суспільному виробництві, 6,9% — на навчанні з відривом від виробництва та 3,1% в домашньому й особистому підсобному господарстві [29].

Відповідно до рішення XXV з'їзду КПРС (1976) і XXV з'їзду Компартії України в Кримській області було вирішено продовжувати подальший процес з інтенсивного розвитку найбільш трудо-

містких галузей сільськогосподарського виробництва (виноградарство, садівництво, овочівництво, ефіроолійні культури, тютюнництво і т. д.). У зв'язку з цим значна частина колгоспів і радгоспів області як і раніше відчувала нестачу в робочій силі. Прогнозувалося, що ця тенденція продовжуватиметься. Одним із мобільних джерел поповнення трудовими ресурсами виробництва області в Х-й п'ятирічці визначалося внутрішньообласне переселення родин із міст, робітничих селищ і райцентрів Кримської області, а також родин, які прибули з інших місцевостей країни на запрошення господарств, яким було встановлено план прийому родин. Усього планувалося переселити за 5 років 10 тис. родин, або по 2 тис. на рік (приблизно 22–23 тис. працездатних) [30].

Зруйнований і позбавлений демографічного потенціалу Крим потребував поповнення людського ресурсу та відбудови народного господарства. У зв'язку з цим владою реалізовувалася переселенська програма, що передбачала систему пільг. Нове населення та їхнє майно безкоштовно перевезли, видали (хоча й не всім) одноразову грошову допомогу. Проте головною, по суті, була необхідність господарсько-побутового облаштування населення. Переселенців у Криму протягом перших 6–7 років розміщували в будинках депортованих народів, видавали новоселам для користування їхні особисті речі та інвентар. До 1951 р. люди переселялися здебільшого в гірські й передгірні райони півострова, а з 1952 р. почали заселяти і степові райони півострова. Тільки у 1976 р. було прийнято рішення задовольняти демографічні потреби регіонів Криму шляхом перерозподілу трудових ресурсів безпосередньо в межах півострова.

### Література:

1. Сейтова Э. И. Миграционные процессы в Крыму в 1944–1953 годах: к постановке проблемы // Матеріали 8-ї Всеукр. наук. конф. «Актуальні питання історії науки і техніки»: всеукр. наук. конф., 17–19 жов. 2009 р. – К., 2009. – С. 49–51.
2. Максименко М. М. Местные Советы Крыма в послевоенный период: 1945–1958. – К., 1972. – 268 с.

## *ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА*

- 
3. Державний архів Автономної Республіки Крим (далі - ДААРК).  
Ф. Р-2888. - Оп. 1. - Спр. 7. - арк. 1–2.
  4. Центральний державний архів громадських організацій України.  
- Ф. 1. - Оп. 23. - Спр. 1320. - арк. 25.
  5. ДААРК. - Ф. Р - 2887. - Оп. 1. - Спр. 1. - арк. 2.
  6. Там само. - арк. 3.
  7. Там само. - Ф. Р – 2888. - Оп. 1. - Спр. 12. - арк. 2.
  8. Там само. - Спр. 1. - арк. 19.
  9. ДААРК. - Ф. Р – 2888. - Оп. 1. - Спр. 4. - арк. 42.
  10. Там само. - Спр. 7. - арк. 9.
  11. Там само. - Спр. 9. - арк. 114.
  12. Там само. - Спр. 10. - арк. 162.
  13. Там само. - Спр. 19. - арк. 3.
  14. Там само. - Спр. 1. - арк. 69.
  15. Державний архів Російської федерації (далі – ДАРФ). -Ф. А –  
327. - оп. 2. - Спр. 445. - арк. 24.
  16. Там само. - арк. 28–29.
  17. Там само. - арк. 32.
  18. ДАРФ. - Ф. А – 327. - Оп. 2. - Спр. 689. - арк. 25.
  19. Максименко М. М. Местные Советы Крыма в послевоенный период, 1945–1958. – К., 1972. – 268 с.
  20. ДААРК. - Ф. Р-3508. - Оп. 1. - Спр. 38. - арк. 66–67.
  21. Там само. - Спр. 95. - арк. 4.
  22. Там само. - Спр. 153. - арк. 13–14.
  23. Там само. - Спр. 159. - арк. 4.
  24. Там само. - Спр. 170. - арк. 11–12.
  25. Там само. - Спр. 185. - арк. 7.
  26. Там само. - Спр. 182. - арк. 24.
  27. Там само. - Спр. 306. - арк. 1.
  28. Там само. - Спр. 322. - арк. 1.
  29. Там само. - Спр. 342. - арк. 1–2.
  30. Там само. - Спр. 373. - арк. 70.

*Артем Филипенко, директор Регионального филиала  
Национального института стратегических  
исследований в г. Одессе*

### ОДЕССКАЯ ОБЛАСТЬ НА РУБЕЖЕ XX-XXI СТОЛЕТИЙ.

#### Часть четвертая

#### ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ 2004 Г.

#### И «ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В кампании по выборам Президента Украины 2004 г. приняли участие 24 кандидата, но основная борьба развернется между двумя кандидатами — премьер-министром Украины, лидером Партии регионов Виктором Януковичем и экс-премьером, лидером блока «Наша Украина» Виктором Ющенко. В. Янукович шел на выборы как представитель «партии власти» и пользовался поддержкой со стороны центральных и местных органов государственной власти, а также местных советов в южных и восточных областях Украины. Кампания проходила в условиях жесткого противостояния и активного использования политических технологий, в том числе черного пиара.

Первый тур выборов прошел 31 октября 2004 г. Выборы завершились практически вничью — по официальным данным, в целом по Украине В. Ющенко получил 39,87% голосов, а В. Янукович — 39,32% голосов от общего числа проголосовавших. В Одесской области в голосовании приняли участие 1 180 929 избирателей. В. Янукович получил 53,4% (630 669 голосов), В. Ющенко - 17,34% (204 861 голосов) [1]. Поскольку ни один из кандидатов не получил 50% + 1 голос, необходимые для победы в первом туре, на 21 ноября был назначен второй тур голосования. В выборах 21 ноября в Одесской области приняли участие 1 322 778 избирателей.

Из них, по данным окончательного подсчета Центральной избирательной комиссии, за В. Януковича проголосовало 896 316 жителей региона (67,76%), за В. Ющенко - 345 191 (26,09%) [2].

В два часа ночи 22 ноября Центральная избирательная комиссия Украины (ЦИК) сообщила, что после подсчета 33% избирательных бюллетеней лидирует премьер-министр В. Янукович с 50% голосов, а В. Ющенко получил 46%. Эти данные расходились с результатами нескольких групп социологов, которые сразу после окончания голосования объявили о победе Ющенко. К середине дня 22 ноября, когда после обработки 99,38% бюллетеней разрыв между В. Януковичем и В. Ющенко оказывается меньше 3%, В. Ющенко заявил о недоверии подсчетам ЦИК и призвал своих сторонников выйти на площадь Независимости. Начинается киевский «майдан», события получившие названия «оранжевая революция».

22 ноября несколько горсоветов на западе страны уже признают законно избранным президентом В. Ющенко. 23 ноября решение исполнять только приказы и распоряжения В. Ющенко как нового президента вынесли: Черновицкий, Ивано-Франковский, Львовский, Тернопольский и Волынский обл.советы [3. 109]. 23 ноября активизируются советы южных и восточных регионов, где получил поддержку В. Янукович. В этот день состоялась внеочередная сессия Одесского обл.совета. В своем выступлении председатель Одесской облгосадминистрации С. Гриневецкий отметил: «... Перед нами возник призрак атаманщины, которая в начале XX века стубила Украинскую Народную Республику. Мы потеряли Украину не хотим. Государство тем и отличается от партизанского отряда, что в нем господствует верховенство закона». Сессия приняла заявление относительно политической ситуации в Украине. Депутаты обратились к представительским органам власти с предложением создать гражданский комитет защиты Конституции Украины, а также к органам местного самоуправления всех регионов Украины с призывом действовать «исключительно в рамках закона, не допускать противоправных действий, направленных на подрыв целостности государства» [4].

В этот же день состоялась XXI внеочередная сессия Одесского гор.совета. В момент начала сессии перед зданием горсовета состоялся митинг сторонников В. Ющенко. Его участники скандировали «Киев — мы с тобой!» и держали плакаты: «Ющенко изберем, Боделана уберем», «Янукович, Боделан — два сапога пара» [5]. Сессия приняла обращение к Президенту Украины Л. Кучме, к органам местного самоуправления, в котором требовала «...сделать конкретные шаги ради мира и согласия в Украине... недопущения реализации призывов оппозиции к массовому гражданскому неповиновению», «принять конституционные меры по сохранению на территории Украины мира, спокойствия, а в случае необходимости принять решение о введении в Украине или в отдельных ее местностях чрезвычайного положения, обратиться в Верховный суд Украины относительно неукоснительного рассмотрения жалоб о нарушениях Закона в отдельных участковых и территориальных комиссиях» [5].

23 ноября на Куликовом поле состоялся многолюдный митинг в поддержку кандидата в Президенты Украины В. Януковича. На нем выступили председатель обл.организации Партии регионов Украины В. Васильковский, проректор Одесского национального университета им. И. И. Мечникова В. Попков, главный врач детской больницы №1 Л. Будяк, митрополит Одесский и Измаильский Агафангел [5]. Участники митинга приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Украина в опасности! Целостность, независимость, единство нашей страны стали разменной монетой в руках так называемой оппозиции в угоду ее болезненным амбициям и политическому бессилию. Высказываем однозначную и твердую поддержку избранному легитимному Президенту Виктору Януковичу. А политическим неудачникам искренне заявляем — реванша не будет!».

24 ноября в 18.30 ЦИК Украины объявил В. Януковича победителем второго тура президентских выборов. В. Ющенко объявляет о создании оппозицией «Комитета национального спасения», который призван «взять на себя защиту демократии в стране». От имени «Комитета национального спасения» он издает

декреты. Так, в первом декрете он призвал народ к защите конституционного строя. В свою очередь, представители оппозиции призвали местные органы самоуправления переходить в подчинение Национальному комитету спасения.

25 ноября Верховный суд Украины запретил публикацию решения ЦИК о результатах выборов. 26 ноября под председательством Одесского городского головы Р. Боделана состоялось общегородское собрание представителей Одесской территориальной громады, которое приняло резолюцию, потребовав принять меры по защите демократии и Конституции Украины, и в то же время провозгласило: «Считаем целесообразным немедленно создать в Одессе отряды самообороны и самозащиты из рабочих, интеллигенции, студентов — всех патриотов города. Обеспечить охрану всех жизненно важных объектов и органов местного самоуправления. Если в Украине побеждают антидемократические националистические силы, настроенные на развал нашего государства, — мы требуем объявления города и всей Одесской области свободной самоуправляемой территорией, на которой действуют распоряжения органов местного самоуправления (Новороссийский край)».

В тот же день вечером губернатор С. Гриневецкий провел собрание депутатов органов местного самоуправления всех уровней Одесской области, сельских, поселковых, городских голов региона. Он ознакомил присутствующих с решением Национального совета по согласованию деятельности общегосударственных и региональных органов и местного самоуправления от 24 ноября 2004 г.

Председатель Одесской облгосадминистрации заявил: «Мы должны называть вещи своими именами. В стране происходит попытка государственного переворота. Оппозиция заблокировала здания Правительства и Администрации Президента Украины. Власть в столице фактически парализована. В некоторых западных регионах областные советы пошли путем создания неконституционных исполнительных органов власти. Это уже не симптом атаманщины, о котором я говорил на недавней сессии

областного совета, это сама атаманщина. И так, страна оказалась не только на грани раскола между Востоком и Западом, но и на грани распада» [6].

Единственным выходом из ситуации, по мнению С. Гриневецкого, могло быть только проведение диалога, который позволил бы решить ситуацию конституционным путем. «Одесситы сделали свой выбор, — отметил губернатор, — и хотя в нашем регионе есть сторонники обоих кандидатов, мы не будем делиться на «оранжевых» и «бело-голубых». Я прошу посмотреть на флаг Одесской области. На нем три ленты — оранжевая, голубая и белая... Это не флаг войны, это флаг примирения». С. Гриневецкий обратился ко всем жителям Одесской области и одесситам с призывом надеть ленты флага Одесской области. В заключение он заявил: «Мы стремимся к миру и согласию. А они возможны только при условии соблюдения Конституции и законов. Сегодня оппозиция пытается разговаривать с властью языком ультиматума. Ответом на это может быть только язык ультиматума. Я заявляю, в случае, если власть в Украине будет захвачена неконституционным способом или прольется кровь, я буду придерживаться статьи 119 Конституции Украины (статья 119 Основного Закона регламентирует прерогативы местных государственных администраций, в частности, она гласит: «местные государственные администрации на соответствующей территории обеспечивают исполнение Конституции и законов Украины, актов Президента Украины, Кабинета Министров Украины, других органов исполнительной власти; законность и правопорядок; соблюдение прав и свобод граждан». - А.Ф.). Мы готовы стать островками законности и правопорядка среди моря анархии».

На собрании выступили также одесский городской голова Р. Боделан, депутат Одесского облсовета, председатель Овидиопольской райгосадминистрации В. Левчук, народные депутаты Украины А. Киссе и И. Резник и другие. Собрание приняло резолюцию: «1. поддержать решение Национального совета по согласованию деятельности общегосударственных и

региональных органов и местного самоуправления от 24 ноября 2004 г. и принять ее к неукоснительному исполнению; 2. проинформировать Президента Украины, Верховную Раду Украины, Кабинет Министров Украины, лидеров оппозиции, Совет Европы и мировое сообщество, что, в случае захвата власти антиконституционным путем, обретает силу решение об учреждении на территории Одесской области территориального образования, которое будет руководствоваться действующей Конституцией и законами Украины» [9]. Как видим, даже при беглом сравнении, резолюция областного собрания была менее радикальной и более выдержанной, чем резолюция общегородского собрания.

26 ноября 2004 г. очередная сессия Луганского обл.совета большинством голосов приняла решение о создании Автономной Юго-Восточной Украинской Республики (ЮВУАР). На следующий день, 27 ноября, внеочередная сессия Харьковского обл.совета постановила, в частности, создать облисполком во главе с председателем Харьковской облгосадминистрации Е. Кушнаревым, создать исполкомы районных советов, подчинить облисполкому областную, железнодорожную милицию, управление МЧС и областную телерадиокомпанию, прекратить отчисление средств в госбюджет, временно прекратить передачи телекомпания «Эра», 5-го и 7-го телеканалов. Совет поручил Е. Кушнареву срочно обсудить с руководителями советов восточных и южных областей и Крыма вопрос относительно создания на базе этих регионов восточно-южной автономной республики. Решение поддержали 50 из 54 присутствующих депутатов.

27 ноября проходит экстренное внеочередное заседание Верховной Рады, которая принимает постановление «О политическом кризисе в государстве, возникшем в связи с выборами президента Украины», признающее недействительными итоги второго тура голосования, а также выражает недоверие Центральной избирательной комиссии в связи с ненадлежащим выполнением обязанностей, предусмотренных Конституцией и

законами Украины. Верховная Рада предложила президенту до 1 декабря внести на рассмотрение парламента представление о досрочном прекращении полномочий членов ЦИКа и внести кандидатуры новых членов ЦИКа, предварительно согласованные с парламентскими фракциями и группами. Парламент предложил В. Ющенко и В. Януковичу провести переговоры с целью преодоления политического кризиса и подписания соответствующего политического соглашения, призвал оппозицию воздержаться от блокирования работы органов государственной власти и управления, коммуникаций и учреждений, обеспечивающих их функционирование. В то же время депутаты заявили о том, что они считают недопустимым применение силы против участников акций гражданского неповиновения.

Президент Л. Кучма разъяснил, что объявить результаты голосования недействительными может только Центризбирком, поэтому решение Рады — «политическое» и правовых последствий не имеет, а председатель ЦИК С. Кивалов заявил, что Верховная Рада по украинским законам не может распустить ЦИК.

Всеукраинский съезд народных депутатов и депутатов местных советов всех уровней, на который съехались ок. 3,5 тыс. делегатов из 17 регионов Украины, состоялся в воскресенье, 28 ноября. Были представлены Донецкая, Днепропетровская, Житомирская, Запорожская, Кировоградская, Луганская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Сумская, Харьковская, Херсонская, Черниговская области, АРК и город Севастополь. В съезде приняли участие сам В. Янукович и мэр Москвы Ю. Лужков. Выступая на съезде, председатель Одесской облгосадминистрации С. Гриновецкий отметил: «Что сегодня происходит в столице? Столица - гнилая, сдалась. Там царит сегодня атаманщина, они разговаривают языком ультиматумов, создают комитеты национального спасения. Я считаю, что на ультиматум мы должны ответить конституционным ультиматумом».

В заключение он заявил: «Я глубоко убежден, что мы должны

сегодня немедленно обратиться к Президенту Украины созвать Совет национальной безопасности и обороны. И чтобы совет национальной безопасности и обороны принял решение дать возможность работать правительству, государственным органам, администрации. Через 2-3 дня зима наступает. Мы обязаны обратиться к Верховной Раде, чтобы в ближайшее время выписала процедуру инаугурации Президента Виктора Федоровича Януковича. Мы должны быть и мы будем выше любой политической шпаны».

Делегаты съезда приняли решение о вынесении вопроса проекта создания ЮВУАР на референдум в случае, если президентом будет объявлен В. Ющенко. Референдум по юго-восточным регионам был запланирован на 12 декабря 2004 г., а в Донецке — на 5 декабря. Также было принято решение о создании Межрегионального совета органов местного самоуправления украинских регионов.

3 декабря Верховный суд Украины частично удовлетворил иск В. Ющенко, признав, что украинский Центризбирком нарушил 6 статей закона о ЦИК и 8 — закона о выборах президента. Суд счел невозможным «установить результаты реального волеизъявления избирателей», отказал в признании В. Ющенко президентом по итогам первого тура (поскольку 31 октября ни один из кандидатов не набрал более 50% голосов) и назначил переголосование второго тура на 26 декабря.

4 декабря в Харькове прошел Всеукраинский съезд советов, в котором приняли участие и представители Одесчины. В его работе приняли участие 1182 депутата всех уровней из Донецкой, Днепропетровской, Житомирской, Запорожской, Кировоградской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Закарпатской, Черкасской областей, Автономной Республики Крым и города Севастополь. Девиз этого съезда: «За Украину! За конституционный порядок!» Съезд был уже менее радикален, чем съезд в Северодонецке. На съезде выступил председатель Одесской облгосадминистрации С. Гринеveckий.

В принятой съездом резолюции содержались предложения разработать и провести административно-территориальную реформу, положив в ее основу принцип финансово-экономической самодостаточности территорий. Депутаты местных советов предложили ввести в Украине принципы и стандарты европейского сообщества относительно регионального управления через децентрализацию власти, создание исполнительных органов районных и областных советов, переход на избрание руководителей региональной власти всем населением, оставив за государственными администрациями контрольно-наблюдательные функции. В резолюции содержалось предложение размежевать компетенцию и источники доходов общин населенных пунктов, районов и областей, децентрализовать налоговую систему с закреплением за каждым уровнем местного самоуправления собственных видов налогов...

8 декабря Верховная Рада большинством голосов приняла поправки к Конституции, превращающие Украину в парламентскую республику. За их поддержку оппозиция во главе с Виктором Ющенко получила закон, легализующий «третий тур» президентских выборов. На заседании Рады приняли участие 442 депутата из 450 и Президент Украины Леонид Кучма. При необходимых 300 голосах за принятие согласованного пакета из трёх законов голосуют 402 депутата. Первый закон вносит поправки к Конституции, перераспределяющие полномочия между президентом, парламентом и премьером. Вторым легализовал «третий тур» (назначенное на 26 декабря переголосование второго тура президентских выборов) и сократил возможности голосования на дому и по открепительным талонам. Согласно третьему, президенту было предоставлено право назначать местных глав по представлению правительства.

Согласно внесенным изменениям, был увеличен срок полномочий Верховной Рады с четырех до пяти лет. Украина становилась парламентско-президентской республикой. Кандидатуру премьер-министра вносил Президент, но по предложению парламентского большинства. Президент лишился права на

значать членов правительства, ему было оставлено право представлять депутатам министров обороны и иностранных дел.

В выборах 26 декабря в Одесской области приняли участие 1 249 845 избирателей (на 72 933 меньше, чем в 21 ноября 2004 г.). В. Янукович получил поддержку 66,56% проголосовавших (по сравнению с 21 ноября количество голосовавших за него уменьшилось на 1,2%). В. Ющенко получил 27,46% голосов, что на 1,37% больше, чем 21 ноября. В абсолютных цифрах В. Янукович получил 832 008 голосов, В. Ющенко - 343 297. При этом немного уменьшился процент жителей региона, которые проголосовали «против всех» (3,43% 26 декабря против 3,69% 21 ноября, или более чем на 6000 чел.). Версия о имевших место массовых фальсификациях в Одесской области не получила подтверждения.

23 января 2005 г. В. Ющенко официально принял присягу и вступил в должность Президента Украины. 3 февраля С. Гриневецкий был уволен с должности председателя Одесской облгосадминистрации «в связи с окончанием срока полномочий Президента Украины». Новым руководителем региона был назначен Василий Цушко.

### Литература:

1. Официальный веб-сайт Центральной избирательной комиссии Украины: <http://www.cvk.gov.ua/>
2. Там же.
3. Яневський Д. Хроніка «помаранчевої революції». — Харків, - 2005.
4. Одесские известия - 2004 — 25 ноября.
5. Одесские известия - 2004 — 24 ноября.
6. Одесские известия — 2004 — спецвыпуск.

*Дмитрий Урсу,*

*доктор исторических наук,  
профессор исторического  
факультета ОНУ им. И.И. Мечникова*



*ЭМИНЕСКУ В ОДЕССЕ. ГОД 1885*

В первые сто лет своего существования Одесса видела многих представителей отечественного и зарубежного литературного мира. Самые знаменитые из них — Пушкин и Гоголь, Мицкевич и Марк Твен. О каждом написаны книги и статьи историков-краеведов. Среди иностранцев наибольшего внимания удостоился Адам Мицкевич. Гений польской культуры провел в Одессе девять месяцев, успев за это время поучительствовать в Ришельевском лицее и совершить путешествие в Крым [1]. В память о пребывании в Одессе великому польскому поэту возведен замечательный памятник в самом центре города.

Летом 1867 г., во время длительного морского путешествия в Европу и Палестину, в Одессе побывал Марк Твен. Заморский гость с юмором об этом рассказал в книге «Простак за границей», принесшей ему всеобщую известность. Газета «Одесский вестник» поместила тогда приветственный адрес американских туристов местным властям, подготовленный писателем. Много лет спустя та же газета вспомнила Марка Твена, с удивлением

поведала о его сказочных гонорах [2. 29 авг.], но забыла упомянуть о том, что он прославил Одессу на весь мир. Впрочем, здесь он провел всего один день, успев рассмотреть памятник герцогу Ришелье, гигантскую лестницу, ведущую в порт, оживленный рынок и «облако пыли, чисто американский признак». Недавно историк Ч. Кинг в книге об Одессе, описывая визит американского юмориста, отметил, что в облике города его больше всего поразили две черты — космополитизм и мультикультурность [3]. Так оно и было на самом деле.

Одесса поддерживала тесные связи с деятелями болгарской культуры. Об одесских болгарях имеется большая краеведческая литература. Здесь жили и творили классики литературы Христо Ботев и Иван Вазов. Первый из них два года учился в местной гимназии (1863-1865), а второй провел в Одессе тоже два года (1887-1889), занимаясь литературным трудом.

Не повезло лишь одному гостю Одессы — румынскому поэту Михаю Эминеску, побывавшему тут летом 1885 г. Читателю, незнакомому с ним, следует дать несколько самых общих понятий. Эминеску по праву считается основоположником современной румынской литературы, мировой величиной, сопоставимой с Мицкевичем, Пушкиным, Шевченко. Как и украинский гений, Эминеску — пророк и мученик, жизнь которого прошла в трудностях и лишениях. Последний романтик и первый символист, Эминеску есть одновременно Лермонтов и Блок румынской поэзии. Его лирику, необычайно трогательную и мелодичную, переводили такие выдающиеся поэты, как Анна Ахматова (на русский язык) и Максим Рыльский (на украинский язык).

В августе-сентябре 1885 г. Эминеску прошел курс бальнеотерапии на Куяльницком лимане, откуда регулярно писал письма своим друзьям в Яссы. Мотивы моря вошли в некоторые его стихотворения. Однако этот эпизод в жизни поэта долгое время оставался неисследованным, биографы ограничивались лишь констатацией поездки в Одессу. Так, в ставшей классической книге Дж. Кэлинеску об этом сказано одним абзацем [4. 318]. Позже появились работы, где о лечении на берегу Куяльника

сказано более подробно. Молдавский поэт и журналист Н. Дабижа выпустил книгу путевых очерков «По следам Орфея», где поездке Эминеску и его пребыванию в наших краях посвятил главу «Эминеску в Одессе» [5. 301 - 325].

Недавно в Бухаресте вышла книга В. Крэчуна «Эминеску в Одессе и на Куяльнике»; она богато иллюстрирована снимками из телефильма, который, однако, так и не был закончен [6]. В Одессе побывали также авторы книги «Шаги поэта», они ограничились лаконичным, всего в четыре строки, пересказом известных фактов [7. 309]. Более документированно, но предельно кратко описан этот эпизод жизни Эминеску в книгах А. З. Н. Попа [8] и И. Крецу [9, 403 -404].

Этим публикациям присуща узкая источниковая база, их авторы слабо представляют себе социально-культурный пейзаж нашего города того времени, допускают грубые фактические ошибки. Они знают, что Одесса была в те времена большим и красивым европейским городом, но когда пишут о численности населения в нем, сильно заблуждаются: называют фантастические цифры в 40, 200 и 400 тыс. чел. Гостиницу «Страсбург», где Эминеску недолго проживал перед отъездом на родину, располагают то в доме 48, то в доме 62 на ул. Екатерининской. И тому подобная путаница. В лучшую сторону отличается очерк Н. Дабижи. Что же касается одесских краеведов, то об этом событии в культурной жизни Одессы нет ни одной публикации ни на русском, ни на украинском языках. Между тем общественность помнит о пребывании Эминеску в Одессе, в знак чего недавно (1 июня 2011 г.) перед зданием Генерального консульства соседней страны на углу улиц Осипова и Базарной был установлен бюст поэта.

Из краткого обзора литературы следует вывод о том, что в биоисториографии Эминеску одесский эпизод почти не изучен и что существует общественная и научная потребность исследования этой темы на широкой источниковой основе. Документальной базой настоящей работы стали письма Эминеску из Одессы, опубликованные в его полном собрании сочинений,

фонды Государственного архива Одесской области, местная пресса, воспоминания, а также специальная литература. Лечение поэта на Куяльнике показано на фоне и в неразрывной связи с культурным контекстом городской жизни.

На берега Куяльника летом 1885 г. румынского поэта привела загадочная болезнь, о характере которой его биографы написали книги и множество статей. «Война диагнозов» длится уже более ста лет. Продолжаются споры о том, как назвать его болезнь, о способах и методах лечения, о причине преждевременной (в 39 лет) смерти Эминеску. В современной Румынии эти вопросы стали одной из острых тем ожесточенной идейно-политической борьбы. В правом сегменте политикума актуализируются консервативные воззрения Эминеску, его ирредентизм [10]. Здесь получила распространение «теория заговора», утверждающая, что поэта неверным лечением намеренно умертвили «нехорошие люди» - румынские масоны, врачи-евреи или австрийские агенты. Конспирологические измышления печатают некоторые популярные журналы, ими полна блогосфера [11]. Конечно, у Эминеску было много врагов — и политических, и личных, главным образом завистников. Неподкупный редактор газеты, неукротимый полемист, он многим стоял поперек дороги, вызывая страх и злобу. Крупнейший историк литературы, издатель рукописного наследия поэта, академик Д. Ватаманюк в недавнем интервью справедливо говорил, что Эминеску мало кто понимал даже из его ближайшего окружения [12]. Злопыхатели распространяли о нем порочащие слухи и сплетни; они доходили до врачей, которые им верили и ставили неправомерные диагнозы. Так было при его жизни, а сегодня различные политические силы используют Эминеску в своих целях.

На правом фланге царит безудержная идеализация и стремление сделать поэта «идеологическим бойцом» в современном контексте. В противоположном лагере с позиций постмодернистской деконструкции и морального релятивизма осквернители славной могилы низвергают Эминеску с пьедес-

тала, на который его поставила история, распространяя о нем грязные инсинуации, касающиеся, среди прочего, и его болезни.

Дискуссия стимулировала появление солидных трудов о болезни и смерти Эминеску. Среди них следует выделить книги литературоведов Н. Джорджеску [13] и Т. Кодряну [14], врачей И. Ники [15] и О. Вуя [16]. Один эминесколог (есть в Румынии такая научная дисциплина) «казус Эминеску», т.е. причину смерти поэта, сформулировал предельно кратко: медицинская ошибка, непрофессионализм или преступление. Автор приходит к выводу, что Эминеску погиб от невежества врачей из-за лечения препаратами ртути и что гидротерапия, начатая на Куяльницком лимане, была самым удачным и щадящим методом его исцеления [17. 258].

Наиболее убедительный и профессиональный анализ течения болезни Эминеску дал доктор Ника. Он тщательно изучил всю сохранившуюся медицинскую документацию (немало было утеряно) и пришел к выводу, что все предыдущие диагнозы были полностью или частично ошибочными: у поэта не было ни эпилепсии, ни шизофрении, не было люэса, алкоголизма или общего паралича. Имеющиеся документы дают картину псевдо-паралича и маниакально-депрессивного психоза на основе менингита, порожденного стрептококковой инфекцией [15. 38]. Другой исследователь, М. Хандока, пишет, что Эминеску много лет страдал эндокардитом, позже к нему добавился стрептококковый дерматит [18. 56]. Скорее, было наоборот: язвы на ногах начались много раньше главных и сердечных болей. Именно для лечения ног он и приехал на Куяльницкий лиман.

В конце жизни (1889 г.) у Эминеску были явные признаки вирусного энцефалита, а именно воспаление головного мозга с тяжелым поражением центральной нервной системы [19]. Об энцефалите или его разновидности менингите писал еще Т. Майореску, изучавший в Германии кроме философии еще и невропатологию [17. 254].

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Первые симптомы тяжелого душевного недомогания у Эминеску появились летом 1883 г., когда ему исполнилось 33 года. В изнурительно жаркий день, 28 июня случился первый припадок. Его отправили в психиатрическую клинику, где, по некоторым данным, к нему применили травмирующее лечение ртутьсодержащими мазями. Затем, после выздоровления, 1 ноября поэт стараниями друзей был отправлен в санаторий Обер-Деблинг, возле Вены, где в течение четырех месяцев проходил реабилитацию. Здесь врачи не смогли установить точный диагноз болезни и в карточке больного написали нечто маловразумительное «Progressive Paralehse des Irgen» («прогрессивный паралич умалишенных») [14. 47]. Как бы опровергая эти глупости, Эминеску к февралю следующего года полностью восстановил свое физическое и психическое здоровье, память и интеллект. Вместе с другом совершил путешествие по Италии, где посетил Венецию и Флоренцию.

Единственные жалобы после лечения, которые слышали от него друзья, были на незаживающие раны (гнойники) на ногах. Врачи рекомендовали ему отдых, покой, упорядоченную жизнь и... морские ванны. О пользе морских купаний он знал по собственному опыту — еще летом 1882 г. провел десять дней в Констанце. Эта поездка произвела на Эминеску положительное впечатление, но вода была уже холодной, и полноценного лечения тогда не получилось. Теперь, после оздоровления в Австрии и поездки в Италию, было решено повторить морскую терапию на качественно ином уровне. Знающие врачи посоветовали лечение морскими и грязевыми ваннами на одесских лиманах.

В Яссах, где тогда жил Эминеску, врачи знали брошюру одесского доктора Б. Абрагамсона о целебных свойствах рапы и грязи этих лиманов, вышедшую в Одессе на французском языке еще в 1850 г. Она носила длинное название «Одесские лиманные ванны под углом зрения их терапевтических свойств». Сначала автор кратко излагает историю освоения одесских лиманов: внимание к ним привлек доктор Андреевский, он же открыл первую водолечебницу. Затем автор подчеркивает, что количе-

ство лечащихся здесь, как стихийным образом, так и под наблюдением врачей, постоянно растет. И не случайно, так как целебные качества воды, рапы и грязи научно доказаны: химический состав воды определил Рудольф Рот, другие ученые сделали анализ лиманной грязи. В конце брошюры автор подробно рассказывает о том, какие болезни и каким способом излечиваются на лиманах [20].

Трудно сказать, читал ли эту книжку ясский врач Эмиль Макс, но в 1884 г. он выпускает на румынском языке брошюру со сходным названием и содержанием «Морские и лиманные ванны в Одессе» и с длинным уточняющимся подзаголовком «Несколько замечаний из моих собственных наблюдений и из научных публикаций господ докторов Мочутковского, Вериги и Пинскера» [21]. Все названные люди внесли большой вклад в медицину, и в особенности в бальнеологию, посему скажем о них подробнее. Сначала о докторе Максе. Эмиль Макс (1834-1894) закончил медицинский факультет в Вене. С 1884 г. посещает литературное общество «Жунимия» в Яссах, основанное Т. Майореску, членом которого был и Эминеску [22]. Среди двух десятков врачей, румынских и австрийских, лечивших Эминеску, Макс оказался наиболее тактичным и порядочным. Будучи по специальности гинекологом, он не брался за незнакомое дело, не ставил сомнительных диагнозов и не назначал опасных препаратов. Макс рекомендовал поэту щадящий режим лиманных и грязевых ванн, сопровождал пациента до Одессы и побыл с ним здесь первые дни. Безусловно, Макс был знаком с владельцем заведения доктором Яхимовичем, обсуждал с ним пути и методы лечения. Будучи причастным к изящной словесности и тем более членом «Жунимия», он высоко ценил Эминеску как выдающегося поэта, национальную гордость.

Доктор Мочутковский, поляк по происхождению, закончил медицинский факультет университета Св. Владимира, с 1877 г. доктор медицины. Выпустил на немецком языке фундаментальный труд в 2-х частях «Материалы к изучению врачебной стороны одесских лиманов»: «Терапевтическая часть» (1881) и «Физиологическая часть» (1883). В 1882 г. основал «Южно-русскую меди-

цинскую газету», а пятью годами раньше — Одесское бальнеологическое общество. Был гласным Одесской городской думы [23. 217 - 218]. Не менее значимым был вклад в бальнеологию А. А. Вериго. Будучи профессором местного университета в течение 30 лет и ведущим химиком, он среди других тем вел исследования химикобиологического состава рапы и грязи одесских лиманов, их лекарственных свойств. Третий из названных в брошюре Макса одесских авторитетов, Лев Пинскер, закончил Риппельевский лицей, затем в 1848 г. медицинский факультет Московского университета. Во время Крымской войны пошел в армию врачом, награжден медалью. Вел в Одессе активную общественную работу, член многих обществ — врачей, бальнеологов, призрения младенцев и родительниц. Одновременно идеолог и лидер сионистского движения [24. 90 - 91]. Для написания своей книжки ясский доктор Макс использовал труды самых знающих одесских специалистов.

Обратимся теперь непосредственно к этой брошюре. Она начинается с экспозиции — представления читателю города Одессы: «Одесса с ее 200 тысячами жителей и 20 тысячами ежегодных гостей поднимается на 60 метров над уровнем моря, имеет в длину до 10 километров, если считать сам город, предместья и сады. Ее улицы очень строго спланированы, они очень широкие, хорошо мощенные, украшены превосходными аллеями, которые с двух сторон обсажены тенистыми деревьями. Город обеспечен водопроводом и освещен газовыми светильниками». После такого лирического вступления Макс перечисляет культурные и лечебные учреждения Одессы: университет с библиотекой, еще одна библиотека, публичная; различные общества: истории и древностей с музеем, затем медицинское, юридическое, природоведческое, бальнеологическое. В Одессе три театра, много гимназий и школ, 1500 магазинов. Что касается здравоохранения, то здесь имеются городская больница на 1300 больных с 24 врачами, еврейская больница на 120 больных с тремя врачами, есть, кроме того, военный госпиталь». Одним словом, ясский врач написал не сухой рекламный проспект, а

настоящую поэму в прозе о городе мечты. После вступления идет подробный рассказ о химическом составе и целебных свойствах лиманной воды, рапы и грязи; описаны медицинские процедуры и, наконец, перечислены болезни, которые здесь лечатся.

Вот их перечень: худосочие и рахиты, нервные болезни, особенно ишиас (теперь говорят «радикулит»), болезни спины и позвоночника, венерические болезни, а также женские недомогания и разного рода кожные заболевания [21, 20 - 22; 25, 27]. Прочитав внимательно книжку доктора Макса, Эминеску не мог отказаться от поездки в Одессу, тем более, что друзья обещали помочь деньгами и сопровождать его до лечебницы доктора Яхимовича на Куяльнике.

Познакомимся с этим бальнеологическим учреждением и его владельцем. Освоение природных богатств лимана начал, как выше сказано, доктор Андреевский. После его отъезда из Одессы новый этап заложил доктор Бертенсон, взявший в 1868 году городскую купальню в аренду на 12 лет. Один из зачинателей одесской курортологии Алексей Васильевич Бертенсон (1825-1909) закончил медицинский факультет Харьковского университета, был в Одессе главным врачом городской больницы и председателем Общества одесских врачей. На Куяльнике он построил большую дачу, где, кстати сказать, провел последнее лето в жизни Н. И. Пирогов, великий русский врач, бывший попечитель Одесского учебного округа и основатель Новороссийского университета [25].

Когда истек срок аренды Бертенсона, городская дума составила грандиозный план расширения курорта на Куяльнике: предусматривалось строительство гостиницы на 200 номеров, ванного павильона на 30 кабин общей стоимостью в 800 тыс. руб. Вскоре, однако, подсчитав свои ресурсы, отцы города умерили аппетиты и подготовили более скромный проект – гостиница на 100 мест и ванное отделение на 50 мест [26. 2 - 4, 14 - 15].

Особая комиссия выпустила воззвание с заманчивым пред-

ложение для инвесторов. В нем говорилось: «Одесские лиманы в отношении их целебных свойств не только не уступают подобного рода целебным средствам, имеющимся за границей, но во многих отношениях превосходят таковые. Такое заключение подтверждается научными и медицинскими данными, а также ежегодно увеличивающимся наплывом приезжих и громадным процентом выздоравливающих». В августе 1884 г. был объявлен международный конкурс на концессию сроком в 30 лет, даны объявления в русские и иностранные газеты [26. 154, 223]. Конкурс, однако, провалился, и новую водолечебницу на Куяльнике пришлось строить только на городские деньги. Поиск средств, а затем стройка затянулись на десяток лет.

Между тем в двух верстах от городской лечебницы, на том же берегу Куяльника, уже в 1882 г. открылось более скромное лиманно-лечебное заведение (таково было его официальное название), принадлежащее доктору Яхимовичу. Историю обустройства санатория, лечебные свойства природной среды с указанием на биохимический состав воды, рапы и грязи описал сам Яхимович в книжке, выпущенной к 10-летию заведения. Автор перечисляет его достоинства: воздух морской и безукоризненно чистый, больным обеспечены уединение и покой, всегда свежая, хорошая пища. Санаторий открылся к лечебному сезону 1882 г. Вначале построили только один дом с 11 номерами, три рапные и одну грязевую ванны. Рапа и грязь нагревались в котлах, но уже в следующем году сдали новое ванное отделение с паровым машинным водоснабжением из лимана и с таким же нагреванием воды и грязи для ванн. Далее Яхимович пишет: «С тех пор каждый год приносил новые улучшения и усовершенствования как в лечебном отношении, так и по части гигиенических удобств и повседневного комфорта» [27. 1 - 4].

Количество пациентов в санатории Яхимовича постоянно росло: если в первый год работы оздоровились лишь 16 чел., то в следующем, 1883-м, их было уже 28, в 1884 г. — 58, а в 1885 г., когда заведение посетили пятеро румын, включая Эминеску, — уже 60 чел. Всего же за десятилетие здесь поправили свое здо-

ровье без малого 700 страждущих. Причем не только соотечественники: в 1884 г. у Яхимовича вылечил тяжелый ревматизм англичанин 56 лет, директор прядильной фабрики [27. 33, 38]. Вот подтверждение словам доктора: газета «Новороссийский телеграф» летом 1885 г. печатает короткое сообщение «Английская яхта в порту». На этой яхте в Одессу прибыл некий англичанин с семейством; он лечится на одном из наших лиманов [28. 19/31 июля]. Скорее всего, больной оздоровился в лечебно-лиманном заведении Яхимовича, хорошо известном за рубежом. В нем лечили прежде всего ревматизм, всевозможные артриты (до 12 видов), а также худосочия, особенно после меркуриального лечения, и третичные явления сифилиса, торпедные (сейчас говорят — трофические) язвы на ногах, некоторые формы кожных болезней [27, 37].

Кто же этот врач-кудесник, с помощью морской воды и лиманной грязи исцеляющий тяжелых больных? Биография Фелициана Ивановича Яхимовича (1831-1916) известна мало. Знаем, что по национальности он поляк, диплом врача получил в 1852 г. в киевском университете Св. Владимира. Где он родился и когда приехал в наш город, установить не удалось. В архиве найдены документы, характеризующие его как гуманного человека, получающего награды за благотворительность, а также как рачительного хозяина, заботящегося о процветании лечебницы. В 1880 г. Ф. Яхимович был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени «за отлично усердную работу». Спустя пять лет городской голова Г. Маразли представляет доктора к новой награде: «Состоя попечителем приюта для призрения младенцев и родительниц, я лично убедился, что заведывающий этим благотворительным учреждением лекарь, титулярный советник Ф. Яхимович с 1878 по 1881 г. в качестве товарища директора, а с 1881 по настоящее время в качестве директора приюта, исполнял возложенные на него обязанности с отличным усердием и деятельностью, без всякого возмездия [...]. Яхимович посвятил свои знания, время и труды на пользу детей, лишенных даже ласки матери». В конце 1885 г. он получил ор-

ден Св. Анны 3-й степени. Добавим, что к осени 1887 г. Ф. Яхимович числится уже врачом при Одесском коммерческом училище [29. 1 - 4]. Сиротский приют, которым руководил Ф. Яхимович, носил название Павловского и существовал с 1864 г. на пожертвования сердобольных одесситов. Среди них можно найти известных людей с молдавскими фамилиями: княгиня Гагарина-Стурдза Анна Игнатъевна, Крупенская А., два члена семьи Гросул-Толстых, князя Кантакузины и Морузи, а также два Базили – Константин Михайлович и Алексей Константинович [30].

Лиманно-лечебное заведение Яхимовича, репутация которого среди больных росла с каждым годом, имело, впрочем, один крупный недостаток – располагалось довольно далеко от железнодорожной станции. Из-за этого страдали все лечащиеся в дачном поселке на Куяльнике. Поэтому Ф. Яхимович, когда накопил необходимые средства, поставил перед городскими властями вопрос о строительстве за свой счет конно-железной дороги до своего заведения. В заявлении он аргументировал тем, что за последние годы население здесь сильно выросло – с 500 до 3 тыс. комнат для больных, причем каждая комната сдается по 50-60 руб. в сезон с мебелью и прислугой. Постоянных жителей в поселке до одной тысячи, а помещений всего 6 тыс. Транспортное же обслуживание отсутствует, убеждал Ф. Яхимович городскую думу, и это вызывает недовольство как приезжих, так и коренных жителей [31. 16 об. ].

В феврале 1886 г. городское управление разрешило доктору Ф. Яхимовичу устроить конно-железную дорогу к его даче на Куяльницком лимане общей протяженностью 800 погонных саженьей (1,7 км). Условия были такими: владелец платит городу 25 руб. арендной платы, а стоимость проездного билета в «конке» должна быть не дороже 10 коп. и чтобы конно-железная дорога не препятствовала общему проезду. Ф. Яхимович подсчитал, что строительство обойдется ему в 12-15 тыс. руб. Соглашение с городом было окончательно подписано летом 1887 . с условием, что все работы будут закончены к 15 мая 1888 г. [31. 1 - 16].

Ф. Яхимович оказался долгожителем одесской бальнеологии: его лиманная грязелечебница процветала еще 30 лет, вплоть до начала мировой войны. О ней имеются сведения в справочнике «Вся Одесса» за 1912 и 1914 годы. К прежним способам лечения добавились новые — электротерапия, массаж и врачебная гимнастика. С гордостью сказано: «Сообщение с железнодорожной станцией Новый Куяльник по собственной конно-железной дороге». Остается добавить, что Ф. Яхимович был достойным представителем польской диаспоры в Одессе, которая на 1885 г. насчитывала до 10 тыс. чел. [32. 1/13 авг.]. Позже он был среди основателей польского товарищества «Огнисько» («Очаг»), которое проводило большую культурно-просветительскую работу [33]. В отчете общества за 1911 г. Ф. Яхимовича нет, но есть другой поляк и врач, П. А. Амброжевич, тоже имевший грязелечебницу на Куяльницком лимане [34].

После знакомства с доктором Ф. Яхимовичем, его окружением и лечебницей, вернемся назад к ясскому доктору Максусу и скажем, что он хорошо знал, куда летом 1885 г. повез Эминеску для реабилитации после тяжелой болезни. Кроме отдыха и покоя, он нуждался в лечении ног, покрытых незаживающими язвами. Заведение Ф. Яхимовича как нельзя лучше подходило для этих целей, тем более, что имелся прямой поезд из Унген до Одессы, а содержание на лимане стоило много дешевле, чем в Австрии. Кроме того, профессионализм одесских врачей был на должной высоте. В этом доктор Макс, раньше побывав здесь, убедился самолично.

Для лечения и отдыха на Куяльнике в Яссах собралась компания из пяти человек: поэта сопровождали, кроме Макса, еще трое его знакомых, преподаватели школ. Они пробыли на лимане некоторое время и вернулись домой, оставив долечиваться одного Эминеску. Датировка его приезда в Одессу и отъезд представляет одну из нерешенных проблем в биоисториографии румынского поэта. Поскольку прямых документальных данных об этом нет, то каждый автор даты устанавливает по своему разумению. Так, молдавский академик К. Попович пи-

шет, никак не аргументируя, что Эминеску отправился в Одесу 4 августа [35. 171]. Также без всяких доказательств В. Кречун утверждает, что группа из Ясс пребывала в санатории Яхимовича с 15 июля по 15 августа, а Эминеску приехал позже их и вернулся в Яссы 16-17 сентября [6. 33 - 34, 56]. Н. Дабижа считает, что Эминеску, окруженный друзьями, прибыл в Одессу в субботу, 1 августа, с лимана переехал в город 2 сентября и еще неделю жил в гостинице в ожидании денег на обратную дорогу [5. 308 - 309]. Выдвигались и другие даты, еще менее обоснованные.

Эту проблему можно было бы легко решить, если бы в Одесском архиве нашлись соответствующие документы. По правилам того времени, иностранно-подданные для проживания на территории Российской империи регистрировались в управлении Одесского временного генерал-губернатора. Однако в местном архиве эта документация сохранилась лишь по 1863 г. После долгих поисков найдено дело «О паспортах и видах на жительство для иностранно-подданных» за 1885 г. Именно здесь должны быть записаны Эминеску и его яские друзья с точным указанием времени прибытия в Одессу и убытия из нее. Наша радость, увы, оказалась преждевременной: в архивной папке находились помесячные ведомости регистрации за нужный год, но не по городу Одессе. Эти ведомости велись с большой тщательностью по городу Таганрог, входившему в подчинение одесского генерал-губернатора [36. 1 - 32]. Бесценные же документы по Одессе исчезли — это не удивительно: архив неоднократно грабили и свои, и чужие.

Таким образом, устанавливать искомые даты пришлось лишь косвенным путем на основе писем Эминеску из Одессы и некоторых документов, сохранившихся в Румынии.

В полном собрании сочинений поэта (том 16-й) опубликованы его четыре письма из Одессы от 12, 15, 18 августа и 2 сентября. Уже в первом из них имеются указания на время прибытия. 12 августа Эминеску пишет: «Прошло более двух недель (подчеркнуто мной. — Д.У.), как я здесь» [37. 216]. Мысль изложена ясно и не

допускает иного толкования — группа из Ясс приехала в Одессу за несколько дней до начала августа (ведь две недели — это 14 дней, а письмо написано только 12-го), скорее всего 29 или 30 июля. В этом же письме, проникнутом минорным настроением, Эминеску жалуется на одиночество и скуку, а уже в следующем, от 15 августа, пишет, что друзья Захария, Будуряну, Дрегич и доктор Макс вернулись на родину. Из этих слов можно заключить, что яссцы уехали еще до написания первого письма, т.е. 7-8 августа, раз поэт успел почувствовать себя одиноким. Таким образом, яские друзья, пробыв на лимане 7-10 дней, уехали, оставив Эминеску одного.

Что же касается времени его отъезда из Одессы, то существуют два свидетельства, мимо которых биографы прошли, не заметив. Первое из них — это запись в дневнике Тита Майореску, старшего друга и покровителя поэта, ректора Ясского университета, затем министра просвещения. Так вот, под 5 сентября он записал, что Эминеску все еще в Одессе, и оставил для него гонорар за второе издание сборника стихотворений. И. Крецу приводит и другую точную дату на сей счет: 14 сентября Эминеску в Яссах выдал расписку в получении этих денег [9. 404]. Итак, 5 сентября он еще в Одессе, а 14-го — уже в Яссах. И поскольку в письмах постоянно жаловался на отсутствие средств, понятно, что отправился получить гонорар сразу по прибытии. Значит, Эминеску из Одессы выехал 10-11 сентября. Таким образом, пребывание румынского поэта в Одессе и на Куяльнике продолжалось 42-45 дней. На лимане, в лечебнице доктора Яхиновича он находился до закрытия курортного сезона 1 сентября. Затем переехал в город и поселился в гостинице «Страсбург» на улице Екатерининской, 46. Здесь он ожидал получения денег на обратный путь и чтобы рассчитаться с долгами, заплатить за визовые формальности.

Находясь в затруднительном положении и не зная русского языка, Эминеску мог бы обратиться за помощью к румынскому консулу, как это везде обычно делается. Однако румынский генеральный консул в Одессе (фамилию установить не удалось)

был человеком малоактивным. Насколько можно судить по сохранившейся документации, за три года (1883-1886) он лишь один раз потревожил местные власти, прислав вербальную ноту на французском языке с протестом против намерения выслать на родину мнимого румынского подданного по фамилии Васильев. Подобные дела, писал он, согласно международным правилам решаются дипломатическим путем через МИД обеих сторон, а не простым полицейским приказом [38. 21].

Проведя в санатории доктора Яхимовича целый месяц, Эминеску усердно занимался главным делом — лечением больных ног. Он принимал горячие грязевые ванны, много гулял по берегу лимана. В первом письме, после слов о том, что уже более двух недель находится на Куяльнике, румынский поэт описывает свое лечение: «Ежедневно поджариваюсь в горячей 30-градусной (по Реомюру, по Цельсию 37°) грязи... Словно заморский журавль, измеряю берега лимана своими израненными ногами. Не могу утверждать, что время прошло без улучшений. Бесконечные боли, которые меня мучили в Яссах, здесь утихли, хотя еще не все язвы затянулись. Боюсь, что даже если они все исчезнут, не появятся ли вновь, когда вернусь домой» [37. 216].

За первые две недели Эминеску дважды побывал в городе, чтобы купить лекарства и табак. Конечно, позже он еще здесь бывал не один раз, а после окончания курортного сезона более десяти дней жил в самом центре. Если Марку Твену хватило одного дня, чтобы посмотреть две достопримечательности Одессы, то Эминеску имел возможность увидеть их все. Взглянем глазами румынского поэта на «маленький Париж» тех времен, совершив вместе с ним прогулку по «городу мечты», как пафосно назвал черноморский город американский историк Ч. Кинг.

К середине 1880-х гг. Одесса стала большим европейским городом, ее население составляло, по данным городского отдела статистики, 270 тыс. чел. [39. 99 об.]. Для сравнения укажем, что в Яссах, откуда приехал Эминеску, проживало меньше 80 тыс. чел., из них 51% составляло еврейское население [40]. Местная газета, выходившая на французском языке, незадолго до своего

закрытия с гордостью отмечала градостроительные достижения Одессы. Она имеет три необходимые для европейского города качества — мощные улицы, газовое освещение и питьевую воду из водопровода в достаточном количестве. Но отсутствует, сокрушается газета, четвертая составляющая — чистота. Лишь четверть улиц регулярно подметаются, остальные пребывают в возмутительном состоянии грязи [41].

Несколько лет позже «Одесские новости» в день основания города почти дословно повторили слова об успехах благоустройства: «Город обладает водопроводом, гранитными мостовыми, богатым портом, газовым освещением, роскошными зданиями и многими другими прелестями, поражающими не только наших провинциалов, но и просвещенных иностранцев» [42. 22 авг.]. Нет сомнения, что одним из таких иностранцев был Эминеску, который провел три года в Вене и два — в Берлине студентом тамошних университетов. Кстати, о порте, бывшем основой благосостояния города. Другая газета привела интересные цифры, из которых следует, что Одесса тогда занимала первое место по грузообороту среди всех портов России: Одесса — 100 млн. пудов, Рига — 90 млн., С.-Петербург — 85 млн. [32, 2/14 июля].

Хотя доктор Ф. Яхимович, рекламируя свое лечебное заведение, считал «уединение и покой» среди главных его достоинств, такой общительный по характеру человек, как Эминеску, страдал от одиночества. «Все вокруг говорят по-русски или по-польски и нельзя найти даже двух, с кем можно было бы перекинуться на немецком или французском. Поэтому не только такой разговорчивый человек, как я, здесь приговорен к полной немоте», — писал он другу. Но есть одно развлечение, продолжает поэт, и оно состоит в чтении найденного у помощника врача томака стихов Гейне. С Гейне Эминеску познакомился еще тогда, когда учился в «Ober-Gymnasium» в Черновцах; продолжал его читать в Вене и Берлине. Но оказалось, что великий немецкий поэт неисчерпаем, — его интересно читать и в лечебнице, и на берегу лимана.

Можно попытаться определить, какую книгу Гейне читал

Эминеску, помня, что в Российской империи немецкий вольнолюбивый поэт был запрещен. В этом нам помогут документы Одесского комитета цензуры иностранной. Прежде всего отметим, что «в Одессе нет цензора, знающего румынский язык» [43. 13]. Это поистине удивительно, учитывая проживание здесь большой молдавской диаспоры. Скорее всего, такую нелепость можно объяснить перестраховкой чиновников, желающих уйти от всякой ответственности: книги на румынском языке отправлялись на цензуру в Петербург, а в Одессе только выполняли указания, спущенные сверху.

Что касается сочинений Гейне на немецком языке, то столичный цензор уведомлял одесские власти: «Сочинения Гейне позволены лишь в полном сочинении, т.е. если абонент обязался купить полное собрание его сочинений» [44. 4]. Естественно, так могли делать только очень богатые люди. Такие, например, как княгиня Мария Кантакузин: в январе 1885 г. Главное управление по делам печати разрешило выдать ей, среди прочих запрещенных изданий, 6-й том собрания сочинений Гейне. Кстати, тогда же городской голова Г. Маразли получил заказанную во Франции книгу Льва Толстого «Моя религия» [45, 2, 28].

Впрочем, Эминеску не был знаком с княгиней Кантакузин, чтобы читать ее книгу. Скорее всего, это был не том из собрания сочинений поэта, а какое-либо единичное произведение. Чтобы приблизиться к искомой цели, следует внимательно изучить фундаментальную «Библиографию Гейне» немецкого литературоведа Г. Вильгельма [46]. Перед поездкой Эминеску на лечение в Германию вышли из печати новые издания Гейне, которые он, очевидно, еще не читал. В Лейпциге вышла знаменитая «Книга песен», а в Гамбурге завершили выпуск 12-томного собрания «Избранных произведений». В Мюнхене выпустили еще одну книгу с длинным заглавием «Воспоминания и вновь изданные стихи, проза и письма». Наконец, в венской газете «Нойе фрайе прессе», которую Эминеску читал со студенческих лет (и в Одессе тоже) в апреле 1885 г. опубликованы «Неизвестные и неопубликованные письма» Гейне. И хотя сказать точно, какую книгу Гейне читал на

Куяльнике румынский поэт, невозможно, его интерес к Гейне не был случайным. Их роднило романтическое отношение к действительности и к прошлому, трагизм существования. Он проецировал собственную болезнь на несчастье немецкого классика, проведшего последние 25 лет жизни на курортах или прикованным к больничной кровати.

Относительно русской цензуры, не пропускаящей Гейне к простому народу, можно заметить, что ее строгости не были для Эминеску чем-то новым. Может быть, он и не знал о запрете Гейне, но история с газетой «Курьерул де Яшь» была хорошо знакома, так как он ее некоторое время редактировал [48. 1253]. Издатель обратился к Новороссийскому генерал-губернатору с просьбой разрешить произвести на нее подписку в Бессарабской губернии, где нашлось бы немало читателей. Ответ был таков: позволение могут дать лишь цензурные комитеты Варшавы или С.-Петербурга. Фактически, это был отказ [47. 1 - 6]. Позже, уже в начале 1880 г., временный генерал-губернатор издал распоряжение «О надзоре за лицами, получающими паспорта на имя румынско-подданных», где потребовал, «[...] чтобы полиция негласно, но особенно усиленно, следила за всеми прибывающими в Одессу лицами, получившими документы в Яссах» [49. 1 об.]. Румынский город брался, таким образом, под подозрение как рассадник всяческой крамолы. В другом приказе говорилось о запрещении распространения газеты «социалистического содержания», выпускавшейся тоже в Яссах под названием «Бессарабия» [50, 1]. Вообще говоря, после убийства императора Александра II среди мест, откуда проникала по мнению полиции, революционная зараза, постоянно называли и этот румынский город у самой границы. Кроме того, власти боялись распространения идей ирредентизма в Бессарабии, бывшей до 1812 г. составной частью Молдавского княжества.

В управлении временного Одесского генерал-губернатора постоянно поступали донесения о политически неблагонадежных лицах в Бессарабской губернии, в том числе молдавского происхождения. Назывались, в частности, «поселянин Бездуган и ме-

щанин Коленда» [51. 2 об.]. Одновременно запрещался въезд в Россию подданным Румынского королевства, замеченных в подозрительных связях и действиях, среди них Иван Антуан Илиеско, 27 лет, Йоргу Албу, Г. Радулеско, Х. Симони [52. 32, 63 об.]. Да и в самой Одессе полиция находила политически неблагонадежных румын. Так, в конце 1884 г. имела место попытка организовать «социально-революционную партию» из студентов и гимназистов. Среди арестованных оказались И. С. Блуменфельд, 19 лет, румынско-подданный, воспитанник Ришельевской гимназии, и К. Е. Стери, 20 лет, дворянин из Бессарабской губернии [53. 24]. Так что приезд летом 1885 г. пятерых румын из Ясс на Куяльник для лечения не мог пройти незамеченным для одесской полиции, однако они ни в чем подозрительном русскими агентами в Румынии замечены не были, а посему их имена в бумагах охранного ведомства не отложились.

Эминеску на Куяльнике, кроме сочинений Гейне, регулярно читал газету «Нойе фрайе прессе» - любимую газету венского студенчества времен его учебы в университете. Орган умеренных либералов, она поддерживала автономный статус Трансильвании и права румынского большинства, испытывавшего дискриминацию со стороны венгерских властей. Когда Эминеску был редактором газеты «Тимпул», буквально за несколько дней до первого приступа болезни, он перепечатал в ней редакционную статью из «Нойе фрайе прессе» [54. 320]. Теперь, в Одессе, из венской газеты продолжает получать обильную информацию. В письме от 18 августа Эминеску спрашивает ясского друга, что говорят о встрече двух императоров — российского и австрийского — в моравском городке Кремзере — и продолжает: «Из «Нойе фрайе прессе», которую покупаю от случая к случаю, мне представляется, что произойдет нечто экстраординарное. Здешные люди малоразговорчивы, а о политике вообще молчат... Мне все новости интересны; немногие газеты, которые попадают в руки, читаю от корки до корки, даже объявления» [37. 735]. Против ожидания, на встрече императоров ничего особенного не произошло: монархи империй, которых попеременно называли «тюрьмой народов», в очередной раз дого-

ворились о совместном подавлении национально-освободительного движения поляков. Австрийская газета имела популярность и у одесских читателей, даже не владевших немецким языком, - ее материалы довольно часто перепечатывала местная пресса. Так, «Одесский листок» в августе дал на первой странице большой репортаж о встрече императоров [32. 26 авг.]. Именно этот материал, только в оригинале, и читал Эминеску. Он мог знать содержание и другой статьи из «Нойе фрайе прессе», которую перепечатали «Одесские новости» [42. 31 июля]. Это сообщение из Ниццы о том, что князь М. А. Гагарин, 67 лет, проиграв в Монте-Карло состояние в три миллиона до копейки, выстрелил себе в правый висок.

По местной прессе можно узнать и о происшествиях с криминальным уклоном, которые могли коснуться Эминеску или сопровождавших его друзей из Ясс. Первая статья озаглавлена «Дама» карманщица и настолько колоритна, что достойна быть воспроизведена целиком. «Одесский вестник» пишет: «В понедельник 22 июля (по новому стилю 3 августа. — Д. У.) в городском саду во время народного гулянья, к гулявшему там румынскому офицеру подошла прилично одетая «дама» и спросила офицера: «Который час?» Тот, вынув золотые часы, сказал который час и отправился дальше. Через несколько минут ему вторично захотелось узнать который час, но часов в кармане жилета не оказалось! «Дама», вертевшаяся около румына, их выгащила и тотчас скрылась, оставив услужливому офицеру одну золотую цепочку. О похищении заявлено полиции» [2. 5 авг.]. Перед нами сочинение, достойное пера такого юмориста, как Марк Твен, который, кстати сказать, в этой газете уже печатался. Прочитав его, трудно отделаться от мысли, что оно придумано в редакции, чтобы развеселить читателей. Маловероятно, что ограбленным мог быть румын, приехавший на лиман вместе с Эминеску (так считает Н. Дабижа). Более вероятно другое: забавная сценка написана веселыми одесскими журналистами. В самом деле, откуда автору известно, что беспечный гуляка, так легко расставшийся с золотыми часами, был румынским офице-

ром? И второй вопрос: на каком языке объяснялась с ним плутовка? Ведь в Одессе не смогли найти цензора со знанием румынского языка, или же румын отлично говорил по-русски? Верится с трудом.

Через день другая газета поместила более серьезное сообщение о задержании воров прямо в заведении доктора Яхимовича [32. 6 авг. ]. В заметке сказано, что некоторое время назад на даче Яхимовича была обворована на крупную сумму проживавшая там госпожа Скаржинская. После продолжительных поисков наша славная полиция сумела поймать похитителя (тоже с польской фамилией). Теперь становится понятным, почему Эминеску сообщал приятелям, что слышит вокруг себя только русскую и польскую речь. В последнем письме от 2 сентября он писал, что на лимане похолодало до 10-12 градусов по Реомюру (12-15° по Цельсию), пошли дожди. Больные разъехались, остались двое последних — он и мадам Данге, «блондинка-полька во всей своей красе» [37. 736]. Значит, среди пациентов Ф. Яхимовича было, кроме русских, англичан и румын, много его соотечественников-поляков.

Посещая квартиру доктора Яхимовича на улице Преображенской, 7, Эминеску был в двух шагах от Императорского Новороссийского университета, родственного ему учебного заведения. До заболевания он работал тоже в университете — Яском, основанном пятью годами раньше, в должности заведующего библиотекой. Здесь он увлекся культурой древней Индии, начал переводить с немецкого языка классическую работу основателя сравнительного языкознания Франца Боппа «Критическая грамматика языка санскрит». А здесь, в Одессе, на улице Дворянской, тогда трудились такие светила санскритологии, как ординарный профессор В. И. Шериль (он только что перешел из Харьковского университета) [55] и молодой приват-доцент Д. Н. Овсяннико-Куликовский [56], будущий академик. Первый из них преподавал основы морфологии индоевропейских языков (санскрита, латинского, греческого, древнеславянского), а второй — грамматику санскрита, а также читал со студентами тексты на санскрите [57].

6 - 9]. На обоих русских ученых творчество Ф. Боппа оказало большое влияние.

Интерес к Индии, ее языку, религии, мифологии появился у Эминеску со времени учебы на философском факультете Берлинского университета, где много лет преподавал Бопп, и хотя его уже не было в живых (скончался в 1867 г.), его традиции продолжали ученики. Видимо, с ними общался румынский поэт, он научился читать в подлиннике классические поэмы «Рамаяна» и «Махабхарата», религиозные тексты Упанишад, сочинения Калидасы [58]. Один из адресатов его писем с Куяльника, Василе Бурлэ, учился в Венском университете по учебникам Боппа и считался в Румынии крупнейшим знатоком санскрита. После возвращения из Одессы Эминеску закончил перевод нескольких глав книги Боппа, что стало подтверждением полного восстановления умственных способностей [64. 509 - 896]. Однако в ноябре 1886 года последовал новый приступ болезни, которую врачи пытались остановить шокowymi дозами ртутных препаратов. С этого времени, собственно говоря, началось медленное умирание великого поэта.

Прогуливаясь возле университета и на бульварах, Эминеску встречал молодых людей в новеньких мундирах. Да и одесситы дивились этим щеголям. Форменную одежду студентов университета заставил надеть вступивший в силу в империи новый университетский устав. Местная газета печатает информацию «Студенческая форма»: «Несмотря на то, что срок ношения мундира назначен с начала академического года, т.е. со второй половины августа, многие студенты ИНУ надели уже форменное платье и появляются на общественных гуляниях, возбуждая всеобщее любопытство» [28. 31 июля]. Любопытство было естественным, ведь уже 20 лет как студенты ходили в гражданской одежде, но вот новый устав заставил их опять облачиться в полувоенные мундиры. Другое нововведение — студенческие входные билеты. «Номер в билете будет соответствовать номеру вешалки, по которой инспекция университета и будет следить, исправно ли студент посещает лекции» [42. 1 сент.]. «Одесский листок» печатает

объявление о приеме заявлений от желающих поступить в университет: никаких вступительных испытаний, только подача заявления с приложением аттестата зрелости, метрики, двух фото, справки о военной прописке, а также свидетельства из полиции о безупречном поведении. Обучение в университете было платным, но сумма — просто смешная — всего 5 руб. в полугодие в пользу университета и особая плата в пользу преподавателей — 1 руб. за недельный час в полугодие [32. 6/18 июля]. Наконец, одесская пресса активно обсуждала проект открытия в университете медицинского факультета, однако пройдет еще 15 лет, пока он начнет функционировать.

Открыв одесские газеты лета 1885 г., Эминеску получил бы возможность иметь богатую палитру новостей *urbis et orbis* — в городе и мире. Эту же информации он находил на страницах «Нойе фрайе прессе». Вот краткая мозаика зарубежных событий. В Испании, Италии и на юге Франции свирепствует холера, но «индийская гостья» пока к нам не заглянула, с удовлетворением отмечает местная газета. И продолжает: «Идущие к нам корабли простаивают в карантине в Стамбуле 10 дней, затем в Одессе еще две недели». В Бразилии отменили рабство негров, а в Швейцарии — смертную казнь как меру наказания. Премьер-министр Румынии Ион Брәтиану после лечения на водах в Мариенбаде уехал в Париж улаживать конфликт из-за нового таможенного тарифа. «Одесский вестник» перепечатал информацию из Парижа, в которой говорится: «Парижская критика приходит в восторг от «Анны Карениной» и ставит графа Льва Толстого на одну высоту с величайшими писателями-художниками. Об этом говорится в большой рецензии на роман, опубликованной в ведущем литературном журнале Франции». Вот еще сообщение о другой знаменитой книге: «В Штутгарте вышла в свет давно ожидаемая книга «Das Kapital», том 2-й, посмертное сочинение известного экономиста Карла Маркса. Том этот редактирован другом Маркса, господином Энгельсом, автором известной книги «Положение рабочих в Англии».

Пресса затрагивает и вопрос, одинаково болезненный как для

России, так и для Румынии, - еврейский. «Одесские новости» сообщают, что в Харькове открыт технологический институт, куда будет принято от 150 до 200 молодых людей [42. 31 июля]. А «Новороссийский телеграф» накануне поспешил обрадовать одесситов тем, что вышло Высочайшее повеление ограничить прием евреев в этот институт десятью процентами [28. 30 июля]. Как бы для контраста с отечественным произволом третья газета печатает сообщение под заглавием «Протест румынских евреев». В нем сказано: «Румынские евреи протестуют против лживого заявления английского дипломата о якобы преследовании евреев в этой стране. Румынское правительство при присоединении Добруджи (на Берлинском конгрессе 1878 г. — Д.У.) разрешило пользование политическими правами всем евреям: этими правами и пользуются они, то привлекаемые к участию в общественных делах, то как представители или коронные чины» [2. 4 сент.]. Закончим этот сюжет цифрами о еврейском населении Одессы и Ясса: в первом городе их проживало 62 тыс. [39], а в Яссах — 40 тыс., или 51% всех жителей [40].

Если вспомнить о местных событиях лета 1885 г., то главным, вне сомнения, были выборы гласных в городскую думу. Страсти разгорелись не на шутку. В них участвовал и владелец лечебницы с Куяльницкого лимана доктор Яхимович. 5 августа «Одесский вестник» сообщил результаты голосования: Яхимович получил 41 голос «за» и 137 голосов «против». Абсолютным большинством в думу избран князь Юрий Гагарин, богатый судовладелец. Месяцем ранее имело место еще одно знаменательное событие — открытие первого в Одессе магазина с электрическим освещением на углу Дерибасовской и Ришельевской. Много места в городской хронике занимает театральная жизнь. Начались гастроли столичного Мариинского театра, на 30 августа объявлена бессмертная комедия Гоголя «Ревизор». Эту же пьесу ставили и любители на Куяльнике в качестве благотворительного спектакля. «Ревизор» смотрел и Эминеску на румынском языке и оставил о постановке замечательную рецензию. «Новороссийский телеграф» сообщает, что с 1 сентября начинается новый сезон Русский театр. Импреса-

рио Каваларо привез итальянскую труппу (далее названы имена актеров). Репертуар самый знаменитый: «Аида», «Норма», «Севильский цирюльник», «Травиата», «Фауст», «Риголетто», «Бал-Маскарад», «Эрнани», «Гугеноты».

Курортный сезон на одесских лиманах между тем приближался к концу. Уже в письме от 18 августа Эминеску жаловался, что «...началась серия дождей и температура не поднимается выше 12 градусов Реомюра (16°Ц). Главный сезон купаний прошел, людей становится все меньше, а поезда между лиманом и городом ходят все реже» [37. 735]. «Одесские новости» поместили заметку «Окончание купального сезона», в которой сказано: «Температура морской воды понизилась до 11-12 градусов по Реомюру, так что съехавшиеся сюда для лечения уже разъезжаются. На обоих лиманах температура воды также заметно понизилась, в виду чего число купающихся с каждым днем уменьшается» (Эминеску в письме эмоционально воскликнул: «Купаться нет никаких сил»). Затем газета подводит итоги года: «В истекающем сезоне на наших лиманах было гораздо менее купающихся, чем в предыдущие годы, что объясняется охватившим в последнее время весь юг коммерческим кризисом» [42. 22 авг./3 сент.]. Другая газета от имени одесситов, привыкших иметь хорошее сообщение с лиманами, протестует против «несвоевременной отмены поездов между городом и Куяльником, что является крайне неудобным для больных, битком наполняющих вагоны и зачастую, за неимением места, остающихся на станции» [2. 18/30 авг.].

Вместе с тем, если быть объективным, следует признать, что одесские железнодорожники никогда не работали так пунктуально, как в те времена. Вот подтверждение: поезд литеры А отходил от станции Карантин в 7 час.02 мин. утра и прибывал на станцию Куяльник в 7 час.32 мин.; поезд литеры Б отходил в 8 час.04. мин., приходил в 8 час. 39 мин. В пути пассажир находился ровно 35 минут. Добиться такой точности смог начальник службы движения Юго-Западных железных дорог С. Ю. Витте, будущий министр финансов, творец «русского экономического чуда» конца века. Говорили, что он купил лучшие в мире часы фирмы «Брегет»

и вручил каждому машинисту и диспетчеру. После этого поезда стали ходить минута в минуту, в то время как на Большом Фонтане конка могла опаздывать до 10 минут. Витте своей деловитостью и энергией стал известен не только в Одессе: в конце июля его пригласили на Международный съезд представителей железных дорог в Брюссель [28. 17/29 июля]. Не с этого ли времени началась его стремительная карьера, приведшая в кресло премьер-министра России?

После того, как в начале сентября Эминеску покинул лиман и переехал в гостиницу «Страсбург» на Екатерининской улице, он имел время и возможность лучше познакомиться с городскими достопримечательностями. Первыми из них, как и 20 лет назад при Марке Твене, оставались памятник Ришелье и исполинская лестница, позже получившая название Потемкинской. По дороге туда, в самом начале соседней с Екатерининской улицы Ришельевской кипела стройка, тоже гигантская — шло возведение здания театра оперы и балета. Театр должен был стать точной копией того, каким Эминеску любовался в студенческие годы в Вене. Схожесть двух построек объясняется просто — их проектировали те же самые архитекторы. То, что здесь увидел румынский поэт, можно передать словами одесского репортера: «Постройка здания нового театра заметно подвигается вперед, хотя идущие в последние дни дожди несколько задерживают ход работ. До сих пор кладка стен доведена до бельэтажа, в некоторых местах даже больше... Хотя из Вены получено уже более двухсот чертежей, но детали разрабатываются в Одессе самим господином Пикуляно, составившим также план весьма изящной курительной комнаты в фойе в мавританском стиле» [2. 18 июля]. Строительство оперного театра стало поистине общеевропейским делом. Не только Вена, но и многие другие места, так или иначе, были в него вовлечены. «Стройматериалы идут со всей Европы, - писала местная газета.

Уже употребили кирпича итальянского 1 миллион 200 тысяч штук и местного 1 миллион, еще понадобятся два с половиной миллиона. Для главной лестницы заготовлены ступени из карст-

ского (близ Триеста) мрамора. Для облицовки фасада здания и колонн завозится марсельский камень. Железные колонны привезли из Варшавы, столярными работами руководит мастер из Вены. Подрядчик по строительству театра Цифферер оттуда же» [32. 15 июля].

Пройдет десяток лет, и на родине Эминеску, в Яссах, теми же венскими архитекторами будет возведен оперный театр, точная копия одесского, но поэт его уже не увидит...

В письмах с лимана Эминеску постоянно жаловался на отсутствие средств и просил друзей поторопиться с присылкой *pergus regum* — «движущей силы всех дел». Присущий ему неупорядоченный, кочевой образ жизни и равнодушие к материальным благам, безалаберный студенческий быт в Вене и Берлине приводили к тому, что деньги из его рук уплывали быстро и бесследно [61. 1 - 2]. Хорошо его знавший писатель Якоб Негруцци так охарактеризовал Эминеску: «Удивительно в нем было сочетание огромного таланта с исключительной скромностью. Совершенно лишенный честолюбия, он никогда не заботился об улучшении ни своего социального, ни тем более материального положения». Другой его знакомый, знаменитый драматург И. Л. Караджале, подтверждает это мнение: «Он (Эминеску) был человеком неорганизованным, но отнюдь не порочным» [59. 57, 47]. И многие другие люди, знавшие поэта, в один голос говорят о его непрактичности, аскетичном образе жизни и презрении к деньгам [60].

Неустроенный быт, террор среды и приступы болезни серьезно нарушили психическое равновесие Эминеску. Поэзия, как известно, та же добыча радия — творец живет под таким мощным гамма-излучением, что постоянно находится на грани гибели. Такова судьба всех великих поэтов разных наций, ведь гениальность сродни безумию. Абсолютно здоровые с медицинской точки зрения люди, как правило, пишут посредственные стихи, которые никого не взволнуют, не опечалят, не зажгут. Эминеску многие годы провел в радиоактивном поле творческого горения, что привело его к тяжелой болезни и к нервным срывам. В этом отноше-

нии он стоит в ряду других великих страдальцев того времени — Всеволода Гаршина, Мопассана, Ницше, позднее — великого русского поэта Варлама Шаламова. Все они закончили жизнь в больнице для душевнобольных. Но для миллионов читателей не имеет никакого значения, от какой болезни скончался любимый писатель. Единственно важное — его вклад в сокровищницу мировой и национальной культуры, светлые идеалы, которым служил, сила поэтического слова.

Оценивая сегодняшние баталии вокруг творческого наследия Эминеску и его трагической судьбы, в заключение приведем глущую мысль знаменитого румынского ученого Мирчи Элиаде: «Эминеску достаточно велик, чтобы обойтись без всяких мифов и предрассудков, возникших вокруг его имени... Его творчество ценнее легенды, а его гений — превыше мифологии» [18. 7].

### Литература:

1. Среди наиболее содержательных трудов о пребывании Мицкевича в Одессе можно отметить следующие: Aër. Mickiewicz w Odessie i twórczoścjegо z tego czacu. — Warszawa, 1898; Mościcki H. Z pobytu Mickiewicza w Odessie. Pod znakiem Orla i Pogoni. — Warszawa, 1915; Fiszman S. Z problematyki pobytu Adama Mickiewicza w Rosji // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. — 1956. - №1. — S. 3-52.

2. Одесский вестник. — 1885.

3. [электронный ресурс] — [www.svoboda.org/content/article/24331225/html](http://www.svoboda.org/content/article/24331225/html)

4. Călinescu G. Viața lui Mihai Eminescu. — Bucuresti, 2004.

5. Dabija N. Pe urmele lui Orfeu: Eseuri. Ed. 2-a. — Chișinău. 1990.

Автор высказал надежду на то, что когда-нибудь в архивах найдутся дневник доктора Ф. Яхимовича и другие материалы о развитии одесской бальнеологии. С огорчением приходится признать, что этот день еще не наступил. Даже документация городской больницы сохранилась далеко не полностью. Найденный отчет за 1883 г. содержит мало информации: в нем имеются лишь статистические данные, но нет списка больных и врачей [63]. Конечно, в частных лечебницах на лимане велись журналы прибытия и убытия пациентов, записывались их жалобы и назначенные процедуры, но эти документы на архивное хранение не поступали.

Относительно дневника доктора Ф. Яхимовича ничего не известно.

6. Craciun V. Eminescu la Odesa și Kuialnik. – București, 2010.
7. Dorian G., Iordache E. Pașii poetului. – Iași, 2000.
8. Popa Z.N. Contribuții documentare la biografia lui Eminescu. – Buc, 1962.
9. Crețu I. Mihai Eminescu: Biografie documentară. – Buc, 1968.
10. Eminescu: Sens, timp și devenire istorică. Ed. 2-a/Coordonatori Gh.Buzatu s.a.-Iași, 2010.
11. Cărtărescu M. Dieleme de altădată: Fapte// Dilema. – 1998. – 27 febr. №265; Adevărul despre Eminescu/Postat 15 ianuarie 2007. - [электронный ресурс] – [www.mihai-eminescu.net](http://www.mihai-eminescu.net)
12. Ziarul Lumina. – 2009. – 15 ianuarie.
13. Georgescu N. A doua viață a lui Eminescu. – București, 1994.
14. Codreanu T. Dubla sacrificare a lui Eminescu. – Chișinău, 1999.
15. Nica I. Eminescu: Structura somato-psihică. - București, 1972.
16. Vuia O. Despre boala și moartea lui Eminescu: Studiu patografic. - București, 1997.
17. Dulciu D.T. Cazul Eminescu: “mal praxis”, ignoranță sau crimă? O ipoteză de lucru//Studii eminescologice. – 2005. - №7.
18. Eliade M. Despre Eminescu și Hasdeu/Ediție îngrijită și prefață de Mircea Handoca. – Iași, 1987.
19. [электронный ресурс] – [www.medical-enc.ru/26/encephalitis.Shml](http://www.medical-enc.ru/26/encephalitis.Shml).
20. Abrahamson B. Des bains des limans d’Odessa considérés sous le rapport de leurs effets thérapeutiques. – Odessa, 1850. Абрагамсон. Б.Я. (1798-1874) получил медицинское образование в университетах Кракова и Берлина. В 1824 г. удостоен степени доктора медицины в С.-Петербургской медико-хирургической академии. Военный врач. С 1847 г. в отставке, поселился в Одессе, где имел частную практику. В 1850 г. выпустил книгу «Одесские лиманы, их лечебные свойства и употребление в различных болезнях» в Москве – на русском, в Одессе – на французском языках [66].
21. Max E. Băile de mare și de Liman de la Odessa: Câte-va notiuni adunate din propria mea observațiune și din publicatiunile sciintifice a domnilor Dr.Motschutkovsky, Verigo și Pinsker. – Jassy, 1884.
22. [электронный ресурс] – [www.romanianjewish.org/en/mosteniri-ale-culturii-iudaice.03.11.10/html](http://www.romanianjewish.org/en/mosteniri-ale-culturii-iudaice.03.11.10/html). Сын доктора Макса закончил Парижскую консерваторию и прославился как выдающийся артист фран-

---

---

цузского театра и кино под псевдонимом Эдуард де Макс (Iancu N.T. Dicționarul actorilor de film. – București, 1977. – P. 111-112).

23. Дулленко О. Деятельность Йосифа-Бронислава Мочутковского в Одессе, 1869 - 1893// Поляки на Півдні України та в Криму. – Одеса – Ополе -Вроцлав, 2007.

24. Верникова Б. Лев Пинскер // Морія. – 2006. – №6.

25. [электронный ресурс] – [www.familyface.net/peopleview](http://www.familyface.net/peopleview).

26. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). – Ф.16. – Оп. 125. – Д.121.

27. Яхимович Ф. И. На лимане 1881-1892 годы. Наблюдения, произведенные в лиманно-лечебном заведении Ф. И. Яхимовича / Записка для врачей и публики. – Одесса, 1892. Отец доктора Яхимовича Ян (Иван), родом из австрийской Галиции, получил медицинское образование в Венском университете. В поисках работы переехал в Россию, где ощущался дефицит врачей. Здесь, в Подольской губернии, в 1831 г. у него родился сын Фелициан, который пошел по стопам отца – в 1852 г. закончил медицинский факультет университета Св. Владимира в Киеве. Когда Ф. И. Яхимович прибыл в Одессу, установить не удалось. Нет упоминаний о нем и в новейшей публикации об одесских поляках [67. 101-116].

28. Новороссийский телеграф. – 1885. При любых расчетах времени пребывания Эминеску в Одессе надо иметь в виду расписание поезда 23/24, шедшего из Унген в Одессу через Кишинев и Раздельную. В Одессу он прибывал в 7 час. 22 мин. утра, а отправлялся в обратный путь в 12 час. 20 мин. ночи.

29. ГАОО. – Ф.16. – Оп. 97. – Д. 40.

30. Отчет Одесского общества для призрения младенцев и родильниц за 1885-1886 г.г. – Одесса, 1886.

31. ГАОО. – Ф.16. – Оп. 121. – Д. 50.

32. Одесский листок. – 1885.

33. Sprawozdanie z dzialalnosci stowarzyszenia “Ognisko” za rok 1906. – Odesa, 1907.

34. Краснова Е., Дроздовский А. Лечебница на Куяльницком лимане // [электронный ресурс] – [www.odessitclub.org/readingroom/krasnova/kuyalnik/php](http://www.odessitclub.org/readingroom/krasnova/kuyalnik/php).

35. Попович К. Михай Эминеску: Вяца ши опера ын документе, мэртурий, илустрации. – Кишинэу, 1990.

36. ГАОО. – Ф.5. – Оп. 1. – Д.1358.

37. Eminescu M. Opere / Ediție de Perpessicius. Vol.16: Corespondența. Documentare. – București, 1989. «Нойе фрайе прессе» была ведущей газетой Австрии в течение 75 лет (1864 - 1939). Отражала позиции умеренно-либеральных кругов населения, поддерживала национальные чаяния румын в Трансильвании и украинцев в Галиции. Хорошо информированная, она имела около 500 корреспондентов по всему свету. Некоторое время, в качестве лондонского корреспондента с нею сотрудничал К. Маркс, печатались тут и другие знаменитые люди [65, 48-51].

38. ГАОО. – Ф.314. – Оп. 1. – Д. 58.

39. ГАОО. – Ф.274. – Оп. 1. – Д.5.

40. [электронный ресурс] – [www.yivoencyclopedia.org/article/aspx/iasi](http://www.yivoencyclopedia.org/article/aspx/iasi).

41. Journal d'Odessa. – 1881. – 3 mars.

42. Одесские новости. – 1885.

43. ГАОО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 95.

44. Там же. – Д. 67.

45. Там же. – Д. 63.

46. Wilhelm G. Heine Bibliographie. T. 1: Primärliteratur. – Weimar, 1960.

47. ГАОО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 9.

48. Dicționarul literaturii română de la origini pînă la 1900. – București, 1979.

49. ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 1761.

50. Там же. – Д. 1742. В авторитетном справочнике «Румынская литература от зарождения до 1900 г.», где дана информация о 477 периодических изданиях, газеты под названием «Бессарабия» нет. Скорее всего, такая газета печаталась в Яссах подпольно русскими эмигрантами-народовольцами. Во всяком случае, в румынской транскрипции она бы писалась иначе «Басарабия». В архивном деле экземпляры газеты отсутствуют.

51. ГАОО. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 1761.

52. Там же. – Д. 1351.

53. Там же. – Д. 1441.

54. Eminescu M. Opere/Ediția de Perpessicius.Vol.13:Publicistică. – București, 1984.

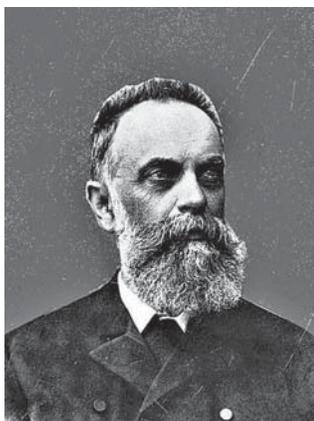
55. ГАОО. – Ф. 157. – Оп. 1. – Д. 42.

56. Там же. – Д. 41; Ф. 45. – Оп. 12. – Д. 208.

57. Обзорение преподавания в И.Н.У. во втором полугодии 1885-1886 учебного года. – Одесса, 1885.
58. Bhose A. Eminescu și India. – Iași, 1976; Bhose A. Eminescu si limba sanscrita. – București, 2010.
59. Румынская литература. – 1985. - №1. Воспоминания об Эминеску опубликованы на русском языке как раз к столетнему юбилею посещения им Одессы.
60. Ei l-au văzut pe Eminescu: Antologie/Note și bibliografie de Cristina și Victor Crăciun. – Cluj, 1989.
61. Agopian S. A fost Eminescu sărac? // Ziua literară. – 2003. – 16 iunie. - №57.
62. Muntean G. Eminescu dans la literature universelle: Esquisse d'un bilan // Synthesis. – 1975. - №2.
63. ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 125. – Д. 323.
64. Eminescu M. Opere/Ediția de Perspessicius. Vol.14: Traduceri filozofice, istorice și științifice. – București, 1983.
65. Walter E. Osterreichische Tageszeitungen der jahrhunder-Wende. – Wien, 1994.
66. Крылов-Толстикевич А. Русские врачи XVIII – начала XX ст.: Краткий биографический словарь. [электронный ресурс] – [www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/iasi](http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/iasi).
67. Sula D. Polacy w Odessie w latach 1795-1923 // Sprawy Wschodnie. – 2009. – №1-2.

*Андрій Климчук, краєзнавець (Рівне)*

### «З ВРАЖЕНЬ ОДЕСЬКИХ» МАР'ЯНА ДУБЕЦЬКОГО



Фактично й до сьогодні маловивченою лишається біографія та наукова і творча спадщина Мар'яна Кароля Дубецького — відомого польського історика, письменника та громадського діяча. Лише в певній мірі висвітлено його волинський період життя.

Мар'ян Дубецький народився в Із'яславі 26 серпня 1838 р. в сім'ї Людвіка і Анни з Славків. З цієї родини також походили два брати Мар'яна: Целестин — публіцист і Олександр Гедеон — учасник національно-визвольної боротьби. Від першого місяця життя і до 10-річного віку (батьків втратив ще в дитинстві) він виховувався під пильною і доброю опікою вуйни Гонорати Славківни і вуйка Адама Славка.

Після домашньої освіти своє навчання М. Дубецький продовжив у Житомирській гімназії. Потім було навчання в Харкові, а згодом в Києві. Після закінчення навчання в Київському університеті Св. Володимира в званні дійсного студента у 1860 р. цього ж року, 21 жовтня, М. Дубецький був призначений вчителем польської мови Рівненської гімназії. Після того, як М. Дубецького почало переслідувати гімназійне керівництво і поліція за участь в панахиді за загиблими польськими повстанцями, він переїхав жити до брата в маєток Сіваків під Берестечком. Тут він вів активну просвітню і політичну діяльність. За участь в демонстрації його було арештовано і відправлено на адміністративне заслання у В'ятку. На цьому волинський період життя М. Дубецького закінчився.

У 1874 р. Дубецький отримав дозвіл на переїзд до європей-

ської частини Російської імперії за винятком польських земель. Відтак М. Дубецький спочатку замешкав у Катеринославі, а в 1880-1883 рр. він мешкав в Одесі. Про його проживання в місті нам не відомо фактично нічого, і, без сумніву, слід в цьому напрямку робити пошуки і дослідження, щоб тим самим максимально повністю відтворити всі сторінки життя цієї особистості. Слід зазначити, що всюди, де М. Дубецький проживав, він намагався спізнати історію того краю. Так було і в Одесі.

М. Дубецькому належить малознана версія про походження назви Хаджибею. Ще більш незнана одна його публікація «З вражень Одеських», що вийшла як розділ двохтомника «На кресах і за кресами: спомини і нариси» [2, 307-320] та окремою відбиткою [4]. Хоча сама публікація досить коротенька, але написана яскраво і живо, з деталями і ліричними відступами.

Як зазначає сам М. Дубецький, у 1882 р. в Одесі ще були живі ті люди, які пам'ятали початок ХІХ ст. і, зокрема, були знайомі з Адамом Міцкевичем. Ще жив Шеміот, який у будинку своєї матері, будучи десятирічним хлопчиком, слухав, як Міцкевич читав уривки з «Конрада Валенрода», творення якого розпочалося в Одесі. Жили в той час в Одесі літератор, урядовець і таємний радник Аполлон Скальковський, а також селянин Кароль Мархоцький. Це були люди різних світів, але вони в свій час були друзями відомого письменника.

В молодості Мархоцький і Міцкевич приятелювали. Поет написав Мархоцькому в альбомі віршик «До А. С.». Він написаний у жартівливому тоні, що свідчить про хороші дружні відносини, що були між цими двома людьми. В 1882 р. М. Дубецький сфотографував цей автограф у А. Скальковського і вмістив його на шпальтах «Колосів» [3].

Вірш «До А. С.» написав А. Міцкевич А. Скальковському, коли останній, закінчуючи університетські студії в Москві, вирушав на роботу. А. Скальковський навчався спочатку у Віленському університеті, пізніше доповнював свої знання на студіях в Москві. Тут в грудні 1825 р. він познайомився з А. Міцкевичем. Великий польський поет певний час давав А. Скальковському уроки німець-

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

кої мови. Десь місяць чи два отримував винагороду за свою працю, але пізніше від такої відмовився на користь біднішого А. Скальковського.

Сам віршик в оригіналі звучить так:

*Słysząc, że pud suvenirów pobrałeś z Rusinek,  
Które ci pozyskała czułość albo sztuka,  
Niechże i przyjaźń kilka życzeń w upominek  
Do sentymtalnego wpakuje sunduka.  
Czy jedziesz w kraje lodów, czy na dworzec słońca,  
Obyś zawsze tam jeździł, gdzie ci się podoba,  
Oby na twym kompasie u jednego końca  
Zawsze było życzenie—na drugim żałoba.*

A. Mickiewicz. w Moskwie, 1826, Jun .

*Чув, що пуд сувенірів добув від росіянок,  
Завойованих ніжністю та мистецтвом.  
Нехай кілька щирих побажань на спогад  
До сентиментальної спакую скрині.  
Чи їдеш в край льодів чи на сонячний дверець.  
Та щоб їздив там завше, де до вподоби,  
Щоб на твоєму компасі з одного боку  
Завше було бажання. А з іншого — печаль.*

Міцкевич в певному значенні був пророком — передбачив долю людини.

На Одеському цвинтарі в листопаді 1881 р. було поховано Кароля Сцибора Мархоцького. Його постать вже в ті часи була призабута, а цей майже 90-річний чоловік знав чимало цікавого. Він був сином Ігнація Сцибора Мархоцького — поміщика, ініціатора господарських, суспільних і релігійних реформ у своїх володіннях, відомих під назвою «Миньковецька держава».

Перша половина його життя минула в спокої, коли він продовжував суспільну діяльність, розпочату батьком. Друга була переповнена турботами.

Під час першої половини свого життя він часто бував в Оде-

сі, скрашував перебування Міцкевича в цьому місці. Приємне товариство Мархоцького стало для Адама Міцкевича свого роду зміцненням, живильною вологою. Не маючи свободи руху, поет завдячував йому першим своїм виїздом з міста, виїздом таємним до Любоміли в гирлі Дунаю, до маєтності Мархоцького. Навесні 1825 р. А. Міцкевич там провів три дні. Також поет за сприяння свого друга їздив до Аккерману. Перший із «Кримських сонетів», «Степи Акерманські», був враженням їхньої спільної мандрівки, і писав його Міцкевич в Любомілі Мархоцького.

Мархоцький завше шукав цікавих товариств, тому не дивно, що Міцкевич був не одним його гостем. Тут часто бували поляки, особливо під час купального сезону. В 1824 р. на ботанічну екскурсію до гирла Дністра здійснив А. Анджейовський разом з К. Монюшком, тодішнім візитатором волинських шкіл і ботаніком Сховітзом. Так вони й натрапили на хутір Мархоцького і були приємно здивовані господарем маєтку. А. Анджейовський про своє перебування в Любомілі лишив спогади [1. 171-172]. Після 1831 р. І. С. Мархоцький опинився в далекому Тобольську. Але й там він товаришував з поляками, намагався всюди і всіляк допомогти своїм співвітчизникам. Пізніше він повернувся на чорноморське побережжя, ще три покоління прожили поруч з ним. Але з плином часу все довкола І. М. Мархоцького суттєво змінилося: відносини, звичаї, прагнення, принципи, люди стали іншими. В Одесі він доживав свого віку і там же помер.

### Література:

1. Andrzejowski Antoni Lukianowicz. Ramoty starego Detiuka o Wołyniu. — Wilno, 1921. — Т. III. — 234 s.
2. Marjan Dubiecki. Na kresach i za kresami: wspomnienia i szkice. - K.: nakl. L. Idzikowskiego, 1914. — Т. 2. — 320 s.
3. Marjan Dubiecki. Wierszyk albowy Mickiewicz dotid w druku nieznanany // Klosy. — 1882. — Т. XXXV. — № 884. — S. 365-366.
4. Marian Dubiecki. Z wrażeń odeskich. — S. 307-320.

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

*Валерій Левченко,*

*кандидат історичних наук, старший викладач кафедри Українознавства та іноземних мов Одеського національного морського університету*

*Галина Левченко,*

*старший викладач кафедри історії України Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова*

### *З ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОГО ТЕАТРУ: БЕНЕФІСИ МАРІЇ ЗАНЬКОВЕЦЬКОЇ В ОДЕСІ*



*Вогнем, жагою, пориванням  
Вона серця палила всім;  
Страждання граючи, стражданням  
Сама була вона живим.  
І руки Чехова й Толстого  
Благословляли їй дорогу,  
І Мирний голову клонив  
Благоговійно перед нею,  
І Лисенко її любив  
Співучо-ніжною душею...*

*Максим Рильський*

На початку XIX ст. в одеських театрах виступали запрошені венеціанські, італійські, французькі, німецькі та польські виконавці, а з середини того ж століття все частіше ставало чути голоси акторів Російської імперії (передусім росіян і українців). В останнє двадцятиріччя XIX ст. в Одесі фіксувався розквіт діяльності професійного українського театру. Тут виступали корифеї українського театрального мистецтва, що увійшли в історію мистецтва як засновники українського театру: І. Загорський, Г. Затиркевич-Карпинська, І. Карпенко-Карий, М. Кропивницький, М. Садовська, М. Садовський, П. Саксаганський, М. Старицький, Є. Ратмірова та ін. Особливо гучний успіх під час виступів в Одесі

мала Марія Костянтинівна Заньковецька (1860–1934). В історії театру її ім'я вписане в один ряд з такими великими акторками того часу, як Сара Бернар, Марія Єрмолова, Віра Коміссаржевська, Антоніна Нежданова...

Біографістика М. Заньковецької бере свій початок з часів сценічного тріумфу актриси. Провідні театральні критики, літературознавці, театрознавці та історики (Ю. Беляєв, М. Вороний, Д. Дорошенко, В. Дурдуківський, В. Єрмілов, О. Колтоновська, Н. Лазурська, В. Лазурський, І. Нечуй-Левицький, С. Петлора, П. Рулін, О. Суворін та ін.) за життя легенди театру публікували матеріали, присвячені її біографії й творчості [1]. Персоналії М. Заньковецької в перше десятиліття її театральної діяльності друкували в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза і Єфрона (СПб., 1894) та «Словаре сценических деятелей» (СПб., 1901).

Науковим осмисленням творчості М. Заньковецької в радянський час займалися М. Нестеров, Н. Богомолець-Лазурська, В. Чаговець, С. Дурилін та ін. [2]. В працях українського діаспорного театрознавця В. Ревуцького докладно досліджувалася біографія та творчий шлях М. Заньковецької [3]. Сучасні дослідники (Г. Самоїленко, Н. Бабанська, О. Музичко, Р. Бродавко, С. Шендрикова та ін.) не забувають про легенду українського театру [4].

Однак ще залишається низка маловивчених і недосліджених сюжетів творчої діяльності М. Заньковецької. Метою даної статті є репрезентація ментальної самобутності носіїв української культури в одеському соціумі за допомогою вивчення гастрольних виступів М. Заньковецької в Одесі у складі українських труп.

Красу рідної мови і магію слова відкрив М. Заньковецькій вчитель Чернігівської гімназії, поет та друг Т. Шевченка – М. Вербицький. Професійну освіту співачка отримала у філії С.-Петербурзької консерваторії в місті Гельсінгфорс (Гелсінки). Уроки акторської майстерності надав батько українського театру – актор, режисер, драматург М. Кропивницький. Сценічну кар'єру М. Заньковецька розпочала в 1882 р., в трупі М. Кропивницького, в ролі Наталки у п'єсі І. Котляревського «Наталка-Полтавка».

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Маючи чудовий голос, драматичне сопрано, М. Заньковецька незрівнянно виконувала у спектаклях українські народні пісні, створила галерею сценічних образів української жінки. На тлі соціально-суспільного становища жінки в Російській імперії артистка розкрила духовне багатство представниць прекрасної статі з народу, їх життєстверджуючий оптимізм, доброту, гумор, потяг до щастя та любові.

За весь час професійної кар'єри М. Заньковецька працювала в найпопулярніших українських трупах М. Кропивницького, М. Старицького, М. Садовського, П. Саксаганського, І. Карпенка-Карого, О. Суслова, Ф. Волика, І. Найди, виступала у великих і провінційних містах Російської імперії (С.-Петербург, Москва, Варшава, Ростов-на-Дону, Казань, Київ, Одеса, Харків, Єлисаветград, Полтава, Чернігів, Житомир, Миколаїв, Ялта...). Розквіт таланту М. Заньковецької можливо віднести до часу її роботи в трупі М. Кропивницького, яка 1883 р. гастролювала у Одесі. Місцеві газети («Новороссийский телеграф», «Одесский Вестник», «Одесский листок» та ін. [5]) тих років рясніли анонсами, коментарями і відгуками про приголомшливі гастрольні тури М. Кропивницького.

В одній з передових газет Одеси протягом одинадцяти років (1882—1893) було опубліковано понад двісті заміток і статей, які висвітлюють виступи українських театральних труп. Одинадцять публікацій присвячено бенефісам М. Заньковецької, яку одеська критика назвала «українською Дузе». Одну з перших згадок про її виступ зустрічаємо в газеті «Одесский Вестник». У замітці від 19 серпня 1883 р. було подано короткі характеристики гри акторів у драмі «Доки сонце зійде — роса очі виїсть» [6], в якій поруч зі всіма акторами, згадується про героїню нашої статті. Вона брала участь у гастрольях трупи М. Кропивницького, що три тижні перебувала в Одесі. В одній з численних заміток місцевої газети від 30 серпня 1883 р. на п'єсу «Дай серцю волю — заведе у неволю» читаємо: «Кропивницький блистящим образом исполнил несколько куплетов. Публика много аплодировала и стонала от восторга. Сегодня в пятницу, субботу, воскресенье, даны будут представления» [7].

Перші виступи М. Заньковецької в Одесі мали успіх, про що свідчить той факт, що після закінчення останньої вистави в турі шанувальники піднесли актрисі в якості подарунка — «дучач» (прикраса у вигляді великої монети схожої на медаль з металевим бантом), на золотому масивному ланцюгу, з яхонтами і рубінами. «Прийом і проводи трупи були захоплені і сердечні» [8]. Серед різножанрових публікацій одеської преси, яка детально висвітлювала гастрольні спектаклі українських труп, зокрема гру М. Заньковецької, акцентуємо увагу на статтях, присвячених десятирічній професійній діяльності актриси. Її перший творчий ювілей був помітним явищем в театральних колах Одеси і детально висвітлювався в газетах. Святкування ювілею, який припадав на 16 січня 1893 р., було призначено на два дні пізніше — 18 січня. В якості сценічного образу ювілярка обрала роль Олени з драми «Глитай або ж павук», яка стала її першою драматичною роллю у професійній кар'єрі. До урочистостей була видана брошурка з біографічним нарисом, портретом і «характеристикою її обдарування у відгуках кращих театральних критиків». Квитки на бенефіс М. Заньковецької, який відбувся у Російському театрі, були викуплені за два дні [9]. Публіка зустріла свою улюбленицю громом оплесків, в антрактах шанувальники прими піднесли їй хліб-сіль, срібні вінки, жетони, квіти, сервізи, вітальні адреси і т. п. На ім'я артистки було отримано безліч вітальних телеграм з різних міст [10]. Один з кореспондентів газети «Одесский Вестник» зазначав, що М. Заньковецька «настільки любима публікою, що не може бути сумнівів у повному успіху її бенефісу» [11].

Одесити не забували про М. Заньковецьку і тоді, коли вона виступала в інших містах. Під час її виступів у Харкові на виставі за п'есою «Гуцули» актриса забила ногу, і ця подія була висвітлена в одеській пресі під гучним заголовком — «О несчастном случае с М. К. Заньковецкой» [12].

На рубежі XIX–XX ст. українські театральні колективи приїжджали щороку з гастролями до Одеси. В репертуарі М. Заньковецької за час виступів в Одесі було понад 30 ролей, вона «пере-

жила» жіночі долі Галі («Назар Стодоля» Т. Шевченка), Цвіркунки («Чорноморці» М. Старицького), Олени («Глитай, або ж Павук» М. Кропивницького), Харитини («Наймичка» І. Карпенка-Карого), Катрі («Не судилось» М. Старицького), Ази («Циганка Аза» М. Старицького), Уляни («Сватання на Гончарівці» Г. Квітки-Основ'яненка) та ін. Один з кореспондентів після вистави за драмою П. Мирного «Лимерівна» писав: «Трудно дойти до большей степени художественности в изображении драматического положения действующего лица, до какого дошла г-жа Заньковецкая» [13].

Разом з колегами з акторського цеху (М. Кропивницький, І. Карпенко-Карий, М. Садовський, П. Саксаганський та ін.) М. Заньковецька брала активну участь у створенні українського професійного художнього театру, завершення формування якого відбулося наприкінці 1890-х рр. М. Заньковецька віддано служила рідному народу засобами акторського мистецтва, боролася за соціально значимий репертуар. В Російській імперії це було не лише нелегко і непросто, а й небезпечно. Незважаючи на визнання глядачів і театральних фахівців, життя українського театру було складним. У 1883 р. київський генерал-губернатор А. Дрентельн заборонив на десять років гастролі трупи М. Кропивницького у Київській, Чернігівській, Полтавській, Волинській і Подільській губерніях. На резонансне запитання представників публіки, чому українській трупі дозволяється виступати в С. Петербурзі й Москві, але забороняється у Києві, А. Р. Дрентельн відповів: «Там театр — искусство, здесь — политика». Українським театральним трупам довелося виступати за межами губерній природної — «старосвітської» України. Український театр страждав від адміністративного утиску царського уряду, імператор Олександр III особисто розпорядився: «Совершенно воспретить устройство малорусского театра и формирование труп для исполнения пьес и сцен исключительно на малорусском наречии» [14].

Виступаючи з доповіддю на Першому Всеросійському з'їзді сценічних діячів у Москві (1897), М. Заньковецька захищала

прогресивне театральне мистецтво та від імені акторів вимагала усунення ганебних цензурних обмежень і полегшення стану українського театру. Силу українського театру не вдалося зупинити: на 1910 р. українськими авторами було написано 760 п'єс! [14]. Їх значна частина, незважаючи на цензурні утиски, була презентована публіці. Російськомовний глядач з щирим інтересом дивився постановки М. Кропивницького та М. Старицького, які «стали засновниками, а також режисерами та провідними акторами українського професійного театру» [15].

У сценічній кар'єрі М. Заньковецької був досвід епізодичних ролей у кількох російських п'єсах. І, незважаючи на те, що в періодичній пресі з'являлися прикрі висловлювання з того, що талановита актриса присвятила себе грі в «малоросійських» трупах, зазначаючи, що «на общерусской сцене ее талант имел бы больше простора» [16], вона залишалася вірною українському театру. Студенти Імператорського Новоросійського університету високо цінували справжню прихильність М. Заньковецької до української культури. В 1888 р., після закінчення вистави за драмою «Безталанна», вони подарували їй «Кобзар» Т. Шевченка, а на святкуванні її ювілею у 1892 р., в урочистій промові задекларували: «...Одесса доказала, что она любит родное искусство и умеет ценить талантливых представителей его» [17].

М. Заньковецька була свідомою українкою не тільки на сцені, вона залишалася такою й поза межами театру. Вона любила, через впливових осіб, нові українські п'єси, допомагала матеріально українським діячам, проводила просвітницьку, педагогічну і громадську діяльність. В Одесі актриса налагодила дружні відносини із родиною Лазурських (Лазурський Володимир Федорович (1869–1947) – професор Імператорського Новоросійського університету та Одеського інституту народної освіти, викладач Одеських вищих жіночих курсів та Інституту шляхетних дівчат; Лазурська (уроджена Богомолец) Наталя Михайлівна (1880–1958) – акторка Одеського драматичного театру, викладачка української мови в Одеському інституті шляхетних дівчат, театральний критик [18]), одним з аспектів

професійної діяльності якою був театр. З 1890-х рр. Н. М. Лазурська стала найкращою подругою М. Заньковецької. Частим гостем у родині Лазурських був і М. Кропивницький, який прихильно ставився до захоплення українським театром і мрією про акторську кар'єру Н. Лазурської [19]. Лазурські спілкувалися із М. Садовським, О. Сусловим, П. Саксаганським та іншими акторами українського театру. Н. Лазурська брала уроки майстерності у М. Заньковецької. Кілька разів Н. Лазурська грала у складі української трупи під псевдонімом Лихачовська, поруч із відомою актрисою (роль Дарини у «Ой не ходи Грицю, та й на вечорниці», Марусі – в «Лимерівні», Катерини – в «Не так сталося, як гадалося»). Про відносини з М. Заньковецькою Н. М. Лазурська згадувала: *«Мне довелось несколько раз играть вместе с Марией Константиновной... Первый раз в пьесе «Ой не ходи Грицю» в труппе М. Садовского, которая в 1908 году гастролировала в Одессе»* [20].

Подружжя Лазурських було одним з небагатьох професійних театральних критиків в Одесі на початку ХХ ст. Саме вони на той час стали авторами низки статей, присвячених грі українських театральних труп та зокрема М. Заньковецької [21]. Особливо багато на цю тему (приблизно 30 статей) опублікувала Н. Лазурська в газеті «Одесский листок» під псевдонімом Невидимка. Вона не тільки оспівувала талант українських акторів, а й дорікала українцям за інертність у відстоюванні інтересів рідної культури [22].

Бути українцем навіть в українській акторській трупі на зламі ХІХ–ХХ ст. було нелегко – українська мова була не в пошані. Ось що 1900 р. писав І. Нечуй-Левицький у листі до Н. Кобринської: *«Коли я проходжу коло літнього театру в садку (в Києве. – Авт.), де стоїть юрба акторів та хористів української трупи, збираючись на репетицію, то чую, що й ці балакають якимось жаргоном, а не українською мовою. Виходить, що й вони тільки українські штукарі-промисловці, та й годі! З української пісні, з українського штучництва мають хлібець, ще й добрий, – і нехтують народною мовою в житті та в щоденній життєвій розмові»*

[23]. Сьогодні така картина виглядає ще більш гнітючою... Особливо коли українську мову забувають її природні носії, що приїжджають з «колиски української культури» до Одеси й залишаються в ній жити, але при цьому цураються розмовляти рідною мовою.

М. Заньковецька стала артистичним символом не лише українського театру, а й української нації. *«І як Шевченко, за Костомаровим, український народ наче обібрав для того, щоб він опоетизував у своїй творчості поетичній страждання народні, так і Заньковецьку обібрала сама доля української нації для високої місії: стати за сценічне опоетизування страждань українського народу»*, – стверджував С. Петлюра. Заради «бідної України» актриса не погодилася змінити українську сцену на російську, незважаючи на «більші» ролі, гроші і славу. С. Петлюра писав, що: *«Заньковецька – артистичний символ цього героя, сценічне втілення тих наук, які доводиться випробовувати української нації в образі жінки. Її скарги на мачуху-рок, її сльози і часом відчай страшний і, нарешті, надія на щастя, на те, що із сліз зростуть квітки запашині вільного гармонійного життя нашої нації, все нагадує наші національні муки і наші надії»*. Цю тезу підтримав український історик діаспори Т. Гунчак, який так характеризував її національну самосвідомість: *«Справжньою окрасою української сцени була Марія Заньковецька. Коли їй запропонували блискучу кар'єру в Росії, вона відповіла, що Україна занадто бідна, щоб її покинути. Ця відповідь не випадкова: Заньковецька була свідомою українкою»* [24].

В її репертуарі не було ролей зі світової класики – в цьому плані можливості українського театру були надто обмежені. М. Заньковецька не особливо-то і прагнула зіграти, скажімо, Офелію або Джульєтту, хоча б тому, що органічно почувалася Наталкою-Полтавкою, Наймичкою, Марусею Богуславкою, Безталанною, Бондарівною, Сарою («Жидівка-вихрестка»), циганкою Азою, полькою Зосею («Сава Чалий»), Оленою («Богдан Хмельницький»). *«Г-жа Заньковецкая, – говорив російський театральний критик і драматург О. С. Суворін, який про-*

сив її «ощасливити російську сцену», — *неподражаема в драмах Карпенко-Карого, в которых соединились для нее и Шекспир, и Гете, и Шиллер, и Островский* [23].

Під час московських гастролей 1912 р. М. Заньковецьку побачив К. С. Станіславський і зазначив: *«Талант исключительный, свой, национальный. Я бы сказал — истинно народный»*. У Москві М. Заньковецьку в ролі Олени бачив Л. Толстой, який був так захоплений грою, що попросив її подарувати йому червону хустку зі своїх плечей, яку зберігав як реліквію. Видатний письменник високо цінував творчість артистки і шанобливо ставився до неї як до справжнього майстра. П. Чайковський підніс їй лавровий вінок з написом «М. К. Заньковецькій — безсмертній від смертного». І. Бунін плакав на її спектаклях. І. Козловський твердив: *«Визначення «видатна артистка» для Марії Костянтинівни Заньковецької не точне. Хто бачив її, хто мав щастя знатися з нею, сприймали її як світлий геній справжнього народного мистецтва»*. Особлива сторінка в біографії М. Заньковецької — щирі відносини з А. Чеховим, якому вона збиралася допомогти у придбанні «хутірця» в Україні.

Письменник-дослідник М. Кагарлицький висловлює цілком вірогідне припущення, що образ знаменитої «Чайки», що стала емблемою МХАТу, навіяний пісню «Ой горе тій чайці» у проникливому виконанні М. Заньковецької, а прототипом головної героїні цієї драми певною мірою була сама акторка. Гра М. Заньковецької була феноменом психологічного проникнення в образ. Адже не дарма ж на спектаклі з її участю такі медичні світила, як О. Богомолець і М. Скліфософський, приводили своїх студентів на «психологічний практикум». У 1895 р. видатний український фотохудожник і кінооператор А. Федецький зняв серію психологічних етюдів для книги Ч. Дарвіна «Выявление эмоций у человека и животных», в яких актриса ілюструвала різноманітні душевні стани [14].

М. Заньковецька — видатна актриса свого часу, стала прикрасою національної сцени, зіркою в театральному просторі наприкінці XIX — початку XX ст. Вона увійшла в історію театру

як видатна українська трагічна акторка, у створюваних сценічних образах уособлюючи символ української жінки. Ставши визаною великою українською актрисою в Російській імперії, вона першою була удостоєна звання народної артистки радянської України (1922), а 24 квітня 1923 р. колегія Народного комісаріату освіти УСРР прийняла рішення про її довічне забезпечення [25]. Не забули видатну актрису і жителі Одеси, назвавши 1965 р. її ім'ям одну з вулиць міста.

В історичних реаліях Одеса була і залишається поліетнічним європейським центром, ідеалами якого є гуманність і толерантність. Підтвердженням тому є факт, що наприкінці ХІХ ст. – початку ХХ ст. українські театральні колективи були частими і бажаними гостями Одеси, виступи яких яскраво ілюструвала місцева преса. За допомогою творчих контактів українська культура, у всіх її проявах, активно жила в середовищі міського населення і була невід'ємною складовою культурного життя одеситів.

### Література:

1. Нечуй-Левицький І. С. Марія Заньковецька. Українська артистка. – 1893; Суворин А. С. Хохлы и хохлушки. – СПб., 1907. – 113 с.; Колтоновская Е. А. Женские силуэты (писательницы и артистки). – СПб., 1912. – 240 с.; Лазурская Н. К юбилею М. Заньковецкой // Южная мысль. – 1912. – 2 февраля; Лазурский В. Школа М. К. Заньковецкой // Одесский листок. – 1916. – 5 сентября та ін.

2. Чаговец В. Марія Заньковецька на шляхах життя і творчості. – К., 1949; Вінок спогадів про Заньковецьку. – К., 1950. – 258 с.; Дурилін С. М. Марія Заньковецька. 1860–1934. Життя і творчість. – К., 1955. – 520 с.; Нестеров М. В. Портрет М. К. Заньковецкой // Нестеров М. В. Давние дни. – М., 1959. – С. 231–234; Богомолец-Лазурська Н. Життя М. Заньковецької. – К., 1961. – 66 с. та ін.

3. Ревуцький В. П'ять великих акторів української сцени. – Париж, 1955. – 93 с.

4. Самойленко Г. В. Марія Заньковецька: Поліський край. – Ніжин, 2004. – 159 с.; Талан. Життя і творчість Марії Заньковецької. – К., 2004. – 288 с.; Музычко А. Владимир и Наталья Лазурские в куль-

турной жизни Одессы первой половины XX в. // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. – Вип. 8. – Одеса, 2010. – С. 37–44; Бродавко Р. «Ее зарею называли...» // Одесский Вестник. – 2010. – 7 декабря; Шендрикова С. П. Украинское театральное искусство в контексте истории Крыма на примере творчества Марии Константиновны Заньковецкой // Література та культура Полісся. – Вип. 64. – Ніжин, 2011. – С. 358–368 та ін.

5. Див.: Корифеї українського театру в Одеській пресі: бібліографічний покажчик / Укл. Олена Нуньєс; ред. І. С. Шелестович. – Одеса, 2011. – 277, [2] с.

6. Одесский Вестник. – 1883. – 19 августа.

7. Одесский Вестник. – 1883. – 1 сентября.

8. Одесский Вестник. – 1883. – 6 сентября.

9. Одесский Вестник. – 1892. – 9, 16, 18 декабря.

10. Одесский Вестник. – 1892. – 19, 20 декабря.

11. Одесский Вестник. – 1893. – 6 февраля.

12. Одесский Вестник. – 1893. – 8 июня.

13. Одесский Вестник. – 1892. – 5 декабря.

14. Мельпомена украинской сцены. Триумф и трагедия // Ресурс доступу: [http://fame.com.ua/z/zankovetskaya\\_mariya](http://fame.com.ua/z/zankovetskaya_mariya)

15. Сарбей В. Г. Национальное возрождение Украины. – К., 1999. – С. 238.

16. Одесский Вестник. – 1892. – 20 декабря.

17. Одесский Вестник. – 1888. – 21 февраля; 1892. 20 декабря.

18. Див.: Музычко А. Владимир и Наталья Лазурские в культурной жизни Одессы первой половины XX в. // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. – Вип. 8. – Одеса, 2010. – С. 37–44.

19. Лазурська Н. З моїх зустрічей // Спогади про Марка Кропивницького. – К., 1990. – С. 133–136.

20. Лазурская Н. Создатель народного театра // Венки воспоминаний о М. К. Заньковецкой. – М., 1950. – С. 162–173.

21. Лазурская Н. К юбилею М. Заньковецкой // Южная мысль. – 1912. – 2 февраля;

22. Лазурский В. Школа М. К. Заньковецкой // Одесский листок. – 1916. – 5 сентября.

23. Лазурская Н. «Синяя птица» // Одесский листок. – 1916. – 28 октября.

24. Бурбан А., Бурбан В. Марія Заньковецька – Мельпомена укра-

## **ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА**

---

---

їнської сцени. Триумф и трагедія. До 150-річчя з дня народження Марії Костянтинівни Заньковецької // Ресурс доступу: <http://storinka-m.kiev.ua/article.php?id=212>

25. Марія Заньковецька: геній української сцени // Ресурс доступу: <http://storinka-m.kiev.ua/article.php?id=571>

26. Державний архів Одеської області. – Ф. Р-150. – Оп. 1. – Спр. 42. – Арк. 6.

*Ігор Верба (Київ),*

*доктор історичних наук, професор Київського  
національного університету ім. Тараса Шевченка*

### *ЗАХИСТ ДОКТОРСЬКОЇ ДИСЕРТАЦІЇ ІСТОРИКОМ КОСТЕМ ШТЕППОЮ В ОДЕСІ (1927 Р.)*

Захист дисертації на здобуття ступеню доктора історії європейської культури – важливий етап у науковій біографії відомого українського історика і етнолога, людини складної долі, Костя Тодосьовича Штепи (1896-1958). Захистити докторську дисертацію було справою нелегкою, враховуючи тогочасну боротьбу різних наукових шкіл, та й сама процедура захисту була поставлена під суворий ідеологічний контроль, бо йшлося про підготовку радянських кадрів творчої інтелігенції, у руках якої зосереджувалося виховання молоді, а отже, – майбутнє більшовицької держави. Жоден із істориків київської неосоціологічної школи під керівництвом акад. М. Грушевського не удостоївся такої честі. Поодинокими були й випадки захисту докторської дисертації і для соціально-економічної школи акад. Д. Багалія. Так, хоча дисертація О. Оглоблина і ґрунтувалася на положеннях раннього марксизму [1], її успішний захист радше виняток, ніж правило. Не допоміг ученим отримати докторський ступінь і марксистський напрям, репрезентований авторитетним істориком М. Яворським. При цьому існувала система *honoris causa*, коли докторський ступінь присвоювався за особливо визначні досягнення і без захисту дисертації [2. 178], як у випадках з огляду на виняткову діяльність М. Яворського, М. Слабченка.

Подаючи ці зауваги, хочемо підкреслити, що самотужки К. Штепа навряд чи зміг би подолати встановлений високий ідеологічний бар'єр. Ймовірно, ключову роль тут відіграла довголітня дружба К. Штепи з головою Укрнауки Ю. Озерським (Збницьким).

Захист докторської дисертації К. Штеппи відбувався у два етапи: в Києві і в Одесі. Ще у червні 1926 р. як науковий співробітник Ніжинської науково-дослідної кафедри історії культури та мови він подав до Укрнауки заяву про те, щоб його допустили до захисту дисертації на здобуття ступеню доктора історії античної культури. До заяви Кость Тодосьович додав свою працю у рукописному варіанті російською мовою під назвою «К истории античной и христианской демонологии» і копії із надрукованої першої частини рукопису українською мовою під титулатурою «Нариси з історії античної й християнської демонології. До історії походження християнства» [3. 32]. До заяви також додавалися звіт К. Штеппа про свою наукову роботу на Ніжинській науково-дослідній кафедрі та відгуки про його діяльність колег — професорів І. Турцевича та О. Покровського і вже покійного на той час проф. І. Семенова.

В своїй дисертації К. Штеппа визначив завдання — простежити витоки раннього християнства, які, на його думку, зародилися в греко-римську добу чи ще раніше. «Християнство з'явилося як результат того конгломерату релігійних форм і течій, який ми спостерігаємо в античному світі так званої елліністично-римської доби. Аби розплутати цей надзвичайно складний клубок, необхідне ґрунтовне знайомство з культурою і, зокрема, з релігією як античного світу, власне, себто древніх Еллади й Риму, так і всього древнього Сходу, — Єгипту, Ассирії, Персії і т.д. Рідко кому було б по силі таке завдання, і ми у всякому разі на його не претендуємо, а обмежуємо себе більш скромним, — а саме, виділити з загального мотку одну нитку, — це вплив на формування християнської релігії власне античної культури, прослідкувати його в процесі зародження християнства в одній строго обмеженій галузі», — наголошував вчений [4. 129].

У своїй головній праці Кость Тодосьович зосередив увагу на багатьох аспектах античної та християнської демонології і, зокрема, на філософсько-теологічних теоріях. Він зазначав, що «в літературі релігії античних еллінів спокволу вистигли внутрішні протилежності, що мали вже в собі залогом послідуочого її розпаду і

повинні були привести її рано чи пізно до кризи: з одного боку, політеїзм і партикуляризм, натуралістичні і грубо-антропоморфні уявлення про богів, формально-офіційний характер культури, з другого, монотеїстичні і спіритуалістичні тенденції, значно виявлений містичний настрій певної частини громади, високорозвинена моральна свідомість» [5. 45].

К. Штеппа провів велику роботу зі з'ясування поняття «демон» у працях відомих давньогрецьких і давньоримських авторів, серед яких Сократ, Плутарх, Ксенократ, Платон, Тифон, Апулей. Так, даючи визначення демонам у трактуванні Сократа, вчений резюмував, що демони у нього «... постійно перебувають при людях, піклуються про їх справи, допомагають їм в добродійстві, карають їх за провини, служать посередньою інстанцією між людьми та богами, перебувають в безперервному, жвавому й найтіснішому спілкуванні з ними» [5. 94]. Розглядаючи демонологічну доктрину в літературі раннього християнства, історик наголошував, що християнство зародилось в середовищі іудеїв і почало проникати в греко-римське суспільство. Натомість саме іудейство бере свої початки в стародавніх релігіях Сходу [5. 110].

Загалом, праця К. Штеппи підводила підсумок багатолітній історії демонологічної традиції і вносила чимало нового в ангелологію. Варто підкреслити, що студія вченого ґрунтувалася на оригінальних працях давньогрецьких, давньоримських і ранньохристиянських письменників, які він використовував в оригіналі, здійснюючи паралельно й переклади. Тим самим він вводив ці твори у науковий вжиток і сприяв ознайомленню з ними українського читача. Безперечно, праця Костя Тодосьовича стала помітним явищем для тих років.

Подаючи свою працю в Укрнауку, дослідник розраховував, що її захист відбудеться у Харкові, а основним рекомендацем виступить спеціаліст у галузі історії античної культури й релігії – лєнінградський проф. Є. Кагаров. З Є. Кагаровим К. Штеппа був давно знайомий, мав дружні стосунки. Відповідно, Є. Кагаров знав студію ніжинського колеги, і навіть певною мірою керував її написанням. Позитивні відгуки Є. Кагарова і ко-

лег Костя Тодосьовича, як згадував пізніше вчений, додали йому впевненості і він подав роботу до захисту. Оскільки у Харкові не було спеціалістів-антикознавців, історик розраховував, що до розгляду його праці залучать фахівців не лише з Ленінграда (проф. Кагаров), а й Ніжина (проф. Покровський), Одеси (проф. Мандес, проф. Варнеке). Ось, практично і всі, хто міг виступити основними суддями його студії [З. 32].

Однак трапилося те, чого дослідник не очікував. Через півроку його докторську дисертацію передали у Київ на Комісію з присудження вчених ступенів у Всеукраїнську академію наук, залучивши до її роботи ніжинського проф. О. Покровського. 17 січня 1927 р. Комісія під головуванням акад. А. Кримського за участю академіків С. Єфремова, О. Гілярова, Ф. Міщенко розглянула заяву К. Штеппи, ознайомила з автобіографією і списком праць, відзивами Ніжинської науково-дослідної кафедри професорів О. Покровського, І. Турцевича та М. Бережкова й постановила скласти Комісію для оцінки дисертації. До її складу ввійшли академіки О. Гіляров, Ф. Міщенко і А. Лобода; головою Комісії обрали акад. О. Гілярова [З. 28]. М. Грушевський, як уже зазначалося вище, через хворобу й неможливість об'єктивно оцінити дисертацію («Вона поза сферою моєї компетенції», — відзначав академік [6. 27]), відмовився взяти участь у роботі Комісії.

Засідання Комісії призначили на 21 січня 1927 р., і воно відбулося під головуванням акад. А. Кримського і за секретарства П. Лозієва. Був заслуханий відгук проф. Є. Кагарова, у якому ленінградський вчений наголошував, що роботу К. Штеппи можна зарахувати до категорії праць, які мають значення у науці завдяки великому зібраному матеріалу і правильному вирішенню багатьох питань: «...Автор обнаруживает хорошее знакомство с древней литературой и работами новых ученых, способность к самостоятельному анализу, большое трудолюбие, осторожность в выводах и критическое чутье» [6. 36].

Схвальним був і відгук проф. О. Покровського. Ніжинський колега К. Штеппи, аналізуючи його роботу «К истории

античної и христианской демонологии», зазначав, що до розгляду всіх питань автор ставиться самостійно й критично. Далі О. Покровський резюмував, що: «Три года научного общения моего в качестве действительного члена Нежинской научно-исследовательской кафедры с К. Т. Штепой, сначала как с аспирантом, затем научным сотрудником кафедры, убедили меня в том, что К. Т. Штепа имеет все данные к тому, чтобы быть не только полезнейшим, но и выдающимся деятелем науки. Проявить в полной мере свою способность и любовь к научному труду не позволили ему пока те «чрезвычайно тяжелые условия», в каких «протекала» доселе его «работа», о которой упоминает он в своем предисловии. Было бы очень желательно, чтобы улучшение этих условий принесла с собой докторская степень, присуждение которой ему, К. Т. Штепе, — если позволено мне судить — вполне заслуживает» [7. 37 зв.].

Потім настала черга акад. О. Гілярова. Учений не був фахівцем у галузі ангелознавства і демонології, але до аналізу праці К. Штепи підійшов кваліфіковано. Рецензент відзначив, що «работа Штепы свидетельствует о его большой начитанности, о широкой под час исчерпывающей осведомленности в тех областях, на которых он подробно останавливается, любви к делу, настойчивости в исследовании, добросовестности, умения пользоваться источниками и пособиями, ясности и литературности изложения, несомненной способности к научной деятельности» [8. 33]. Однак, вважає акад. О. Гіляров, ця праця не може претендувати на дослідження з історії культури, якщо під культурою розуміти устрій суспільного життя. Далі рецензент наголошував, що віра у демонів отримала широке культурне значення тільки в часи занепаду античної культури. Зосередивши свою увагу на недоліках праці (на його думку, автор ігнорував східні релігії, а християнство — це є східна релігія; не висвітив гностичного руху і т. д.), О. Гіляров підсумував: «Отмеченные выше положительные качества могли бы быть, надо думать, автором использованы для культурного освещения демонологии, но он такого освещения не дает, и потому его работа, при всех ее в

других отношениях достоинства, не может быть признана работой по истории культуры в указанном выше значении этого слова» [8. 34]. Рецензія акад. О. Гілярова була покладена в основу висновку Комісії з присудження вчених ступенів: «...Научные изыскания автора не настолько выдающиеся, чтобы его работа могла дать степень доктора» [8. 30 зв.].

Звичайно, для К. Штеппи це був серйозний удар. Авторитетна комісія в складі, можливо, найавторитетніших на той час вчених України в галузі гуманітарних наук піддала критиці науковий доробок дослідника, який він створював неймовірною працею у важких умовах упродовж останніх п'яти років! Однак Кость Тодосьович не впав у відчай. Спочатку у нього визріла думка захищати дисертацію в Ленінграді. Проте на заваді стали формальні моменти: у Росії ще не був затверджений закон про наукові ступені [8. 31]. Довелося знову шукати місце для захисту в Україні.

8 березня 1927 р. Кость Тодосьович забрав з канцелярії секретаря ВУАН примірник своєї дисертації, а також рукопис студії «Марк Аврелій» і копії праць, надрукованих у «Записках Ніжинського ІНО» та «Бюлетні Ніжинської кафедри». Перед вченим стала проблема, що робити далі. Шлях лежав в Одесу, де був представник Укрнауки, і де свого часу функціонувала потужна школа антикознавців.

А втім довелось знову починати з Ніжина. 1 травня 1927 р. Кость Тодосьович звернувся з доповідною запискою до уповноваженого Укрнауки в Ніжині з метою подати клопотання до Укрнауки щодо перегляду його дисертаційної справи й передачі її на розгляд іншої комісії, до складу якої обов'язково залучити спеціалістів у галузі історії античної культури [8. 40 зв.]. Своє рішення він обґрунтував тим, що, по-перше, у київській комісії не було спеціалістів з досліджуваної ним проблеми, натомість фахівці (він мав на увазі насамперед професорів Є. Кагарова, О. Покровського, І. Турцевича) дотримуються іншої думки і відзначають переваги його праці. По-друге, як зазначав дослідник: «...Перша частина мотивації комісії – сама по собі суперечлива і швидше за все належить до категорії формальних причин, бо куди ж можна

віднести історію релігії, як не до історії культури; по-третє, сама ж офіційна відозва комісії, визнає цілком позитивні риси в моїй праці і тільки не знаходить її досить «видатною» для присудження докторського ступеня, — що, здається мені, прямо протилежне і змісту і формі існуючого положення про наукові ступені, де передбачається тільки самостійність і науковість методу та висновків праці, підготовленість автора до науково-дослідної роботи. А не такий невизначений і суб'єктивний критерій, як «видатність» [8. 40—40 зв.].

Отримавши дозвіл на захист, 3 червня 1927 р. Кость Тодосьович звернувся з заявою до директора Одеського державного історично-археологічного науково-дослідного музею (далі — Одеський державний історично-археологічний музей) проф. С. Дложевського допустити його до захисту дисертації на здобуття ступеню доктора історії античної (елліно-римської) культури. До заяви він додавав своє *curriculum vitae*, відгуки Ніжинської НДК і рецензії на його працю ніжинських професорів О. Покровського та І. Турцевича, проф. Ленінградського університету Є. Кагарова і проф. Тифліського університету Г. Церетелі [8. 4.].

В Одесі працювало декілька відомих вчених, котрі займалися античністю. Це, насамперед, проф. С. Дложевський, який тривалий час керував Ольвійською археологічною експедицією, і під його керівництвом було знайдено чимало античних пам'яток в грецько-мілетському полісі Ольвія. Працював в Одесі й проф. М. Болтенко, що керував розкопками на о. Березань і очолював Березанську археологічну експедицію. Завдяки його зусиллям був зібраний цінний матеріал, який дав йому змогу по-новому підійти до історії о. Березань, з'ясувати питання його заселення греками, часу виникнення грецького поселення та його долю після того, як головним центром грецької торгівлі стала Ольвія [9. 148]. Саме завдяки ентузіазму цих вчених в Одесі, на базі колишнього музею Одеського товариства історії та старожитностей, і був створений Одеський державний історично-археологічний музей. К. Штепша цілком правильно вирішив захищати дисертацію з античності саме в Одесі, сподіваючись на підтримку фахівців.

14 червня 1927 р. наукова рада Одеського державного історично-археологічного музею під головуванням директора проф. С. Дложевського і членів ради проф. Р. Волкова, А. Драгасва, К. Мілісавлевича при секретарстві М. Болтенка ухвалила допустити К. Штепшу до захисту дисертації на здобуття ступеню доктора античної культури. Офіційних опонентів призначили із членів ради – проф. С. Дложевського, проф. Р. Волкова і М. Болтенка й запросил проф. М. Мандеса [10. 6].

Комісія працювала більше трьох місяців і 18 вересня зібралася на своє чергове засідання. Заслухавши відзиви на працю К. Штепши «Нариси з історії античної й християнської демонології», комісія постановила допустити історика до захисту «...В разі, коли з боку Укрнауки буде доручення Одеському Музеєві організувати справу проведення цього захисту» [10. 15].

Вища наукова інстанція України перешкод не чинила і 3 жовтня за підписом завідувача Укрнауки Ю. Озерського, переслала Одеському музею справи вченого, дозволивши захист. Зі свого боку Одеський державний історико-археологічний музей в особі директора проф. С. Дложевського 11 жовтня звернувся до уповноваженого Укрнауки проф. Ф. Альохіна з проханням затвердити склад комісії з присудження наукового ступеню і призначити термін диспуту [10. 16]. Захист призначили на 25 жовтня 1927 р. у знаменний для СРСР день – 10-у річницю Жовтневої революції.

У свій час, на основі листа К. Штепши до М. Грушевського від 15 листопада 1927 р., ми стверджували, що захист дисертації ученого проходив на кафедрі літератури Одеського ІНО у проф. М. Мандеса [11. 101]. Однак це не так – захист відбувся в Одеському державному історико-археологічному музеї.

У залі Одеського музею були присутні уповноважений Укрнауки в Одесі проф. Ф. Альохін, голова наукової ради музею проф. С. Дложевський, члени наукової ради проф. М. Болтенко, К. Мілісавлевич, представник Одеського ІНО проф. П. Потапов, представник секції наукових робітників профспілкової спілки РОБОС проф. Р. Волков, проф. М. Мандес. Планувалося, що на захисті

будуть представники Агітпропу Окружному КП(б)У і Міської ради, але вони не з'явилися. Вів засідання голова наукової ради музею проф. С. Дложевський, секретарював проф. М. Болтенко. Згідно з процедурою захисту голова запропонував бажаним виступити, але таких не знайшлося. Вчений секретар проф. М. Болтенко ознайомив присутніх з анкетними даними К. Штепши і надав останньому слово. Промова-тези дисертанта, що складалася з дванадцяти пунктів, збереглася. К. Штепша насамперед зазначив, що його головною метою є з'ясувати історичну обстановку, в якій зародилася і розвинулася християнська релігія. Для цього він проаналізував соціально-економічне, політичне та ідеологічне підґрунтя досліджуваного явища, зазначивши, що «Ідеологічна ж база зародження християнства являє з себе надзвичайно строкату картину. В високій мірі цікаву як для історії релігії, так і для історії культури» [12. 66].

К. Штепша зупинився на демонологічних теоріях і уявленнях, які поширилися у суспільстві й літературі перших століть нашої ери. Він дав характеристику демонологічним доктринам еллінських та римських письменників, наголосивши, що в їхній творчості уявлення про демонів (духів, напівбогів, богів) досягли найвищого втілення. «Найбільш повного, закінченого і стрункого вигляду учення про демонів, як про особливу категорію переможних надприродних істот, набуло у грецьких та латинських авторів нашої ери — Плутарха, Максима Мирського, Апулея. Проте воно не винахід кого-небудь із них, а є загальним здобутком античної філософії, до якої воно, радше всього, перейшло зі Сходу, — можливо, з Ірану», — зауважував учений [12. 67].

Далі К. Штепша перейшов до трактування релігійних поглядів християнських письменників, обґрунтовуючи думку, що вони виводили існування Сатани і демонів як його слуг, що було цілком чужим для античної традиції. На завершення своїх тез дослідник зазначив, що «демонологічні погляди, які з народних мас перейшли в філософську теорію і набули там своєрідного вигляду, повернулися відтіля знову до свого першоджерела, зустрілися на своєму шляху з аналогічними єврейськими, перськими, ассирій-

ськими і т. д., і в цій вигадливій мішанині з'являються нам в пам'ятниках марновірства того часу – залятих таблицях, магичних папірусах і т. д.» [12. 67 зв. ].

Дискусію, розпочату К. Штепшою, підтримали в своїх рецензіях авторитетні вчені. Так, у відзиві професора Ленінградського університету Є. Кагарова акцентувалось на тому, що праці, яка б порівнювала всю античну і християнську демонологію та ангелологію, немає ні в західноєвропейській, ні в українській, ні в російській літературі. Тому, на думку ленінградського колеги, студія К. Штеппи має особливе значення. Зупинився проф. Є. Кагаров і на недоліках роботи. Зокрема, він наголосив, що роботу покращили б більш чіткі формулювання, треба було звернути увагу і на статистичний метод дослідження і т. д. Загалом, рецензент був високої думки про працю К. Штеппи [13].

Відгук проф. Тифліського університету Г. Церетелі не зберігся. Однак лист Г. Церетелі до К. Штеппи, який він відписав останньому незадовго до захисту, частково відтворює думку рецензента щодо дослідження. У листі Г. Церетелі зазначав: «Вашу работу я тем временем прочел и, не желая говорить Вам комплиментов, скажу прямо, что Ваша работа производит хорошее и солидное впечатление настоящей научной работы, каких в настоящее время пишется очень мало» [14. 14].

Відгуки професорів О. Покровського і М. Бережкова наводились вище, тому немає потреби на них зупинятися. Наголосимо лише, що це був кваліфікований розгляд праці ніжинського колеги, де зазначалося і таке: «...Дисертацію ж його [рецензент] визнає науковим дослідом, що має не тільки серйозне наукове значення, але і широку актуальність для радянського суспільства» [14. 11 зв.].

Керівник секцій античної культури Ніжинської науково-дослідної кафедри проф. І. Турцевич теж дав схвальний відгук на працю К. Штеппи. Він наголосив, що автор виконав важливу і трудомістку роботу: «...Кто не знаком или мало знаком с античной демонологией и христианской ангелологией, тот найдет в этой диссертации много интересного по этим вопросам; если

и не разделит всех выводов автора, то получит возможность составить свои» [15. 12 зв.]. Хоча Іван Григорович і вказав на деякі недоліки студії, як-от: побіжна характеристика Римської імперії доби Антонінів, потреба розширити хронологічні рамки дослідження до IV століття нашої ери та ін., ), загалом був переконаний, що автор заслуговує присудження йому наукового ступеня доктора наук.

Позитивні відгуки іменитих рецензентів підтримали й офіційні опоненти. Першим виступив проф. Одеського ІНО М. Мандес. Він наголосив, що студія ніжинського вченого викликає закономірний інтерес, оскільки питання, які розглядає дисертант, мають велике культурно-історичне значення. Разом з тим, професор звернув увагу на фрагмент дисертації, присвячений творчості Плутарха, Максима Мирського і Апулея. На його думку, більшу цінність він би мав, якщо б автор дослідив їхню творчість у цілому, а не з точки зору лише богословської демонології. «Все эти соображения нисколько не изменят моего искреннего уважения к работе. Я смотрю на нее, как на некоторую программу к ряду дальнейших работ на ту же, лучше выясненную тему, как на некоторый пробный шар. Для меня ясно, что автор имеет задатки исследователя, которые поведут его к серьезным научным достижениям. Считаю потому работу Константина Штепы достойной диспута и степени доктора», — резюмував М. Мандес [16. 17 зв].

Розлогу рецензію на дисертацію Костя Тодосьовича написав проф. С. Дложевський. Він наголосив на роботі автора з першоджерелами (читає прокляття і магичні папіруси, де згадуються демони, цитує греко-римських авторів і письменників початкової християнської доби і вміє оперувати ними критично, має власний підхід до фахової літератури). Думка С. Дложевського про те, що Кость Тодосьович не користується перекладами античних авторів, а використовує оригінали, звучала, радше, як комплімент. Підсумовуючи свій відгук, голова наукової ради Одеського державного історико-археологічного музею зазначив: «Тепер я охоче повертаюсь до початку своєї відозви і,

констатуючи в поданій праці: 1) підготовленість автора до розробленої теми; 2) обережність висновків; 3) опанування матеріалом; 4) оригінальність концепції обробленого матеріалу і 5) цікавість самої теми, я цілком приєднуюсь до сприятливого висновку про працю проф. М. Мандеса» [17. 20 зв].

Значною за обсягом і вагомою за значенням була рецензія проф. М. Болтенка, спеціаліста-антикознавця. Рецензент наголошував, що докторська дисертація К. Штепи є цінним і своєчасним внеском до української науково-дослідної літератури з історії духовної культури греко-римського світу в зв'язку з питанням про походження світу. Також офіційний опонент відзначав, що праця ученого охоплює друге століття нашої ери, коли «...з одного боку, ще не могло спостерігатися впливу християнських уявлень про пізню античність» [18. 21].

Проф. М. Болтенко, аналізуючи дисертацію К. Штепи, наголосив, що автору вдалося пов'язати аспекти теолого-релігійні з явищами громадського життя. На завершення рецензент приєднувався до загальної думки, що К. Штепа заслуговує на присудження йому ступеня доктора історії культури. В унісон з попередніми відгуками звучала й рецензія проф. Р. Волкова.

Згідно з процедурою, у своєму прикінцевому слові К. Штепа дав відповіді на зауваження, які задовольнили наукову раду Одеського історико-археологічного музею. Захист завершився ухвалою: «На підставі розгляду поданої К. Т. Штепою дисертації, наслідків переведеного диспуту й ознайомлення з рецензіями, що існують на подану К. Т. Штепою працю проф. Ленінградського державного університету Є. Г. Кагарова, проф. Тифліського державного університету Г. Ф. Церетелі, проф. А. І. Покровського, проф. М. М. Бережкова, проф. І. Г. Турцевича, – визнати К. Т. Штепу достойним ступеня доктора історії культури та надіслати цей висновок на затвердження Укрнауки, а відзиви надрукувати» [18. 43].

Невдовзі, 26 листопада 1927 р., рішенням Комісії з вчених ступенів Укрнауки за підписом проф. О. Палладіна К. Штепу повідомляли про присудження йому наукового ступеня доктора

історії європейської культури [19. 6], таким чином, він став першим доктором в Україні з цієї спеціальності. Здійснилася довгоочікувана мрія історика. Його наукові заслуги були вшановані найвищим ступенем. Він увійшов до когорти не лише найвідоміших вчених України, а й всього СРСР. Зважаючи на те, що цей тріумф був здобутий провінційним науковцем, успіх його подвоювався.

### Література:

1. Верба І. Кость Штепа. — Український історичний журнал. - 1999. - № 3. - С. 101; К. Штепа закінчив докторську дисертацію у січні 1926 р. Перед тим, він ще раз їздив до Ленінграду, де працював у архівах і зустрічався із вченими-античниками, зокрема з Є. Кагаровим. Див.: Зозуля С. Ю. Корпусна публікація документів до історії Ніжинської науково-дослідної кафедри історії культури та мови (1922 - 1930). - Архіви України. - 2003. - № 1/3. - С. 78.

2. Центральний державний архів громадських об'єднань України — Ф. 1. — Оп. 20. — Спр. 2264.

3. Матеріали до захисту дисертації викладачем Ніжинського інституту народної освіти // Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (далі - ЦДАВО України). — Ф. 166. — Оп. 7. — Спр. 589.

4. Штепа К. Нариси з історії античної й християнської демонології. (До питання про походження християнства) // Записки Ніжинського ІНО. — 1926. — Кн. VI.

5. Штепа К. Нариси з історії античної й християнської демонології // Записки Ніжинського ІНО. — Ніжин, 1927. — Кн. VII.

6. Лист М. Грушевського до Комісії присудження вчених ступенів від 17 січня 1927 р. // Матеріали до захисту дисертації викладачем Ніжинського інституту народної освіти // ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 7. — Спр. 589.

7. Відгук проф. О. Покровського від 10 липня 1926 р. // Там само.

8. Відзив О. Гілярова про наукову працю К. Штепи // Там само.

9. Нестуля О.О. Реабілітація прийшла посмертно (М. Ф. Болтенко) // Репресоване краєзнавство (20–30-і роки). — К., 1991.

10. ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 7. — Спр. 589.

11. Верба І. Кость Штепа... — С. 101.

12. Штепа К. Нариси з історії античної й християнської демонології [До питання про походження християнства]. — Ч. I—II // ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 7. — Спр. 589.

13. Кагаров Е. Костянтин Штепа. Нариси з історії античної й християнської демонології // ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 7. — Спр. 589. — Арк. 7—9; див. також: Кагаров Є. [рец.]. Штепа К. Нариси з історії античної й християнської демонології (1926) // Етнографічний вісник. — 1927. — Кн. 4. — С. 182—183.

14. Див.: Лист Г. Церетелі до К. Штепи від 26 квітня 1927 р. // ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 7. — Спр. 589.

15. Турцевич И. Отзыв о диссертации сотрудника Нежинской научно-исследовательской кафедры К.Т. Штепы // Там само.

16. Мандес М. Отзыв о работе Константина Штепы «Нариси з історії античної й християнської демонології (до питання про походження християнства)» // Там само.

17. Рецензія на дисертацію К.Ф. Штепи, подану до Одеського історико-археологічного музею задля отримання ступеня доктора історії культури на тему: «Нариси з історії античної й християнської демонології». — Вип. I, II. Голови наукової ради Одеського історико-археологічного музею проф. С.С. Дложевського // Там само.

18. Рецензія на дисертацію К.Ф. Штепи, подану до Одеського історико-археологічного музею задля отримання ступеня доктора історії культури на тему: «Нариси з історії античної й християнської демонології» члена наукової ради Одеського музею проф. М.Ф. Болтенка // Там само.

19. ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 6. — Спр. 872

*Олександр Муzychko,*

*к. и. н., доцент кафедры истории Украины  
исторического факультета ОНУ им. И. И. Мечникова*

### *ПРОФЕССОР И РЕВОЛЮЦИЯ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. А. ЛИННИЧЕНКО В 1917-1920 ГОДАХ*



Во многих странах мира историки традиционно выступали не только как ученые, но и как политические деятели, моральные авторитеты. В период модерности одним из важнейших каналов влияния историков на общественную мысль была периодическая печать. Упомянем примеры активной публицистической деятельности М. Костомарова, М. Грушевского, П. Миллюкова и др. Не была исключением и Одесса, где историки в конце XIX — начале XX вв. лидировали в национальных общинах города (Л. Смоленский (украинская), С. Авалиани (грузинская), Ш. Дубнов (еврейская), Н. Родзевич (русская)) и среди общественных активистов (Е. Щепкин), «властителей дум». Их статьи в одесской периодике, и далеко не только на исторические темы, были призваны на основе исторического опыта помочь решить животрепещущие проблемы современности.

Среди одесских историков выделяется личность профессора Новороссийского университета и Одесских высших женских курсов, доктора русской истории, члена-корреспондента С.-Петербургской и Краковской Академий наук Ивана Андреевича Линниченко (1857—1926). В отличие от Е. Щепкина, его нельзя было увидеть «на баррикадах». Будучи преимущественно кабинетным ученым, И. Линниченко старался реализовать свое стремление к влиянию на общество посредством участия в общественно-политических и благотворительных организациях, выступления на

публичных лекциях и публикации своих статей в периодике. Своеобразная кристаллизация, «вынашивание» взглядов, стававших вскоре публичными, происходила на страницах эпистолярной и дневниковых записей историка. Экзистенциальные годы войн и революций обусловили всплеск публицистической и в целом гражданской активности И. Линниченко, оставившего нам образцы интеллектуальной публицистики. В этой статье стремимся обратить внимание на наиболее актуальную ныне статью ученого о понятии «свобода», хотя историографы обращали внимание исключительно на статьи И. Линниченко о судьбе Украины, в частности на полемику с М. Грушевским. Одесские газеты революционной эпохи наполнены текстами с призывами к свободе, иногда встречались статьи с критикой левацких взглядов, но при этом с призывами к «чистой» свободе, священники призывали к миру и ненасилию, но только И. Линниченко в концентрированном виде предложил гражданственный, консервативный в лучших традициях и смыслах этого понятия, взгляд на свободу, свободу, ограниченную рамками разумного, правового, общества, понимающего законы взаимответственности, почитающего не только права, но и обязанности.

В начале XX в., оставаясь лояльным к Российской империи, И. Линниченко критиковал недостатки ее общественного и культурного развития. Вместе со многими другими профессорами в 1905 г. подписал знаменитую «Записку о нуждах просвещения», в которой осуждалось отсутствие свободы в образовании, превращение науки в орудие политики. Но профессор был против резких действий. Не разделял он и монархических симпатий: «Я никогда не был монархистом, то есть сторонником одной бесконтрольной власти, но кадеты не понимают, что какая-то власть нужна, ведут государство к анархии, безвластию» [1. 7]. С. Авалиани вспоминал, что его учитель *«при каждой встрече разглагольствует, что умный человек не может быть социалистом, что социализм есть религия дураков и убивает личность. Переубедить его - дело безнадежное. Вы думаете он заядлый консерватор? Ничуть: он ненавидеть царизм, презирает феодалов и буржуа. Он знает, что революция необходима и неизбежна, но палец о палец не ударить, Чтобы ей*

*помочь. Мало того, он уверен, что революция потерпит поражение и только укрепит царизм. Это просто опустошенный человек. Размагниченный, но очень умный и злой интеллигент» [2. 18].*

И все же И. Линниченко положительно воспринял события революции 1905 г. В Совете НУ И. Линниченко выступал против «правой» профессуры, откровенно поддерживал в 1905-1908 гг. впоследствии опальных профессоров И. Занчевского, В. Косинского, Е. Васьковского, С. Ярошенко и единственный прямо упрекал ректора С. Левашова за бестактное и незаконное отношение к ним после начала судебного следствия по их деятельности в революционный период. В 1907 г. «прогрессивная группа профессоров» выбрала его в гласные Одесской думы от университета [3].

В эпоху столыпинской реакции в одной из брошюр И. Линниченко позволил себе привести положительную аллюзию относительно недавнего прошлого, когда, по его мнению, «молодая общественная мысль после долгого одиночного заключения вырвалась наконец на свободу» [4, с. 4]. В октябре 1915 г. с десятилетнего расстояния И. Линниченко положительно оценивал знаменитый царский манифест 17 октября 1905 г.: *«Наша старая болячка — отсутствие в ней чувства законности. Этот дефект затянул у нас патриархальные порядки. Отсутствие чувства законности везде и всегда ведет к злоупотреблению власти у командных классов и неуважения к закону у народных масс. Это мешает стать патриотами в лучшем значении этого понятия. В акте 17 октября я вижу крупный шаг вперед к созданию законности.*

*Неуклонное поведение превратит нас в граждан, понимающих значение государства, сознающих свой долг перед ним, любящих родину не любовью «странной», семейной, инертной, а любовью сознательной, творчески-воспитательной, разумной любовью отца, не закрывающего глаз на недостатки любимого чада, а работающего «за совесть» над исправлением его наследственных и привитых нерачительной нянькой моральных недугов» [5]. Он не был членом партий или каких-либо полити-*

ческих организаций. И. Линниченко отмечал, что признает только одну партию — здравого смысла, ведь «при вступлении во все другие партии неизбежно отрывается часть этого смысла, большего или меньшего» [6. 9]. Но общая оценка политики правительства Российской империи в области просвещения была не лицеприятна: *«Большинство наших министров просвещения не столько развивали просвещение, сколько терпели его. В глазах нашей старой консервативной политики просвещение подобно горной реке, которую необходимо оградить дамбами, иначе ее бурный разлив грозит снести фундамент здания государства, а планы дамбы и шлюзов вырабатывались архитекторами министерства внутренних дел»* [7. 289].

Накануне мировой войны И. Линниченко предрекал трагические испытания необразованному, лишенному ответственности элиты российскому обществу, которому он ставил в пример немецкое. Профессор последовательно выступал за автономию университетов, продуманные реформы [8]. Журналист одной из одесских газет метко называл его умеренным прогрессистом, а черносотенцы необоснованно причисляли к «левым» [9]. Профессор вспоминал в 1918 г., что «правые» характеризовали его архиепископу Назарию как архилевого революционера, «а теперь на верное провозгласили б контрреволюционером», - прибавлял он [10. 3]. В многочисленных газетных статьях и брошюрах опубликованных в 1914—1917 гг., он призывал народ к патриотизму, сплоченности, дисциплине, войне до победного конца [11]. Он писал, что «для многих слово «патриот» теперь слово обидное как черносотенец, шовинист. А я никогда не чувствовал себя настолько русским, как теперь, когда наша Русь, наш народ в опасности» [12. 21]. Февральскую революцию он поначалу воспринял позитивно, как начало реформ. Но уже 12 марта 1917 г. в письме к П. Милкокову, поздравляя себя и коллегу «с новым строем», он отмечал: *«Дай Бог, чтоб он укрепился. Я боюсь темных сил не только прошлого, но и настоящего, я боюсь капралов, выплывающих в смутные времена, демагогии, охлократии»* [13. 1-2].

В начале 1917 г. он отметил, что «перестройка государственного здания еще не кончена, но в новом помещении мы все же дышим более здоровым и свободным воздухом, чем в старой приказной избе крепостного Московского государства» [14. 134]. Но в дневнике он все чаще фиксирует крестьянские и студенческие бунты, национальные движения, массовое неповиновение в армии. На выборах в Учредительное собрание И. Линниченко проголосовал за кадетов, хотя и упоминал, что не любит П. Милкова [10. 28].

И. Линниченко не принял большевистский переворот. В конце декабря 1917 г. он писал в письме к графине П. Уваровой, что *«вся наша работа очеловечивания зверья пошла насмарку»* [15]. Он достаточно противоречиво оценивал причину прихода к власти большевиков. Его записи, письма и статьи переполнены уверениями в том, что приход большевиков является лишь порождением «заговора врагов России» — евреев и немцев [16]. Последние вместе с австрийцами, по его мнению, инспирировали национальные движения нероссийских народов. Вместе с тем И. Линниченко возвращался к мысли о том, что несчастья России порождены отсутствием патриотизма и правовой культуры даже среди ее элиты [17]. В дневнике в 1918 г. он записал: *«Дурнями набита Русь, как огурец семенами»* [1. 13]. В письме к А. Маркевичу он писал: *«Когда русский дурак поймет, что он дурак — мы спасемся. Но до этого далеко... До возрождения Руси, до национального самосознания мы с Вами, старики, не доживем — завещая его далеким правнукам»* [18. 73, 87]. Приход немецких войск в 1918 г. он охарактеризовал как второе пришествие варягов. Определенные надежды на стабильность и возрождение вызвал у него режим П. Скоропадского. Но уже в декабре 1918 г. он записывает в дневнике в связи с падением режима: *«Девятая власть поднимает народ теми же приемами, как и семь более ранних (лозунг земли и воли не поднимала только власть старого режима, и чтобы там и говорили, она была в этом отношении прозорливее всех остальных — для нее ясны были анархические результаты этих лозунгов... Кончится тем, что 10-я пообещает*

---

---

*всем крестьянам по латифундии, а каждому рабочему по заводу... Ни одна власть не скажет – заработай, заслужи... Они могут указать только один путь – грабеж чужого имущества, путь, который те знают и без них. Это политика свиньи, подрывающей корни дуба. Съедят все, что дальше? Сын Йосифа ими забыт. Тощая корова останется тощей коровой, и без человека не обойдется – она пахать и сеять не умеет. Способна только жрать» [19. 13].*

В 1918 г. И. Линниченко развинул свое понимание свободы. В статье о Пушкине он снова, как и в статье о свободе 1917 г., солидаризировался со взглядами поэта на свободу. Он еще более категорично сформулировал антипод свободы – человеческое стадо, которому «недоступно понятие свободы, для него свобода – своеволие, анархия, а потому оно, это стадо, не сделавшись собранием людей, обществом, никогда свободным не станет, а переменит только господина, на которого по-прежнему будет пахать в рабском ярме. И разве наша современная жизнь не доказывает, что Пушкин был не только великим поэтом, но и прозорливцем? И разве мы, вся Русь, тысячелетие ходившая в ярме из одного рабства, сломав его ржавые цепи, не попала в другие, и нас теперь, как древних иудеев, после батогов не наказывают скорпионами?». С другой стороны, он подчеркнул главную предпосылку возникновения свободы, а именно, общественной свободы, как свободы истинной: наличие социально-независимых элементов среди населения. Пушкин считал таким главным элементом среднее дворянство. И. Линниченко же разъяснял, что в действительности таким элементом является интеллигенция, которой «мы обязаны крохотным и, быть может, кратковременным периодом нашей общественной свободы». Но судьба интеллигенции печальна: «Теперь этот элемент, благодаря которому мы как будто начали освобождаться от векового ярма, теперь объявлен под подозрением, а с его крушением окончательно исчезнет и та крупница свободы, которую мы могли урвать за тысячелетие нашей жизни, и урвать не у тех внешних тиранов, которые владели нашим телом, а у того внутреннего тирана, который безраздельно вла-

ствовав и продолжает властвовать над нами, и потому, что с гибелью своих богатырей погибнет и Русь» [20. 273-275].

В том же 1918 г. И. Линниченко развил свои взгляды на судьбу интеллигенции, включив ее в контекст религиозного мировоззрения. Он едко и точно определил суть эпохи: «Никогда у нас так много не говорили и так много не писали, как теперь. Речи теперь - часть культа, богослужения новообъявленному богу – Революции». Профессор ввел в свой понятийный аппарат еще один, наряду с толпой, образ врага свободы – «полуинтеллигента»: «Мы живем теперь в том диком периоде, когда полуинтеллигент, по своему слепому пониманию получивший свободу, всей своей грубой силой обрушился на пророка, ведшего его к истинной свободе, на интеллигенцию и с криками «распни» требует ее в жертву вечернюю, жертву искупления своему божеству, богу смерти и разрушения». Консерватизм общества, в отличие от либералов и леваков, он воспринимал не как тормоз, а проявление самозащиты, организма. Еще одним новым элементом мыслей И. Линниченко о свободе явилось понятие культуры как цемента, связывающее людей в общество. Там, где этот цемент окреп, – там общество не распадется от одного толчка [21. 146-147].

События 1919 г. вызвали у И. Линниченко ужас, который усиливался сложными условиями его жизни. Сидя в холодной квартире, историк по его словам «глядел как безумный на холодную печь, и мыслил с тоскою, не книги ли мне жечь» [22. 85]. После прихода большевиков в Одессу ему пришлось четыре с половиной месяца скрываться у разных знакомых без всяких средств к существованию. Окончательный приход большевиков в Одессу заставил И. Линниченко переселиться в Крым (Ялту, Севастополь и Симферополь). Многочисленные записи профессора, статьи в местных газетах свидетельствуют, что он никоим образом не смирился с победой большевизма. Он отмечал падение нравов, разорение культурных центров, борьбу с религией. Он предвещал гибель социализма, так как в отличие от христианства социализм нетерпим и нетерпелив к человеку [23. 12]. Профессор не терял надежды, что «из-под пепла старой России снова поднимется веч-

но чистое знамя науки» [24, л. 70]. Смерть застала И. Линниченко в Симферополе за активной работой. Профессор остался носителем традиций дореволюционной российской профессуры, предпочтя жизнь на Родине эмиграции.

Деятельность и мысли И. Линниченко воплотили традиции российской консервативной интеллигенции, которая не воспринимала насилие и радикализм как методы политической борьбы, отдавая предпочтение просветительским, реформаторским действиям. На события истории они смотрели через призму общечеловеческих ценностей. Реальность бросила взглядам таких людей очень жестокий вызов: народ, который они стремились просвещать, мыслил в категориях далеких от высоких идеалов. И. Линниченко уже в начале революционных потрясений верно выделил главную проблему общества — стремление к свободе, но при этом без ответственного, взвешенного понимания этого сложного понятия.

Учитывая ветхость и малодоступность газет начала XX в., публикуем полностью статью И. Линниченко как один из образцов консервативной общественно-политической и историософской мысли Одессы.

*Проф. Линниченко И. А. Что такое свобода?*

*Одесские новости. — 1917. — 22 марта.*

*«Свободною душой закон боготворить».*

*(А. С. Пушкин).*

Чем уже понятие, конкретнее, тем оно доступнее, вразумительнее. Чем понятие общее, тем оно сложнее и отвлеченнее, тем труднее понять его сущность, его, так сказать, нельзя осязать, ощущать, его воспринимаешь уже не нашими чувствами, а умом, оно крайне расплывчато, туманно — в этом тумане только очень зоркий глаз уловляет ядро.

К таким сложным понятиям принадлежит понятие свободы.

С точки зрения философской в мире свободы нет, мир подчиняется законам, а где есть подчинение, там нет свободы, независимости. Понятие свободы синоним понятию Бог. Абсолютно не-

зависима только та невидимая нами сила, которая дала начало миру. Мир, миры, также несвободны, все в них сцеплено причинностью, законами достаточного основания — одно ограничивает другое, все в неразрывной связи, сцеплении. Пытались выделить человека, утверждали, что он только один из земных существ имеет свободу воли. Но свобода воли иллюзия. Человек весь подчинен законам природы, законам подчинен и его дух: те акты человеческие, которые мы считаем свободными, не свободны — они подчинены закону достаточного основания, вытекают из него. У нас нет выбора поступков. Когда поступок произошел, мы путем ретроспективного (обратного) расследования часто можем доказать ясно, что если человек поступил так, то потому, что поступить иначе он не мог. Акт совершенно свободный независимый от причин, был бы чудом, т.е. божеством, ибо только божество, абсолютное, неподчинено (по нашему разумению его) законам причинности. В мире же чудес нет, все в мире объяснимо, а то, чего мы объяснить не можем, не чудо, а только результат законов еще нами не открытых.

Но если свобода воли иллюзия, то такая же иллюзия и понятие безграничной, неограниченной, политической свободы. Только поэты способны воспевать свободу неограниченную — они ищут ее в горах, безбрежных степях и морях, там, где гуляет ветер, да я.

Но этот свободный ветер явление всецело ограниченное — его ограничивает солнце, нагревающее слои атмосферы, и когда-нибудь с научными успехами метеорологии мы в состоянии будем предсказать в каждый данный момент, куда подует ветер, с какой силой, с какой продолжительностью.

И человек в пустыне, горах, на море, еще менее свободен, чем среди людей, в городе. Он всецело ограничен своим телом, его требованиями. Ему кажется, что он может пойти, куда хочет, а он идет роковым, неизбежным, путем, только туда, куда его ведет его тело — жажда, голод, потребность света, тепла; и здесь, в пустынях, он самое беспомощное из существ.

И среди людей, в обществе, человеческая свобода тем ограни-

ченнее, чем сложнее та организация, в которой он живет. Здесь он сугубо ограничен — законами своего естества, тела, и законами своего общежития.

Высшая форма общежития — государство. Государство, по определению нашего знаменитого Б.И. Чичерина, есть «общественный союз, цель которого защита всех» (в этом определении слово «общественный» имеет особенное значение, ибо союзы могут быть всякие, даже рабовладельческие). Этим определяется значение государства и определяются пределы гражданской свободы.

Свобода гражданская не есть свобода безусловная — делать все что мне хочется. Истинная гражданская свобода ограничена целью государства — защитой всех.

Отдельному гражданину государства должно быть разрешено то, что не нарушает интересы всех. Общую гражданскую свободу расчленяют на четыре свободы:

*свобода личности*

*свобода совести (вероисповеданий)*

*свобода слова*

*свобода собраний и союзов.*

Разберем значение каждой из этих отдельных свобод.

*Свобода личности.* Значит ли это, что каждому отдельному лицу позволено все. Это была бы не свобода, а анархия, разрушение общества, его высшей формы — государства, возвращение к тому времени, когда мы, обросшие по всему телу волосами, ходили на четвереньках, издавали нечленораздельные звуки, питались желудями и проживали в пещерах. Если сильный бьет слабого, грабит его, бросается на него с целью убить, государство, цель которого защита всех — обязано вступить за слабого. Если преступление совершено, государство обязано за него карать преступника, ибо свобода личности не избавляет личность от ответственности за свои поступки. Кара — государственная мера ограждения общества, государства, от злоупотреблений человеческих страстей.

У нас очень много говорилось о злоупотреблениях власти, ее насилиях над личностью, но таким же злоупотреблением является и покушение отдельной личности на права другой.

Власть в своих отношениях к личности может руководиться только законом, внешним выражением воли народной, правилами народного самоохранения, а не усмотрением. Но тем же законом должны определяться и взаимоотношения личностей.

Государство защищает человека, человеческое в homo sapiens (зоологической особи) и обязательно должно предотвращать и останавливать всякое проявление зверя в человеке.

*Свобода совести.* Каждый имеет право иметь свою веру и отправлять беспрепятственно обряды того вероисповедания, к которому принадлежит по совести и разумению. Нельзя *compellere intrare*, силой заставлять другого отказываться от своего вероисповедания, включать его против воли в чужие вероисповедные общины, как это делали католики с помощью орденов крестоносцев и меченосцев (крестоносцы — носители креста, символа милосердия, сострадания к человеку, огнем и мечом крестившие язычника!), с нашими предками, как это делали - увы! - и мы, насильно перекрепчивая униатов в православие (и еще недавно мы проиграли львовскую кампанию в значительной степени потому, что, овладев значительной частью русской Галиции, мы послали туда не инженеров для возведения защитных укреплений, а архиереев и священников для перекрепчивания униатов в православие).

Но если представители одного вероучения пытаются сжечь на кострах тех, кто в их глазах «еретики», осужденные якобы их Богом на казнь в сей жизни и в вечной, если фанатики своей религии кощунственно относятся к символам и обрядам, дорогим для представителей других вероучений, рвут и топчут священные изображения, уничтожают их молитвенные храмы, государство обязано вступить за тех, свобода совести которых страдает.

И даже больше! Есть - увы! - религиозные, или лучше quasi — религиозные секты, которых не может терпеть никакое организованное государство, защищающее интересы всех. Ни одно пра-

вовое государство не может терпеть чудовищной по разврату секты распутинцев, ибо распространение таких сект с разнузданными животными инстинктами, - апофеозом зловонной похотливости, ведет к вырождению человечества, к его возвращению к дикому первобытному, скотскому состоянию свального греха, ведет к гибели всех нравственных человеческих чувств. Не может государство терпеть и секты скопцов, так как при широком ее распространении человечество могло бы погибнуть безпотомно.

*Свобода слова.* Слово принадлежит, так сказать, к искусствам выразительным — оно звуками (а затем и запечатлением этих звуков в письме) рисует мысль. Но слово имеет своеобразную силу, коей одна личность воздействует на другую, на массы. И эта сила воздействуя на чужую волю может быть обращена и на добро, и на зло, на возбуждение лучших человеческих чувств и на раздражение его еще не погасших зверских инстинктов.

Правовое государство не признает предварительной цензуры слова — оно не карает намерения, но если слово заключает в себе все признаки преступления — если проповедуется воровство, грабеж, насилие, кровь, если в нем есть признак клеветы, оскорбления чьего-нибудь человеческого достоинства, оратор и писатель несут наказание за свой поступок против общества или отдельной личности, но несут его по суду, по расследованию факта преступления, и его размеров.

*Свобода собраний и союзов.* А если воры и грабители составляют союз, собираются для обсуждения преступных действий против жизни, здоровья, имущественных прав, общества или отдельного лица, государство обязано принимать меры против таких союзов и собраний.

Таким образом, государство правовое обязано указать ту грань, за которой действия отдельной личности или обществ, нарушают права всех, или отдельного лица, и ограждать от таких действий.

Государство защищает человека, человеческое и должно останавливать и предотвращать всякое проявление зверя (*la bête humaine*) в человеке.

При нашей еще слабой культуре, отсутствии дисциплины ума и характера, отсутствии воспитания, у нас в народе не созрело то чувство законности, которым только и сильно всякое общежитие — ведь отсутствие этого чувства законности, порядка и заставило наших предков отдать себя чужой власти, тогда уже сумевшей постигнуть государственное значение законности, порядка. «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет», - говорят русские послы варягам; но и эти варяги, умевшие устроить порядок у себя, порядок, давший им такую силу и мощь, спасовали перед силой нашей распущенности, разброда мысли и чувства, и за тысячелетие этого порядка у нас не насадили, может быть потому, что для них важнее всего был не порядок, а порядки, власть, система подчинения, которую они ввели у нас токмо за страх, но не за совесть, не заботясь о воспитании в народе разумного, сознательного, добровольного чувства законности — за совесть — ведь такая сознательная законность должна была привести к сознанию необходимости самоопределения, уничтожения деспотизма, той железной силы помощью которой потомки варягов держали в повиновении Русь.

Говоря о свободе, каждый хочет ее только для себя, забывая о такой же свободе для своих сограждан, под свободой понимает свою свободу, а не свободу всех. Понятие о свободе у многих не выше ее понимания разгулявшимися купчиками: «всяк волен делать, что хочет, а кто не будет петь, того бить».

Уважение к правам чужой личности у нас еще нет. Старый девиз католической церкви *compellere intrare* (силой заставить принять свою веру) жив у нас, и мы, как старые проморские славяне, готовы всенародно на вече сечь меньшинство для достижения единомыслия, или, как древние новгородцы, сбрасывать противников с моста Волхов для достижения «одиначества». Уважения к законности чужого мнения, признания за каждым права мыслить по его разумению у нас нет. Наш девиз: кто не с нами, тот против нас, и такого иномысленника нужно *compellere intrare*.

Гениальнейший из наших поэтов, не только лучше всех на-

ших поэтов и писателей понявший сущность нашего национального духа, но вместе и гениальный мыслитель, умевший всегда и во всем понять его истинную сущность, ясно сформулировал истинное понятие свободы — он хотел «свободной душой Закон боготворить».

Он понимал общественную свободу, как сочетание святой вольности прав человека с людскими законами: только там человек не раб, где над всеми простер один твердый щит равного для всех закона, где личность, личная свобода, сознательно подчиненная закону во имя высокого идеала — всеобщего блага.

Свобода не есть безграничное необузданное своеволие, беспрепятственное удовлетворение диких страстей: кто для себя лишь ищет воли, тот раб, раб тех самых страстей, для которых он требует воли; не он свободно управляет ими, а они владеют им, порабащают его душу. Свобода неразлучна с ограничением, свобода — сознательное подчинение низших сторон души высшим, животного духовного, сознательное, благоговейное подчинение нравственному идеалу. Тот, в чьей душе нет этой высшей свободы, этой внутренней гармонии, для того нет покоя, нет счастья, нет свободы; он не найдет ее ни на снежных вершинах гор, как кавказский пленник, ни в мирном кругу детей природы, как Алеко, ни в сельском уединении и светской гостиной, как Онегин. Рабом прирожденных привычек и вкусов, рабом несдержанных просветленным умом страстей, рабом им же презираемой и опустылой толпы он останется навсегда и среди детей природы, и в блестящей толпе культурного общества.

И поэтому прав был Прудон, назвавший деспотизм старшей дочерью свободы. Необузданная свобода, как древний бог, пожирает сама себя и на ее месте вырастает деспотизм, анархия.

Свобода есть самоограничение во имя высших идеалов. Только при ясном сознании такого истинного понимания свободы возможны и развитие личности, ее лучших качеств, и процветание государства, народа, и только тот, кто так понимает свободу, заслуживает почетного имени

*Человека.*

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

### Литература:

1. Державний архів Одеської області (ДАОО). – Ф. 153. – Оп. 1. – Спр. 9.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 1035. – Оп. 1. – Д. 40.
3. В университете // Одесские новости. – 1907. – 21 марта.
4. Линниченко И.А. Альфред де Мюссе. – Одесса, 1910. – 28 с.
5. Одесские новости. – 1915. – 17 октября.
6. ДАОО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 499.
7. Ам. І. [Линниченко И.А.] Патриархальный министр // Голос мивушего. – 1916. – № 7-8. – С. 287 – 289.
8. Линниченко И.А. Наше учебное дело. Мысли и факты. На правах рукописи. – Одесса, Б.г. – 84 с.
9. Одесский листок. – 1914. – 6 января.
10. ДАОО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 7.
11. Линниченко И.А. Психология борьбы. – Одесса, 1914; Одесский листок. – 1917. – 8 марта.
12. Линниченко И.А. Открытое письмо студенчеству и молодежи. – Одесса, 1917. – 16 с.
13. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 4905.
14. Линниченко И.А. Политические воззрения Н. Карамзина (к 100-ю выхода в свет «Истории государства Российского») // Голос мивушего. – 1917. – № 1.
15. ДАОО. – Ф. 153. – Д. 441. – Л. 20.
16. ДАОО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 6, 14; Сила нездепняя // Единая Русь. – 1919. – 27 сентября.
17. Линниченко И.А. Письма к русскому народу. Отчего у нас нет патриотизма // Единая Русь. – 1919. – 18 сентября.
18. Державний архів Автономної Республіки Крим (ДААРК). – Ф. 538. – Оп. 1. – Д. 87.
19. ДАОО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 6.
20. Линниченко И.А. Заметки о Пушкине // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. – Вып. 54. – 1918. – С. 265-276.
21. Л. Жертва вечерняя // Малая Русь. – Вып. 2. – К., 1918. – С. 143-147.
22. ДАОО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 89.
23. ДААРК. – Ф. 538. – Оп. 1. – Д. 34.
24. ДААРК. – Ф. 538. – Оп. 1. – Д. 66.

*Сергей Решетов, генеалог, член Русского генеалогического общества*

### *К РОДОСЛОВНОЙ В. ШУЛЬГИНА И В. ПУРИШКЕВИЧА*



Хотелось бы поделиться с читателями находкой в Государственном архиве Одесской области, которая позволила добавить еще один штрих к биографии Василия Витальевича Шульгина (1 [13] января 1878, Киев - 15 февраля 1976, Владимир) - российского политического, общественного деятеля и известного публициста. Он был редактором газеты «Киевлянин», депутатом II-й, III-й и IV-й Государственных Дум, одним из организаторов и идеологов белогвардейского движения, принял отречение императора Николая II. Ведущая роль в изучении биографии В. Шульгина принадлежит известному генеалогу Ростиславу Григорьевичу Красюкову (1935-2008), одному из учредителей Русского генеалогического общества в С.-Петербурге. Он был хорошо знаком с В. Шульгиным в его последние девять лет жизни и под диктовку Василия Витальевича записал ряд воспоминаний, часть которых была издана [1].

По просьбе Р. Г. Красюкова автор настоящей статьи принимал участие в сборе материалов для подготовки именного указателя к воспоминаниям В. Шульгина - «Тени, которые проходят» и «Эмиграция». В июле 2012 г. первые из них под редакцией и с комментариями Р. Г. Красюкова были опубликованы в с.-петербургском издательстве «Нестор-история» (в этих воспоминаниях описываются и события в Одессе в 1918-1920 гг.).

Известно, что некоторый период жизни В. Шульгина связан с Одессой. Он находился в Одессе зимой 1918 - весной 1919 гг., являясь политическим советником военного губернатора Одессы,

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова. В ГАОО, в семейном архиве профессора Императорского Новороссийского университета Ивана Андреевича Линниченко (1857-1926) хранятся отпечатанные на пишущей машинке (видимо, самим профессором) следующие тексты: *«Возможно ли признание украинского государства? /Мотивы отказа В. В. Шульгина и А. И. Савенко от украинского гражданства/»* (без автора, после августа 1918 г.) [2] и *«Открытое письмо В. В. Шульгина г-ну Петлюре»* (копия 1919 г.) [3].

В декабре 1919 г. В. Шульгин вновь оказался в Одессе, где занимался организацией добровольческого формирования для защиты города от большевиков. После неудачной попытки выбраться вместе с женой и двумя сыновьями из Одессы в начале 1920 г., он вынужден был вернуться в город и остался на нелегальном положении в занятой большевиками Одессе, где руководил созданным им местным отделением подпольной разведывательной организации «Азбука». Однако Одесской ЧК удалось выйти на след В. Шульгина, был арестован член «Азбуки» Ф. А. Могилевский, а самому В. Шульгину вместе со своими сыновьями чудом удалось совершить побег из Одессы в Крым на вёсельной лодке.

Филипп Александрович Могилевский (1886-1920) был племянником В. Шульгина, внебрачным сыном его сестры Павлы Витальевны и отчима, Д. И. Пихно. В годы 1-й мировой войны Ф. Могилевский служил под началом В. Шульгина в санитарном отряде Юго-Западной земской организации, сотрудничал в издаваемых дядей газетах «Великая Россия» и «Россия». Был арестован одесской ЧК и расстрелян в Одессе.

С Одессой Василия Шульгина связывает еще одно событие - здесь состоялось его венчание с первой супругой. Согласно собранным Р. Г. Красюковым материалам по генеалогии рода Шульгиных, Василий Витальевич «венчался с Екатериною Григорьевною Градовской 29. 01. 1899 в Одессе (церковь неизвестна). Шульгина (Градовская) Екатерина Григорьевна. Род. в 1869».

Метрическая запись о венчании В. Шульгина с Е. Градовской

была обнаружена мной в январе 2012 г. Согласно записи №23 [о венчании], 20 января 1899 г. в Покровской церкви г. Одессы\* священником Дмитрием Стефановичем Самариным было проведено венчание. Жених: студент Императорского Университета Св. Владимира\*\* Василий Виталиев Шульгин, православного исповедания, первым браком, 21 год; невеста: дочь коллежского советника Екатерина Григориева Градовская, православного исповедания, первым браком, 31 год. Поручителями при венчании выступили: податной инспектор 2-го участка города Киева, титулярный советник Сергей Григориев Градовский и дворянин Виталий Григориев Градовский; по невесте: студент Университета Св. Владимира Андрей Дмитриев Смирнов и дворянин Федор Николаев Вуич [4. 247 об. - 248].

Все поручители при венчании фигурируют в подготовленных Р. Г. Красюковым к публикации воспоминаниях Василия Витальевича под названием «Тени, которые проходят»: братья невесты Сергей (даты жизни неизвестны) и Виталий (1876 - начало 1930- х гг.) Григорьевичи Градовские, оба податные инспектора; Андрей Смирнов, один из друзей В. Шульгина; Ф. Н. Вуич, дворянин Херсонской губернии, поклонник артистического таланта Е. Г. Шульгиной, урожд. Градовской (вероятно, его братьями были Александр и Николай Николаевичи Вуичи, помещики деревни Семигорье или Лобачиха Александрийского уезда Херсонской губ.).

Относительно семьи первой супруги В. Шульгина Р. Г. Красюков сообщал: *«Градовские, три старинных дворянских рода литовско-русского происхождения; род писателя Григория Константиновича Градовского, отца Е.Г. Шульгиной, внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Херсонской губернии. Градовский Григорий Константинович (1842-1915), известный писатель и журналист последней трети XIX в., отец Е. Г. Шульгиной. Градовский Николай Константинович, дядя Е. Г. Шульгиной, херсонский помещик, владелец имения Макаровка»* (Николай, сын поручика Константина Градовского был причислен по определению собрания 15 февраля 1864 г. в VI часть

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

дворянской родословной книги Херсонской губернии [5. 40]).

В архивном фонде Земского банка Херсонской губернии (ГАОО) числилось ныне утраченное дело «О залоге имения землевладельца Александрійского уезда, надворного советника Николая Григорьевича Градовского при сельце Барановке (31.03.1865-13.02.1896)» [6]. Упомянутый Н. Г. Градовский на 1866 г. входил в правление Земского банка Херсонской губернии, учрежденного 30 мая 1864 г. в Одессе, а также являлся гласным Александрійского уездного земского собрания. Упоминаются Градовские и в «Списке землевладельцев Александрійского уезда на 1896 год»: вдове подполковника Анне Михайловне и ее дочери Ольге Николаевне принадлежало 387 десятин 1200 сажений земли при деревне Кабзаревке, а вдове надворного советника Марии Александровне и ее сыновьям Ивану и Георгию Николаевичам принадлежало 940 десятин 1200 сажений земли при деревне Барановка Александрійского уезда Херсонской губернии.

Супруга В. Шульгина, Екатерина Григорьевна Градовская стала публицистом, писала и принимала активное участие в издании газеты «Киевлянин», которую издавал ее супруг, и была её управляющим. После развода с В. Шульгиным в 1923 г. она покончила жизнь самоубийством. От их брака родилось трое детей - сыновья Василид (Василёк), Вениамин (Ляля) и Дмитрий. 19-летний Василид добровольцем записался в «Орденскую дружину», состоявшую в основном из учащейся молодёжи, и погиб, как и все 25 юношей из этой дружины, в бою с армией Директории УНР в декабре 1918 г. при обороне Киева, когда их забыли поставить в известность, что гетман Скоропадский капитулировал и они могут покинуть позицию. Вениамин в 1920 г. служил в пулемётной команде Марковского полка и пропал без вести (был раненым захвачен красными в плен) во время Крымской эвакуации.

В. Шульгин дважды предпринимал безуспешные попытки найти следы сына, тайно посещая СССР, полагая, что сын находится в сумасшедшем доме. Младший сын, Дмитрий, родился 10/23 мая 1905 г. В 1920 г. в 15-летнем возрасте поступил в

воссозданный в Крыму Морской кадетский корпус, в числе которого на борту Русской эскадры ушёл в Бизерту. Во время 2-й мировой войны работал в Польше, жил в Гдыне, откуда, по видимому, через Швецию перебрался в США. В конце 1960-х гг. Дмитрий нашёл отца, и они вступили в переписку. В. Шульгин хотел увидеть сына и обратился к советским властям с просьбой о поездке к нему.

После долгих мытарств пришёл ответ: «Нецелесообразно», после чего КГБ вообще прервало переписку сына и отца. В 1970 г. Дмитрий жил в городке Гленнбурн, в 25-ти километрах от Балтимора, и работал в строительной фирме, с ним же работал и его сын Василий Дмитриевич [7] (родился в 1943 г.). Дмитрий называл себя Демьяном, проживал в городе Бессемер (Алабама), американского гражданства так и не принял, говоря: «Но ведь кто-то должен оставаться русским!». При этом в американских документах Дмитрий Васильевич именовался как «Dimitry Schulgin». Он скончался в возрасте 94 лет 15 июня 1999 г. Последние годы проживал в Бирмингеме (Алабама).

20 января 1899 г. в Покровской церкви г. Одессы состоялось венчание В. Шульгина. Примечательно, что также в Одессе, также в январе и также в 1899 г. состоялось венчание не менее известного в будущем, чем В. Шульгин, политического деятеля - Владимира Митрофановича Пуришкевича (оба являлись лидерами фракции «правых» в Государственной Думе).

Согласно родословной Пуришкевичей, составленной Е. А. Румянцевым [8], основоположником их рода был священник Василий Васильевич, который родился в 1800 г. в семье священника с. Оксанина Киевской губернии. С 1835 г. он был кишиневским



кафедральным протоиереем, скончался 10 февраля 1882 г., похоронен на Кишиневском городском кладбище. Кроме духовных наград, В. В. Пуришкевич был удостоен светских орденов до ордена Св. Владимира 3-й степени включительно, что давало ему право претендовать на потомственное дворянство. Сам он к дворянству причислен не был, так как принадлежал к духовному сословию. Однако на его потомков это право распространялось, чем и воспользовался впоследствии его сын Митрофан. От брака с Марией Ивановной, фамилия которой не установлена, Василий Васильевич имел детей Венедикта (? - 70-е гг. XIX в.), Александру (род. 26 апреля 1836 г., с 1856 г. замужем за титулярным советником Яковом Мурзой) и Митрофана.

Митрофан Васильевич родился 17 декабря 1839 г. в Кишиневе, окончил Ришельевский лицей в Одессе. В службе находился с 4 декабря 1863 г., служил судебным следователем, был почетным мировым судьей, гласным Аккерманского уездного и Бессарабского губернского земств. Действительный статский советник с 6 декабря 1909. На 1915 г. был помощником Аккерманского уездного предводителя дворянства, почетным мировым судьей того же уезда, членом Одесского отделения крестьянского поземельного банка, попечителем Ивановско-Русской земской ремесленной мастерской [9. 1106]. Так же, как и сын Владимир, был участником монархического движения, членом Русского Собрания с 1908 г., а в 1910 г. членом Совета Русского Собрания. Скончался Митрофан Васильевич 3 мая 1915 г.

М. В. Пуришкевич был женат на Луизе-Елизавете (род. 15 ноября 1845 г.), дочери коллежского асессора Владимира Васильевича Джуминского и Юлии Стефановны, фамилия которой не установлена. От брака с ней имел детей: Владимира, Серафиму (Сарру) (род. 20 августа 1871 г., в Кишиневе, 27 мая 1900 г. вышла замуж за бессарабского дворянина Михаила Евгеньевича Понсэ), Марию (род. 21 октября 1873 г. в Кишиневе) и Михаила. Благодаря удачной женитьбе М. В. Пуришкевич стал крупным землевладельцем. 14 января 1878 г. состоялось определение Бессарабского дворянского депутатского собрания о причислении к дворянству Митрофана Васильевича, его

жены Луизы и детей Владимира и Серафимы (Сарры) по заслугам Василия Васильевича - орденам Св. Владимира 3-й и 4-й степеней. Указ герольдии с утверждением состоялся 23 мая 1878 г. Спустя почти тридцать лет, 9 февраля 1911 г., Бессарабское дворянское собрание исключило В. М. Пуришкевича из своих рядов за оскорбление А. Н. Крупенского.

Владимир Митрофанович Пуришкевич родился 12 августа 1870 г. в Кишиневе. Окончил с золотой медалью Кишиневскую 1-ю гимназию. В августе 1890 г. поступил на историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета [10. 2 - 3], который окончил в 1895 г. За конкурсное сочинение «История олигархических переворотов в Афинах» был удостоен золотой медали. Владимир Пуришкевич был блестящим оратором, писал стихи и эпиграммы на политические темы.

После окончания университета В. Пуришкевич начал карьеру в родных местах (вступил в службу 8 сентября 1895 г.), был избран гласным Аккерманской уездной земской управы Бессарабского губернского земства, почетным мировым судьей и почетным попечителем Аккерманской мужской гимназии. В 1898-1900 гг. - председатель Аккерманской уездной земской управы. При этом В. Пуришкевич в 1898/1899 учебном году состоял сверхштатным преподавателем латинского языка в Одесской 4-й гимназии [11. 423], которая располагалась в бывшем дворце Абазы на Пушкинской, 13 угол Греческой, 14 (в 1901 г. эту гимназию окончил младший брат Владимира - Митрофан). В 1901 г. переехал в С.-Петербург, где состоял чиновником, прикомандированным к Главному управлению по делам печати МВД. В 1906 г. избран депутатом II-й Государственной Думы от Бессарабской губ., с этого времени и до 1917 г. был политиком. С 16 мая 1912 г. - действительный статский советник. На 1915 г. - почетный попечитель Аккерманской мужской гимназии и почетный мировой судья по Аккерманскому уезду Бессарабской губ. [12. 1704]. Крупный землевладелец (у жены в совместном владении с братьями - 2400 дес. и 1600 дес. у отца).

В. Пуришкевич избирался депутатом III-й Государственной Думы (также от Бессарабии) и IV-й Думы от Курской губернии (он повздорил с бессарабскими правыми деятелями, которые проводили политику соглашения с октябристами, и был включен Н. Е. Марковым в избирательный список от Курской губ.). Был членом фракции правых (до ноября 1916 г.), одним из главных ораторов правых по принципиальным политическим вопросам, один из инициаторов создания Союза русского народа, организатор Палаты Михаила Архангела, участником убийства Григория Распутина. Скончался 11 (24) января 1920 г. в г. Новороссийске, занятом войсками ВСЮР (генерала А. Деникина), от сыпного тифа.

Метрическая запись о венчании В. Пуришкевича была обнаружена мной в сентябре 2008 г. Согласно записи №5 [о венчании], 24 января 1899 г. в Александро-Невской церкви при Императорском Новороссийском университете г. Одессы настоятелем университетской церкви протоиереем Василием Войтковским с диаконом Федором Крохмаленко было проведено венчание. Жених: председатель Аккерманской уездной земской управы дворянин Владимир Митрофанов Пуришкевич, православного исповедания, первым браком, 28 лет; невеста: дочь дворянина Николая Альбранда - девица Анна Николаева, православного исповедания, первым браком, 25 лет. Поручителями при венчании выступили: по жениху: дворянин Эразм Францов Люткевич и дворянин Георгий Стефанов Гонато, по невесте: дворянин Сергей Александров Кононович и дворянин Иоанн Францов Люткевич [13. 6 об.- 7]. К записи имеется приписка: *«Сей акт выписан канцеляриею консистории на выдачу брачного свидетельства, дело №741 = 99 г.»*. Выбор университетской церкви был обусловлен тем, что ранее (1895 г.) В. Пуришкевич окончил университет в Одессе.

Анна Николаевна Альбранд, супруга В. Пуришкевича, родилась 24 марта 1873 г. и была крещена в Покровской церкви села Покровское Одесского уезда Херсонской губ. Она принадлежала к большой семье выходцев из Франции (в разных ис-

точниках их фамилия писалась так же, как Альбрандт или Альбрант), прибывших в Россию в 1784 г. Ее родителями были Николай Иванович Альбранд (1831-1899) и Анна Павловна Чернова (род. 1842). Н. Альбранд, так же как и Пуришкевич-старший учился в Ришельевском лицее, вышел в отставку с чином штабс-ротмистра. Был крупным землевладельцем и общественным деятелем. Определением Херсонского дворянского депутатского собрания от 25 ноября 1844 г. Н. Альбранд был вместе с отцом, братьями и сестрами причислен к роду деда (утверждено определением Правитель Сената от 1 июня 1844 г., указ от 14 февраля 1845 г. за №2358), а определением Киевского дворянского депутатского собрания от 5 марта 1846 г. (утверждено указом 17 мая 1848 г. за № 12633) вместе с отцом, братьями и сестрами внесен в дворянскую родословную книгу Киевской губ. [14]. Определением Херсонского дворянского депутатского собрания от 14 марта 1878 г. сыновья Н. Албранда были внесены в 1-ю часть дворянской родословной книги Херсонской губ. (утверждено указом 22 мая 1878 г.), а определением от 27 декабря 1890 г. к роду сопричислены и его дочери, включая Анну (утверждено указом 10 апреля 1891 г. под № 3416) [14. 314 - 315]. Анна Пуришкевич, как и ее супруг являлась членом Русского Собрания, а с началом I-й мировой войны принимала участие в работе организованного им санитарного отряда [15. 424, 427].

В Государственном архиве Одесской области можно встретить и другие упоминания о семье Пуришкевичей. Так, поручителем по невесте при венчании в той же университетской церкви 12 октября 1886 г. губернского секретаря Льва (Леона) Иосифовича Лысаковского (потомка известного Шарля Сикара) и дворянки Елены Николаевны Макри выступил надворный советник Митрофан Васильевич Пуришкевич [16. 170 об. - 171] (отец Владимира Митрофановича). Интересно, что поручителем по жениху выступил надворный советник Александр Петрович Альбранд, двоюродный дядя будущей супруги сына Митрофана Васильевича, А. Н. Альбранд.

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

В описи 1 фонда 249 ГАОО (Земской банк Херсонской губернии) числится утраченное дело *«О предъявлении иска к Земскому банку статским советником Митрофаном Васильевым Пуришкевичем в сумме 930 р. с процентами, составляющими запасной капитал по залогу имения Леонида Михайлова Лангада /дело № 1923/, коему передано право взыскания (13.01.1899)»* [17].

Хранятся в архиве и личные дела студентов Императорского Новороссийского университета - Михаила Митрофановича, Всеволода и Вадима Владимировичей Пуришкевичей (брата и сыновей Владимира Митрофановича). Михаил Митрофанович, младший брат В. М. Пуришкевича, родился 12 июля и был крещен 17 августа 1883 г. в Ильинской церкви Кишинева, восприемниками при его крещении выступили действительный статский советник Константин Иванович Дунка и вдова купца Екатерина Ивановна Лангада [18. 10].

В личном деле среди прочих документов, имеется прошение его отца о выдаче удостоверения о том, что Михаил является студентом для предоставления в Бессарабское дворянское депутатское собрание о причислении сына к его роду (15 апреля 1904 г.), документы об обучении в течении одного года в Кишиневской II-й гимназии, откуда он перевелся в одесскую IV-ю гимназию, аттестат которой был выдан 1 июня 1901 г., в июле зачислен в студенты университета по юридическому факультету, 1 ноября 1905 г. из Одессы просил выдать документы [18. 1 - 10]. Также в ГАОО хранится свидетельство, выданное студенту IV курса университета М. М. Пуришкевичу о праве на диплом и два экземпляра диплома I-й степени о сдаче экзаменов юридической комиссии, датированные 28 октября и 25 ноября 1905 г. [19. 1 - 3].

Вадим Владимирович Пуришкевич родился 12 апреля 1901 г. и 12 июня крещен в С.-Петербургской Введенской лейб-гвардии Семеновского полка церкви, восприемниками выступили инженер путей сообщения надворный советник Леонид Михайлович Лангада и жена потомственного дворянина Екатерина Николаевна Стефанович [20. 4]. После обучения в Императорском училище правоведения в С.-Петербурге (сентябрь 1912-10 июля

1918 г.) 23 сентября 1918 г. поступил на юридический факультет Одесского университета. В это время проживал в Одессе по ул. Черноморской, 25.

Всеволод Владимирович Пуришкевич родился 21 октября и крещен 8 декабря 1899 г. в кафедральном Преображенском соборе Одессы, восприемниками выступили титулярный советник Владимир Николаевич Албранд и потомственная дворянка Анна Николаевна Албранд. После обучения в Императорском училище правоведения (сентябрь 1910 г. - 7 июля 1918 г.), 23 сентября 1918 г. поступил на юридический факультет Одесского университета [21. 1 - 9].

Автор благодарит С. А. Желяскова, Е. А. Румянцева (Кишинев) и А. А. Шумкова (С.-Петербург) за помощь в работе над статьей.

### Литература:

1. Шульгин В. В. 1917-1919. Предисл. и публ. Р. Г. Красюкова. Комментар. Б. И. Колоницкого // Лица. Биографический альманах. - М. - СПб., 1994. Т. 5. - С. 121 - 328; Шульгин В. В. Пятна. Предисл. и публ. Р. Г. Красюкова // Лица. Биографический альманах. - М. - СПб., 1996. Т. 7. - С. 317 - 415.
2. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). - Ф. 153. - Оп. 1. - Д. 563.
3. ГАОО. - Ф. 153. - Оп. 1. - Д. 572.
4. Запись о венчании В. В. Шульгина и Е. Г. Градовской в метрической книге Покровской церкви г. Одессы на 1899 г. // ГАОО. - Ф. 37 (Херсонская духовная консистория). - Оп. 13. - Д. 437. - л. 247 об.-248.
5. Российский государственный исторический архив. - Ф. 1343. - Оп. 51. - Д. 672. - л. 40.
6. ГАОО. - Ф. 249. - Оп. 1. - Д. 24 (утрачено).
7. Сообщено Р. Г. Красюковым.
8. Национальный архив Республики Молдова: 1) - Ф. 88. - Оп. 1. - Д. 1975. - Документы, удостоверяющие дворянское происхождение Пуришкевича Митрофана Васильевича и его семьи. 1877-1912; 2) - Ф. 88. - Оп. 2. - Д. 196. - Личное дело депутата дворянства по

## ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

---

Аккерманському уезду Пуришкевича В. М. Сообщено Е. А. Румянцевым.

9. Список гражданским чинам первых четырех классов. Чины четвертого класса. Ч. I. - Птг., 1915.

10. Список студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета в осеннем полугодии 1890 - 91 учебного года. Одесса, 1890.

11. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. - М., 2008.

12. Список гражданским чинам первых четырех классов. Чины четвертого класса. Ч. II. - Птг., 1915.

13. Запись о венчании В. М. Пуришкевича и А. Н. Альбранд в метрической книге Александро-Невской церкви при Императорском Новороссийском университете г. Одессы на 1899 г. // ГАОО. - Ф. 37. - Оп. 13. - Д. 430.

14. О дворянстве рода Альбранд Киевской и Херсонской губерний // РГИА. - Ф. 1343. - Оп. 16. - Д. 1428. -лл. 73 - 79, 116 - 117, 122 - 123 об., 145 - 146. Сообщено А. А. Шумковым.

15. Черная сотня. Историческая энциклопедия.

16. Запись о венчании Л. И. Лысаковского и Е. Н. Макри в метрической книге Александро-Невской церкви при Императорском Новороссийском университете г. Одессы на 1886 г. // ГАОО. - Ф. 37. - Оп. 13. - Д. 69. - л. 170 об. - 171.

17. ГАОО. - Ф. 249. - Оп. 1. - Д. 2291 (утрачено).

18. Личное дело студента Михаила Митрофановича Пуришкевича (37 л.) // ГАОО. - Ф. 45. - Оп. 5. - Д. 10820. Здесь и далее сведения из личных дел сообщены С. А. Желясковым.

19. ГАОО. - Ф. 42 (Канцелярия попечителя одесского учебного округа). - Оп. 36. (Копии дипломов, свидетельств и других документов студентов Новороссийского университета, 1891 - 1920 гг.). - Д. 899.

20. Личное дело студента Вадима Владимировича Пуришкевича (9 л.) // - ГАОО. - Ф. 45. - Оп. 5. - Д. 10824.

21. Личное дело студента Всеволода Владимировича Пуришкевича (9 л.) // - ГАОО. - Ф. 45. - Оп. 5. - Д. 10823.

**ЮГО-ЗАПАД. ОДЕССИКА**

---

---

Наукове видання

**ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕССИКА**

Історико-краєзнавчий науковий альманах

Випуск 16

Українською та російською мовами

# **ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА**

---

---

**Технічний редактор Л. Нарушевич  
Коректор Н. Чолак  
Обкладинка М. Балобанов**

**Підписано до друку 15.07.2013 Формат 60x84 1/16  
Гарнітура Bodoni СТТ. Друк офсетний.  
Фіз. друк. арк. 17,4. Ум. друк. арк. 16,26.  
Наклад 300 прим. Зам. № 88-04  
Видавничо-поліграфічне підприємство «Друкарський дім»  
Свідоцтво ДК2 №1732 від 29.03.2004.  
Одеса, вул. Садова, 3. Тел.: 32-82-04  
E-mail: p\_dom@tvweek.odessa.ua**